ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

РОСТОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. А. СУСЛОВА

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
В. Я. Кияшко

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОСТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1983

Г4(2р37) я 432

П78

Печатается по решению бюро
отделения гуманитарных наук
Северо-Кавказского научного центра
высшей школы

Редакционная коллегия:
Д. Б. Шелов, Л. М. Казакова

АНР К

Рецензент
кандидат исторических наук
Т. М. Арсеньева

Ростов... Гос. университет (Дон. ...)

1.214.149

Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. —

Издательство Ростовского университета, 1983. —

136 с.

В межвузовском сборнике рассматриваются вопросы, связанные с хронологией памятников и отдельных явлений и охватывающие практически все археологические эпохи в пределах данного региона. В статьях сборника делаются выводы о характере памятников, их хронологических рамках, об особенностях развития отдельных хронологических культур.

Сборник рассчитан на историков и археологов, краеведов, учителей, музейных работников.

П $\frac{5.7-023}{М175(03)-83}$ 13—82

© Издательство Ростовского университета, 198

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нижний Дон и Северный Кавказ богаты археологическими памятниками всех эпох. Их изучение ежегодно приносит новые факты, позволяет глубже и детальнее представить прошлое. В процессе исторических реконструкций очень важно уточнение хронологии и периодизации древних культур, выявление скрытой веками связи событий в разных сферах жизни наших предшественников. Для рассматриваемой территории особое значение во все времена имели взаимные связи обширных степных культурно-исторических общностей и Кавказа. Камень и металл кавказского происхождения, в изобилии встречающиеся в памятниках Дона и Кубани, кавказские типы изделий — не просто археологические факты, а свидетельства могучего воздействия развитых южных племен на быт и идеологию северных соседей. В свою очередь, достижения экономики и культуры из степных районов проникают на юг, нередко именно такое направление влияний получало преобладающее значение.

За сравнительно абстрактными представлениями о культурных и экономических связях прячется живая, богатая событиями политическая история последних тысячелетий; история взлетов и падений племен и вождей, история союзов и войн, социальных перемен и передвижений. Тщательно исследованные материалы раскопок помогают воссоздавать и эту историю. «Археологические кирпичики» верно служат делу реконструкции прошлого, и от их научной «прочности» зависит качество конечных построений.

Резкое увеличение объема полевых исследований в последние десятилетия привело, помимо бесспорных достижений, к одному негативному явлению — темпы роста археологических источников существенно обгоняют темпы их научной публикации и осмысления. Относительным выходом в таком положении является издание предварительных итогов новых исследований. Предлагаемый вниманию читателей сборник относится к числу именно таких изданий. В нем отражены результаты археологических работ 1975—1979 гг. на обширных территориях Северного Причерноморья, Поволжья и Северного Кавказа. В кратких статьях изложено содержание докладов, сделанных авторами на IV Донской археологической конференции осенью 1979 г. Вопросы, рассмотренные широким кругом авторов из разных городов нашей страны, непосредственно связаны с проблемами археологии Дона, но без сомнения они заинтересуют и специалистов-археологов, изучающих другие территории.

Л. Я. Крижевская

НИЖНЯЯ ГРАНИЦА И ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

Ленинград

При раскопках матвеево-курганских неолитических памятников, произведенных в последнее десятилетие, добыты материалы, позволяющие по-новому поставить вопрос о характере перехода от мезолита к неолиту в Северо-Восточном Приазовье. Как уже известно из литературы [8; 9], кремневый инвентарь этих поселений, составляющий абсолютное большинство находок, наделен рядом своеобразных признаков. Это относительно крупнопластинчатая индустрия, специфика которой заключается в слабом развитии форм и ограниченности вторичной обработки. Основу орудийного комплекса составляют (не считая скребков на отщепах) разноретушированные по продольным краям пластинки и сечения, имевшие разнообразное функциональное назначение. Ретуширование незначительное и невысокого качества. Групп орудий немного, и представлены они единичными экземплярами или небольшим количеством изделий. Наиболее выразительны трапеции и угловые резцы. Какие бы то ни было острия и наконечники стрел отсутствуют.

Вместе с тем если обратиться к степным позднемезолитическим культурам в поисках генезиса матвеево-курганской, то оказывается, что среди ныне известных [11; 13] матвеево-курганская наиболее сопоставима с гребениковской, хотя в Приазовье имеются памятники с кукрекскими индустриальными традициями (Каменная могила) [5]. Гребениковская культура представлена, по данным В. Н. Станко, десятками памятников, среди которых несколько опорных — Гребеники, Гиржево, Мир-

ное, Познанка и др. [11; 12]. Некоторые из них, располагаясь на уровне современной поймы, в широких долинах лиманного типа, сходны с матвеево-курганскими по топографии. Для гребениковской культуры характерны следующие признаки, сближающие ее с матвеево-курганской: сходство ядрищ — преобладание плоских двуплощадочных с частичной желвачной коркой; небольшой процент орудий к общему количеству каменного инвентаря (например, в Гребениках 8%); отсутствие разнообразия форм и отсутствие серийности в них [4]; слабое развитие геометризации (присутствуют исключительно трапеции) [6; 12]; почти полное отсутствие резцов; не характерны и пластинки со скошенным краем, изготовление скребков на отщепах (единичность концевых на пластинках). В комплексе этих признаков не трудно узнать прообраз матвеево-курганской индустрии.

Вместе с тем в обеих культурах есть четкие признаки различия. Таковы микроформы гребениковской культуры: широко распространенные округлые скребочки [3], микрокомплексы (например, на поселении Мирное), включающие разноретушированные микропластинки, в том числе с притупленной спинкой.

В матвеево-курганской индустрии микрокомплекс ничтожно мал. Он представлен 2—3 десятками микропластинок без вторичной обработки и составляет не более 0,5% к общему количеству пластинок. В то же время появляются впервые жатвенные ножи, выявленные микроанализом следов, новые формы оббитых кремневых топоров, отличных от мезолитических. Итак, при сопоставлении самих кремневых индустрий наблюдается появление новых черт в матвеево-курганской, знаменующих их развитие и возрастные изменения. Большое же количество признаков сходства позволяет, на наш взгляд, сделать заключение о генетической преемственности данных культур.

Изменение в индустрии сопровождается новыми, принципиально важными признаками: появлением сланцевой, достаточно развитой индустрии, совершенно неизвестной в мезолите Причерноморья. Она содержит разнообразные плотницкие инструменты и большой набор грузил. Ее характеризует особый прием частичной или незначительной шлифовки, что, по-видимому, следует рассматривать как хронологический показатель более раннего времени.

Произошли изменения и в видовом составе животных по сравнению с мезолитической фауной. Если в последней представлены исключительно дикие виды [2], то матвеево-курганская фауна содержит, согласно определению В. И. Бибиковой,

85% диких видов, 5% домашних животных — свинья и коза (овца) и 10% — возможно домашних. Фауна дополняется костными остатками рыб, что объясняет значительное количество грузил и костяных гарпунов, свидетельствующих о большом удельном весе рыболовства в хозяйстве населения.

Особое место в матвеево-курганских поселениях занимает керамика, которая подразделяется на две весьма своеобразные группы. К первой относятся фрагменты, достоверно принадлежащие сосудам, наделенные, однако, некоторыми особенностями. Так, они очень малочисленны. Представлены только обломки стенок. Типологически они близки керамике эпохи бронзы, что и позволило некоторым исследователям сомневаться в принадлежности керамики к этому комплексу, а последний рассматривать как мезолитический [14]. Однако эта группа имеет прямые аналогии с ранненеолитической керамикой крымских стоянок, которая, как отмечает Д. А. Крайнов, также типологически близка посуде эпохи бронзы [7].

Вторая группа керамики не содержит фрагментов сосудов. Она включает многочисленные поделки из глины не всегда ясного назначения. Глина не имеет примесей, керамическое тесто, очевидно, не подготавливалось. Среди поделок есть кусочки обмазки небольших округлых предметов, возможно, деревянных рукояток. Некоторые фрагменты могут быть приняты, с известной оговоркой, за обломки венчиков сосудов, на которых можно усмотреть подобие орнамента. К этому же комплексу относятся мелкие скульптурки, в том числе женская фигурка, лишенная головы, и голова животного, скорее всего кабана. Эта группа изделий, без сомнения относящаяся ко времени существования поселения, позволяет предположить, что гончарное производство здесь началось, по-видимому, не с изготовления посуды, а прошло предварительную ступень знакомства человека со свойствами обожженной глины, начавшуюся, наверное, с эмпирических наблюдений над глиной, естественно обожженной у кострищ.

Интересно, что близкие аналогии возникновения гончарства наблюдались в каменном веке Загроса, где первое использование глины зафиксировано в виде обмазки, затем, до изготовления сосудов, отмечено появление мелких поделок не всегда ясного назначения и мелкой скульптуры и только через тысячелетие — первая посуда, сразу в большом количестве — на поселениях Джармо, Белт и др. [17].

Таким образом, для матвеево-курганских поселений вопрос о признаках, разделяющих каменный век эпохи голоцена на мезолит и неолит, не является предметом дискуссии, поскольку

все они (начало производящих форм хозяйства, появление керамики и шлифованных орудий) удачно сочетаются во времени. Радиоуглеродные даты, полученные для поселения Матвеев I (7505±210 от н. д. GrN — 199 и 7180±70 от н. д., ЛЕ — 1217), свидетельствуют о значительной древности начальной фазы неолита относительно общих датировок неолита степей и в то же время позволяют уверенно относить происшедшие историко-культурные изменения именно к древнейшей его поре. На основании этих данных в хронологической схеме, предложенной Телегиным, следует, по-видимому, выравнять ее нижнюю границу, не поднимая до начала 5000 г. до н. э. [15].

В становлении раннего неолита значительную роль, бесспорно, играли культурные связи. Общее их направление — на юг и юго-запад. Помимо уже упомянутого сходства с Ташаирской керамикой, укажем на наличие в матвеево-курганских поселениях единичных экземпляров каменной посуды. Шаровидный сосуд с отверстием и плоская миска-тарелка уводят к аналогиям с сурско-днепровской культурой и подкрепляют этим их раннюю дату. Сходство по многим признакам наших поселений с ранненеолитическими поселениями Сорокской группы Буго-Днестровской культуры [10], существовавшими одновременно, также не исключает возможности непосредственных контактов. Приведенные данные дают основание предполагать переход к неолиту одновременно для всей территории Северного Причерноморья и рассматривать это как прогрессивно-поступательное развитие культуры местного населения.

Матвеево-курганские радиоуглеродные даты хорошо согласуются с датами Ракушечного Яра, средние слои которого, содержащие значительное число домашних видов животных, существовали на рубеже V и IV тыс. до н. э. [1]. Возникает вопрос о возможном соотношении нижних слоев Ракушечного Яра и матвеево-курганских стоянок. Есть еще один аспект генетических связей, уводящих к признакам трипольской культуры. Трипольские глиняные площадки, культовые захоронения, мелкая пластика — все это в поисках их генезиса уводит к матвеево-курганским поселениям, которые для Триполья могли являться чрезвычайно глубокой традицией.

В свете исследований последних лет, выявивших на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы широкий пласт раннего неолита, становится очевидной почти повсеместная его связь с предшествующими местными мезолитическими культурами. Например, в Волго-Окском бассейне, где ранне-

неолитический каменный инвентарь содержит постсвидерские формы; в ранненеолитической валдайской культуре, вобравшей традиции местного макро-микролитического мезолита; в ранненеолитической культуре Сперрингс, воспринявшей местные мезолитические формы каменного инвентаря. В Эстонии и Латвии переход от мезолита выражен в очень развитой оригинальной костяной индустрии с ее многочисленными орудиями рыболовства. Нарвско-неманская культура и ее варианты, ранний неолит на территории Белоруссии — все так или иначе уходят корнями в местный мезолит. Эволюционное автохтонное развитие раннего неолита выявилось в районе Среднего Зауралья, где мезолит и ранний неолит впервые исследованы за последние 2—3 года. А в Южноуральском неолите, с его развитой пластинчатой индустрией и специфическими формами орудий труда, влияние местного мезолита сказывалось достаточно сильно на протяжении всей неолитической эпохи. Существенно, что к единодушному выводу об автохтонном развитии раннего неолита исследователи пришли независимо один от другого, каждый на основании имеющегося в его распоряжении материала [16].

Новые материалы по раннему неолиту Причерноморья свидетельствуют, что и в степной зоне прослеживается та же закономерность: ранний неолит уходит своими корнями в местный мезолит. Было бы, конечно, неправильно представлять ранненеолитическое время как эпоху полной замкнутости и разобщенности человеческих коллективов. Имеется достаточное количество сведений о связях, передвижениях, внешних влияниях и импульсах. Однако все они имели подчиненное значение и не нарушали основной линии, основного направления развития раннего неолита на местной мезолитической основе.

Такая единообразная картина позволяет предположить, что в эпоху мезолита и неолита человеческое общество развивалось плавно и стабильно. Так, эпоха мезолита, развивавшаяся в изменившейся послеледниковой природной обстановке, была временем интенсивного передвижения и расселения на освободившейся ото льда территории. После чего, как показывает вся сумма фактов, наступила пора внутреннего развития населения, занявшего новые области и регионы. Сменивший ее этап развитого неолита характеризуется, согласно его этнокультурной карте, появлением новых крупных этнокультурных образований, в формировании которых значительную роль сыграла следующая волна передвижений и иных форм активных контактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белановская Т. Д. Хронологические рамки неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону и методы их определения. — КСИА АН СССР, вып. 153, 1978.
2. Бибикова В. И. Фауна копытных из мезолитических поселений северо-западного Причерноморья. — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН СССР. Одесса, 1975.
3. Борисковский П. И. Разведки памятников каменного века в Одесской области в 1962 г. — В кн.: Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского археологического музея в 1962 г. Одесса, 1964.
4. Григорьева Г. В. Новые данные о тарденуазской стоянке Гребеники в Нижнем Поднестровье. — ЗОАО, вып. 1. Одесса, 1961.
5. Даниленко В. Н. Неолит Украины. Киев, 1969.
6. Коробкова Г. Ф. Тарденуазская стоянка Гребеники в Нижнем Поднестровье. — КСИИМК АН СССР, вып. 67, 1957.
7. Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. — МИА, 1960, № 91.
8. Крижевская Л. Я. Новые исследования неолита Приазовья. — КСИА АН СССР, вып. 137, 1973.
9. Крижевская Л. Я. К вопросу о формах хозяйства неолитического населения в северо-восточном Приазовье. — В кн.: Первобытный человек и природная среда. М., 1974.
10. Маркевич В. И. Буго-Днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974.
11. Станко В. Н. Типы памятников и локальные культуры в мезолите Северного Причерноморья. — МИА, 1972, № 185.
12. Станко В. Н. Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья. — КСИА АН СССР, вып. 149, 1977.
13. Телегин Д. Я. Поздний мезолит Украины: опыт культурно-территориального членения памятников. — В кн.: The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973.
14. Телегин Д. Я. О критериях выделения мезолитических памятников на юго-западе Европейской части СССР. — КСИА АН СССР, вып. 149, 1977.
15. Телегин Д. Я. Вопросы хронологии и периодизации неолита Украины. — КСИА АН СССР, вып. 153, 1978.
16. Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. — МИА, 1973, № 172.
17. Schmandt-Bessarat D. The use of clay before pottery in the Zagros. — Expedition, 1974, v. 16, № 4.

Т. Д. Белановская

РАКУШЕЧНОЯРСКАЯ КУЛЬТУРА ВРЕМЕНИ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА НА НИЖНЕМ ДОНУ

Ленинград

В 50-х гг. Г. И. Горецкий открыл на Нижнем Дону культуру, получившую название цимлянской; автор датировал ее вре-

менем среднего неолита и на основании различий в керамике выделил две фазы: к первой, более ранней, была отнесена керамика с раковинной примесью в тесте, со сплошным орнаментом в верхней части сосудов, ко второй — керамика с небольшим содержанием раковин в тесте, с разреженным орнаментом. К этой же культуре относятся находки И. И. Ляпушкина у хуторов Жукова и Красного, В. Я. Кияшко у станицы Бессергеновской и, по-видимому, Самсоновское поселение, исследуемое А. Н. Геем.

Опорным памятником для рассматриваемого региона может служить многослойное поселение Ракушечный Яр, расположенное на северо-западной оконечности острова Поречного близ станицы Раздорской Усть-Донецкого района Ростовской области, раскопки которого ведутся экспедицией кафедры археологии Ленинградского госуниверситета имени А. А. Жданова при содействии Музея истории донского казачества в городе Новочеркасске. Четко выраженная стратиграфия дает возможность уточнить последовательность фаз развития культуры.

Ко времени неолита относятся нижние слои Ракушечного Яра (с 23 по 5), из которых слои с 23 по 6 отличаются незначительной мощностью (от 0,02 до 0,25 м), но тем не менее четко выражены, хотя прослеживаются иногда на ограниченном участке; залегают они в слое супеси и песка (за исключением 5 раковинного слоя, имеющего мощность 0,3—0,5 м). Верхние слои (с 4 по 1) характеризуются значительной мощностью (от 0,23 до 0,65 м), залегают они в слое гумусированного суглинка. Слои с 4 по 2 относятся ко времени энеолита, верхний 1 слой содержит единичные обломки керамики эпохи бронзы. Основанием для датировки 5 раковинного слоя энеолитическим временем служит находка в нем части торса статуэтки, сделанной из хорошо отмученной глины светло-желтого цвета, с обеих сторон нанесен орнамент в виде врезанных полос, расположенных под углом по отношению к оси тела и дополненных на одной стороне двумя парами вертикальных, слегка закругленных полос. Этот фрагмент находит ближайшую аналогию в памятниках раннего Триполья (Берново Лука, Лука Врублевецкая, Ленковцы, Солончены I, Голерканы и другие), а также в раннеземледельческих культурах зарубежной Европы (Караново, Винча, Кукутени А, Гумельница). Судя по составу глиняного теста, не характерного для керамики Ракушечного Яра, эта статуэтка попала на Нижний Дон в качестве импорта. Керамика и орудия труда верхних энеолитических слоев также имеют отличия от соответствующих находок более ранних неолитических слоев.

Четкая стратиграфия Ракушечного Яра, слои которого залегают in situ, а также тот факт, что ряд пунктов в зоне Цимлянского водохранилища, открытых Г. И. Горецким, ныне находятся под водой, послужили основанием для изменения названия цимлянской культуры, которую предложено именовать по эпонимному памятнику ракушечноярской.

Ареал известных в настоящее время памятников ракушечноярской культуры — бассейн Нижнего Дона от Цимлянского водохранилища до Ростова-на-Дону. Топография памятников характеризуется расположением их у воды, на первой надпойменной террасе, зачастую поселения были сезонными, о чем свидетельствует и свита нижних слоев Ракушечного Яра. Жилища, насколько удалось проследить на Ракушечном Яре, наземные, с применением столбовых конструкций, были выявлены остатки очагов.

Керамика неолитических и энеолитических слоев имеет ряд общих черт, обусловленных, видимо, прочной традицией, и в то же время отмечаются некоторые существенные различия. Для Ракушечного Яра характерны прямостенные сосуды, несколько сужающиеся ко дну, преимущественно плоскодонные, острое дно встречается в неолитических слоях (20, 18, 16, 13, 12, 9). Плоскодонность керамики Ракушечного Яра объясняется скорее всего влиянием территориально близких неолитических культур Кавказа. Различия между слоями неолитическими и энеолитическими проявляются также в составе глиняного теста; в неолитических слоях преобладает примесь песка, выгоревшая растительная примесь, немного примеси толченых раковин, в энеолитических слоях глиняная посуда изготовлена из теста преимущественно с обильной примесью толченых раковин.

Отличия имеют место и в орнаменте: в неолитических слоях орнамент достаточно прост, он состоит чаще всего из горизонтальных рядов изолированных вдавлений подтреугольных очертаний, «отступающей лопаточки», «качалки», римской цифры I, углубленных линий; в слоях энеолитических орнамент нанесен преимущественно гребенчатым штампом, оттиски которого зачастую образуют зоны, в качестве разделителя использовали углубленные ломаные линии; в композиционном отношении этот орнамент достаточно сложен. Имеются венчики с наплывом с внутренней стороны, с «воротничком» снаружи. Нельзя рассматривать керамику энеолитических слоев как результат эволюционного развития керамики неолитических слоев, хотя в неолитических слоях встречаются единичные отпечатки штампа. С другой стороны, нет оснований говорить о полной смене куль-

туры, так как наблюдается несомненная преемственность в общем облике керамики; в энеолитических слоях можно встретить те же приемы орнаментации, которые свойственны керамике нижних слоев.

Энеолит знаменуется дальнейшим развитием производительных сил, что сказывается прежде всего на орудиях труда, на технике обработки камня, которая значительно совершенствуется. Меняется характер заготовок: в неолитических слоях орудия изготовлялись на небольших пластинках длиной до 5 см или отщепах, в энеолитических слоях заготовками зачастую служили пластины длиной до 10 см. Наряду с совершенствованием техники обработки камня, поисками наиболее целесообразных форм орудий становится более разнообразным их набор. Наиболее многочисленную категорию орудий составляют ножевидные пластины с ретушью, среди которых преобладают пластинки шириной 1,2—2,4 см, почти в 10 раз меньше пластинок шириной менее 1,2 см и еще меньше — шириной более 2,4 см.

Больше всего (особенно в верхних слоях) хорошо ограненных пластин с двускатной спинкой, за ними следуют в количественном отношении плохо ограненные пластины, затем хорошо ограненные с трехскатной спинкой и меньше всего ребристых. Ножи составляют довольно редкие находки и приурочены в основном к поздним слоям (с 5 по 2), в более раннем 8 слое найден лишь один экземпляр. Ретушь обычно нанесена вдоль двух граней, конец, как правило, остроколющий, лишь в поздних слоях (3 и 2) появляются орудия со скребковидным концом. Длина от 3 до 10 см, ширина — от 1,5 до 2 см. Второе место после пластин занимают по численности скребки. В нижних слоях (с 23 по 7) заготовками для них служили укороченные пластины и отщепы, в слоях с 8 по 2 использовали также удлиненные пластины. Наиболее характерны для Ракушечного Яра концевые скребки на укороченной пластинке, а также их разновидность — веерообразные орудия, большей частью со скошенным рабочим краем (слои с 23 по 2). За ними следуют в количественном отношении подокруглые скребки с ретушью на боковых сторонах, а также скребки на отщепах. В энеолитических слоях наблюдается большее разнообразие форм (скребки концевые на удлиненных пластинах, ногтевидный, подчетырехугольный, выемчатый, стрельчатый, округлый). Наконечники дротиков представлены единичными находками в слоях с 5 по 2, чаще всего они имеют листовидную, реже треугольную, иволистную, ромбическую форму, высота их колеблется от 3,9 до 5,4 см.

Сходные наконечники известны в днепро-донецкой культуре и в памятниках энеолитического времени (на Константиновском поселении, в нижнем слое Михайловки, в Дереивке).

Трапеции встречаются в качестве единичных находок в слоях с 11 по 2, максимальное количество их (по 5 экземпляров) дали 4 и 5 раковинные слои; заготовками для этих изделий служили ножевидные пластины. Больше всего трапеций: удлиненной формы, затем следуют по численности высокой формы, средневысокие известны только в 5 и 4 слоях; со струганой спинкой представлены в слоях с 7 по 4; большая часть их ассиметрична. Часто находят сверла и развертки, они встречаются еще в 23 слое, наибольшее их количество приходится на слои 5 и 4. Сделаны они на пластинках, рабочая часть, как правило, не отделена от тела орудия, крутая ретушь обычно нанесена со спинки по всей длине обеих граней, рабочий край заострен. Видимо, в оформлении этих орудий существовала устоявшаяся традиция: длина — от 2 до 4 см, ширина — от 0,5 до 1,5 см. Рубящие орудия — топорики и в единичных случаях узкие долота — изготовляли из сланца, кремень использовали лишь в единичных случаях. Топорики имеют трапециевидную, реже—прямоугольную форму с клиновидным в разрезе лезвием, поверхность изделий тщательно отшлифована, рабочий край обычно слегка закруглен, ассиметричен, обушок в большинстве случаев прямоугольный, длина от 2,1 до 10,5 см, ширина — от 1,1 до 5,6 см. Топорики найдены в слоях от 20 до 2, долота — от 14 до 5. Ближайшие аналогии топорикам известны на Черноморском побережье Кавказа, в западном Закавказье, в днепро-донецкой культуре, в раннем Триполье.

Особенностью ракушечноярской культуры являются грузила для рыболовных сетей своеобразной формы, орнаментированные изделия из кости и камня. На поселении и поблизости от него были открыты одиночные погребения как в вытянутом на спине, так и в скорченном положении. Хозяйство было комплексным, представлены как присваивающие его формы (рыболовство, охота, собирательство), так и производящие (скотоводство и предположительно — земледелие).

Радиоуглеродные даты, полученные для разных слоев Ракушечного Яра, таковы: 8 слой — 4120±100 лет до н. э. (определение получено в лаборатории, возглавляемой Г. Квитта), 5 слой — 3840±106 лет до н. э. (определение Киевской радиокарбонной лаборатории).

Генезис ракушечноярской культуры следует связывать скорее всего с мезолитическими памятниками, известными на Ниж-

нем Дону по работам Г. И. Горецкого [1]; некоторые кремневые изделия из этих местонахождений находят аналогии в материалах Ракушечного Яра. Нельзя не отметить также элементы сходства Ракушечного Яра с ранненеолитическим памятником в Приазовье — Матвеевым Курганом: это грузила идентичной формы, уплощенные нуклеусы, скопления раковин Vivipa-rus. В остальном эти памятники различаются, прежде всего, обилием керамики в Ракушечном Яре и крайне незначительным количеством ее в Матвеевом Кургане.

Ракушечный Яр входит в мариупольскую историко-культурную область, охватывающую обширную территорию (Нижний Дон, Приазовье, Надпорожье, Нижнее и Среднее Поволжье). Элементы сходства орнамента керамики поздних слоев Ракушечного Яра и памятников волго-камского неолита, Южного Урала и Среднего Зауралья, казавшиеся ранее необъяснимыми, стали понятными в свете новых материалов сероглазовской культуры и ряда памятников, открытых в Поволжье (Алтата, Орловская, Латошинка, Царица, Съезжее).

В дальнейшем ракушечноярская культура явилась одним из компонентов в сложном процессе сложения древнеямной культуры.

Развитие энеолитической культуры на Нижнем Дону шло различными путями, о чем свидетельствует различный характер материальной культуры энеолитических слоев Ракушечного Яра и Константиновского поселения, исследуемого В. Я. Кияшко [2], эти памятники находят аналогии по отдельным признакам в различных культурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горецкий Г. И. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье. — СА, 1952, № 16.
2. Кияшко В. Я. Константиновское поселение эпохи энеолита. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1973.

В. П. Третьяков

НЕОЛИТ ВЕРХНЕГО ПОДОНЬЯ

Ленинград

Археологические исследования в бассейне Дона позволили выявить здесь ряд неолитических стоянок (Рыбное Озеро I и II,

Ярлуковская Протока, Университетская I и III, Отрожка и другие) с гребенчато-накольчатой керамикой. Этнокультурная принадлежность этих памятников остается спорной. Высказаны три точки зрения: одни авторы рассматривают их в качестве днепро-донецких, другие выделяют в самостоятельную среднедонскую археологическую культуру, третьи относят к древностям лисогубовского типа.

При раскопках перечисленных выше стоянок были найдены керамические серии и наборы орудий труда.

Сосуды имели прямые и отогнутые наружу венчики, прямые или слегка выпуклые стенки, конические, а также плоские днища. Они изготавливались из глины, к которой примешивались песок и растительные волокна. Кроме этого, встречена керамика с примесью толченой раковины. Поверхность сосудов украшалась всевозможными узорами. Всего нами выделено 24 основных типа орнаментальных мотивов.

Среди них 13 выполнены наколами, 6 — оттисками гребенчатого штампа, 5 — нарезками. Узоры из наколов представляют собой всевозможные сочетания из нанесенных параллельно друг другу горизонтальных или наклонных линий, елочку, зигзаги, ромбы, ряды треугольников, волнистые линии, концентрические окружности (на днищах сосудов), ряды наклонно нанесенных линий, заключенных между горизонтальными полосами.

Узоры, выполненные оттисками штампа и нарезками, менее разнообразны, но примечательно, что они повторяют композиции, выполненные техникой накола. Мы видим наклонные и горизонтальные линии (или их сочетание), елочку, зигзаги. Новым здесь являются узоры из пересекающихся друг с другом полос.

Выделение комплекса орудий труда, соответствующих керамике с накольчато-гребенчатой орнаментацией, в Подонье сопряжено с определенными трудностями, поскольку здесь отсутствуют неолитические памятники с чистым комплексом сосудов с такой орнаментацией. Все они содержат примесь ямочно-гребенчатой и, в ряде случаев, других типов керамики. Во-вторых, следует принять во внимание то обстоятельство, что коллекции орудий труда, найденные при исследовании поселений, не всегда соответствуют наборам изделий, бывших в употреблении у обитателей того или иного поселка. Этого соответствия можно ожидать лишь в том случае, если стоянка была покинута внезапно, под влиянием стихийных бедствий (наводнения) или же в результате набега враждебного племени, и после этого жизнь здесь больше не возобновлялась. В этих случаях находят большие серии каменных орудий.

Но гораздо чаще древние поселения покидались в спокойной обстановке: сезонные перекочевки, поиски новых охотничьих и рыболовческих угодий и т. п. В этом случае обитатели поселка забирали с собой все, что им может пригодиться на новом месте жительства. И на стоянках оставались лишь утерянные или выброшенные сломанные изделия. Следует учитывать и то, что в пределах поселка терялись чаще мелкие предметы домашнего обихода (скребки, ножи, проколки и т. п.), чем крупные орудия (топоры, долота) или орудия охоты — наконечники стрел (последние часто находились за пределами поселений).

Но это не означает, что сейчас невозможно выявить комплексы орудий труда, свойственные для той или иной группы неолитических поселений. Повторяемость типов орудий труда в ряде памятников, по-видимому, дает право говорить о наиболее характерных изделиях в обиходе неолитических обитателей верхнего Подонья. То, что поселения этого региона нередко характеризуются разнокультурными керамическими комплексами, также не составляет в работе археологов непреодолимой задачи. Известно, что, переселяясь в новые районы, пришельцы часто начинали пользоваться новыми типами орудий труда, свойственными аборигенам, на землях которых они поселились. Подобная картина была отмечена М. Е. Фосс [4] по материалам Каргополья и Беломорья, Н. Н. Гуриной — в Карелии [1]. То же самое можно отметить и для неолита Волго-Окского междуречья. Во всех перечисленных регионах пришельцы воспринимали местную технику изготовления орудий труда (и их типы), приспосабливаясь к местным естественно-географическим условиям.

Таким образом, нам представляется, что изделия повторяющихся типов, найденные в различных поселениях верхнего Подонья, могут дать представление (хотя, возможно, и неточное) о комплексе орудий труда, соответствующих керамике с накольчато-гребенчато-прочерченной орнаментацией в верхнем Подонье.

По материалам семи поселений этого региона (Университетская III, Дрониха, Отрожка, Ярлуковская Протока, Рыбное Озеро I и II, Савицкое) выделяются орудия труда 24 основных типов. Среди них ретушированные вкладыши из ножевидных пластин, наконечники стрел и копий — листовидные, с прямым основанием, треугольно-черешковые с вогнутым основанием и ромбические, скребки — округлые, концевые, с подчетырехугольным рабочим краем, овальные, подтреугольные, со скошенным рабочим краем, полукруглые, ножи из крупных ножевид-

ных пластин, проколки из отщепов, одноплощадочные нуклеусы, топоры и тесла, изделия с желобком (выпрямители стрел?!), резцы из кусков кремня, скребла.

По нашему мнению, верхнедонские материалы наиболее близки древностям левобережной Украины, где в новом каменном веке, в IV—III тыс. до н. э. были известны памятники днепро-донецкой археологической культуры, подразделенной Д. Я. Телегиным на несколько вариантов (надпорожский, черкасский, киевский, донецкий и т. д.) [3], среди которых, как нам кажется, при определении облика верхнедонских древностей наибольшее значение имеют материалы Черкасщины (поселения Бузьки и другие) и Надпорожья (поселения Собачки, Вовнижское Правобережное, Лысогорский и Никольский могильники и т. д.).

Так, на днепро-донецких поселениях Черкасщины были найдены керамические комплексы, представляющие собой серии фрагментов от плоскодонных и остродонных горшков, изготовленных из глины, к которой примешивались песок и растительные волокна. Они имеют прямые или выпуклые стенки, прямые или слегка отогнутые наружу венчики. Вся поверхность сосудов покрывалась орнаментом, выполненным наколами, гребенчатым штампом и нарезками. Среди композиций — горизонтальные или наклонные линии, ряды треугольных оттисков, елочка, зигзаги, треугольники, волнистые линии, пересекающиеся полосы, зоны из параллельных друг другу линий, размещенные под углом друг к другу, и некоторые более сложные композиции.

Не трудно заметить, что почти все перечисленные узоры были свойственны и керамике неолитических стоянок верхнего Подонья. Удается отметить 26 основных орнаментальных мотивов, присущих керамике упомянутых регионов в Черкасщине и Подонье. Если эту цифру принять за 100%, а число тождественных узоров, т. е. встречающихся на керамике обоих регионов, за x%, то мы можем судить об индексе родственности (ИР) орнаментации керамики сравниваемых групп памятников. Общими являются 18 узоров, что соответствует 69,2%.

В книге И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и Я. А. Шера [2] предложен способ определения ИР по формуле $f=s^2/kl$, где f означает индекс родственности, s — количество общих типов, k — количество типов в первой коллекции, l — количество типов во второй коллекции.

Произведя необходимое вычисление, мы получим: 18 — количество общих типов орнамента, 24 — на верхнедонской керамике, 20 — на керамике Черкасщины, т. е. величину чрезвычайно близкую упомянутой выше.

О близости верхнедонских и поднепровских керамических комплексов мы можем судить, используя и иной способ сопоставления приемов орнаментаций. Он описан В. Робинсоном и Д. Брейнердом, а несколько позже Б. И. Маршаком, Д. Я. Телегиным и другими исследователями. Способ состоит в подсчетах процентного содержания групп керамики, украшенной тем или иным орнаментом, в дальнейшем полученные из сравниваемых комплексов величины сопоставляются.

В нашем распоряжении имеются данные о процентном содержании групп керамики, украшенных наколами, гребенкой, нарезками и т. п. на таких памятниках, как Собачки, Вовнижская правобережная стоянка, Бузьки в Поднепровье, Дрониха и Отрожки на Верхнем Дону (табл.).

Таблица

Стоянка	Элементы орнаментов, %				
	наколы	гребенка	прочерты	без орнамента	другие виды орнамента
Дрониха	42	34	12	—	12
Отрожки	45	37	9	1	8
Собачки	35	44	17	3	1
Вовнижская правобережная	42	28	20	8	2
Бузьки	29	25	29	15	2

Пользуясь методом Робинсона—Брейнерда, мы получаем ИР в орнаментации керамики отмеченных памятников: Дрониха—Отрожки — 85%; Собачки—Вовнижская — 83%; Собачки—Бузьки — 74%; Вовнижская—Бузьки — 82%.

Эти подсчеты показывают, что ИР в орнаментации неолитической керамики сравниваемых памятников верхнего Подонья составляет 85%, а в Поднепровье — от 74 до 83%, в среднем 79%.

Сопоставим теперь тем же способом керамику верхне-донских и поднепровских поселений: Дрониха—Собачки — 81%; Дрониха—Вовнижская — 82%; Дрониха—Бузьки — 66%; Отрожки—Вовнижская — 80%; Отрожки—Собачки — 82%; Отрожки—Бузьки — 64%.

Эти подсчеты показывают, что ИР в орнаментации верхнедонской и поднепровской гребенчато-накольчато-прочерченной керамики колеблется от 64 до 82%, составляя в среднем 76%, т. е. величину, близкую в орнаментации керамики только лишь поднепровских стоянок.

Об общности донского и днепро-донецкого неолита свидетельствует и сходство комплексов орудий труда, свойственных памятникам обоих регионов. Выше мы говорили о том, что неолитические материалы верхнего Подонья характеризуют изделия 24 основных типов. Знакомство с древностями Поднепровья приводит к мысли, что большинство из них было свойственно и днепро-донецким комплексам. Как отмечает Д. Я. Телегин [3], носители днепро-донецкой культуры изготавливали наконечники стрел треугольно-черешковые, с выемкой в основании, треугольные, из ножевидных пластин; скребки со скошенным рабочим краем, овальные, округлые, из ножевидных пластин; ретушированные вкладыши, резцы, проколки, топоры, тесла, выпрямители стрел, трапеции, одноплощадочные нуклеусы, ножи из крупных кремневых пластин и т. п. По характеру изготовления, способам обработки все эти изделия близко напоминают предметы быта верхнедонского неолитического населения.

Если цифру 24 принять за 100%, а число типов изделий, общих для того и другого региона, за x%, то, выяснив значение x, мы сможем говорить об ИР обоих комплексов. Удается выделить 17 типов изделий, встречающихся в Поднепровье и Подонье. Это соответствует ИР, равному 71%.

Аналогичное значение ИР мы получаем и при использовании формулы $f = s^2/kl$.

Таким образом, анализ керамики (формы сосудов, технологии ее изготовления, орнаментации) и орудий труда верхнедонских неолитических стоянок свидетельствует об их близости древностям Поднепровья, что дает возможность рассматривать верхнедонские материалы в качестве варианта днепро-донецкой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурина Н. Н. Древняя история северо-запада европейской части СССР. МИА, 1961, № 87.
2. Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975.
3. Телегін Д. Я. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
4. Фосс М. Е. Древнейшая история севера европейской части СССР. — МИА, 1952, № 29.

И. Ф. Ковалева

«ВЫТЯНУТЫЕ» ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ДНЕПРОВСКОГО АРЕАЛА

Днепропетровск

В Днепровском Левобережье, ограниченном бассейнами рек Орели и Самары, экспедицией Днепропетровского госуниверситета выделено более 100 погребений, определяемых как энеолитические. Для них характерны: курганный обряд, распространенность коллективных, в том числе однополых, захоронений (20,6%), устойчивость формы и размеров могил, их незначительная глубина и продольная ориентация в направлении северо-востока и юго-запада, наличие в 80% могил растительной подстилки, обильно окрашенной охрой специфического розового цвета, посыпка мелом и углями. Для 77% могил отмечено перекрытие деревом, в том числе бревенчатые вымостки, размещение кострищ (от 1 до 5) на перекрытии и в могилах, чем объясняется частичная кремация останков.

Положение погребенных во всех случаях — вытянутое на спине и с руками, лежащими вдоль туловища. Ориентация восточная, интенсивность и размещение краски на скелете обусловлены временным положением погребенных — наблюдается постепенное нарастание окрашенности, что обусловлено скорее всего влиянием ямного обряда. С ним связана также изредка встречающаяся подогнутость одной из ног.

Сопутствующий инвентарь представлен крайне ограниченно и имеет своеобразный характер. Немногочисленные сосуды найдены преимущественно в составе тризны; обычай помещения посуды в могилы отсутствовал, что является этнографическим признаком и объясняет культурную неоднородность находимых в «вытянутых» погребениях сосудов, отмечавшуюся рядом исследователей [2; 3].

В 68% погребений присутствовали изделия, сформованные из каолина и охры с добавлением измельченных раковин. Среди последних — так называемые цилиндры, сердцевидные односторонне вогнутые плитки, реже — диски. Функциональное назначение изделий определяется сферой культа.

Специфическим типом украшений являются костяные фигурные — восьмеркообразные или лабрисовидные — пронизи. Изделия из кости представлены шильями и проколками. Крупные

ножевидные пластины мариупольского типа и двусторонне обработанные наконечники дротиков представляют изделия из кремня.

Особого упоминания заслуживает присутствие в 38% погребений украшений — пронизей, обоймочек из металлургической меди, возможно, донецкого происхождения. В погребении кургана «Червона могила» у села Булаховки найден нож, изготовленный из металла I майкопской группы. В двух случаях открыты погребения с предметами литейного производства, включая формы для отливки топоров с круглым проухом и невыделенной снизу втулкой [5; 6].

В рамках относительной хронологии горизонт «вытянутых» погребений Днепровского Левобережья предшествует погребениям всех этапов ямной культуры, от которых четко отделен стратиграфически [8]. В инвентаре этих погребений мы располагаем ограниченными возможностями для синхронизации и уточнения хронологии. Фрагменты керамики из тризны, сопровождавшие ряд погребений, частично сопоставимы с керамикой ранних, конца этапа А I, по Д. Я. Телегину, среднестоговских памятников [11]. Некоторые из них (Булаховка — пойма, курган 1) близки сосуду погребения № 65 Капуловского могильника. Но для более точного датирования одной керамики (или другой категории инвентаря) явно недостаточно.

Костяные пронизи не имеют параллелей в других культурах. Исключением являются предметы из кости, обнаруженные в кургане 9 у села Красноперекопское, которые А. А. Щепинский связывал с доямным периодом Приазовья [12].

Помогают уточнить хронологическое положение те погребения, в которых находят литейные формы топоров, близких к куро-аракским и раннемайкопским [13]. Особого внимания заслуживает обнаружение фрагментов литейных форм на Константиновском поселении. Замечена химическая близость металла из «вытянутых» погребений Днепровского Левобережья и погребений «константиновского» круга [4].

Обращаясь к обряду вытянутой ингумации, мы склонны связывать его с традициями коллективных могильников мариупольского типа [1; 6], чем определяется нижняя хронологическая граница для данной группы. Индивидуальные вытянутые подкурганные погребения могли появиться лишь в период их деструкции, которая Д. Я. Телегиным приурочивается к середине IV тыс. до н. э. и связывается с проникновением среднестоговской культуры [11].

Традиция вытянутых погребений на Волге восходит к Съезженскому могильнику [1]. Присутствие вытянутых погребений в I хронологической группе Волго-Уральского варианта ямной культурно-исторической общности согласуется с датировкой концом IV—началом III тыс. до н. э., предложенной Н. Я. Мерпертом [9].

Вытянутое положение погребенных в древнейших плоских и курганных могильниках Подонья (хутор Ярский, Мокрый Чалтырь. I и IV Ливенцовский, VII Койсугский курганы, погребения у станицы Усть-Лабинской и Кубанской) объединяет их с погребениями Днепровского ареала. Датировка указанных памятников определяется первой половиной III тыс. до н. э.

В хронологической шкале степного и лесостепного энеолита, разработанной В. А. Сафроновым [10], вытянутые погребения Днепровского Левобережья синхронизируются с Трипольем В II и в основной массе предшествуют памятникам нижнемихайловского типа. Для позднейших памятников, в том числе Ингульской группы [7], датировка определяется по присутствию антропоморфной пластики этапа Триполья С/1—γ/1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Поселение и могильник у с. Съезжее. — В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.
2. Даниленко В. Н. Энеолит Украины. Киев, 1974.
3. Збенович В. Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев, 1974.
4. Кияшко В. Я. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1974.
5. Ковалева И. Ф. Погребения энеолитических литейщиков в Присамарье. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород, 1978.
6. Ковалева И. Ф. Вытянутые погребения днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита. — В кн.: Курганные древности степного Поднепровья. III—I тыс. до н. э., вып. 3. Днепропетровск, 1979.
7. Крилова Л. П. Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964—1966 рр. — В кн.: Наш край. Днепропетровск, 1971.
8. Марина З. П. Культурно-хронологическое положение погребений Орельско-Самарского междуречья в системе древнеямных памятников. — В кн.: Курганные древности степного Поднепровья. III—I тыс. до н. э., вып. 3. Днепропетровск, 1979.
9. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
10. Сафронов В. А. Хронологическая система энеолита и бронзового века юга Восточной Европы. — В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.
11. Телегін Д. Я. Средньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.

12. Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь, 1969.
13. Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. — СА, 1978, № 4.

З. П. Марина

КАВКАЗСКИЕ ИМПОРТЫ ЛЕВОБЕРЕЖНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ В ПАМЯТНИКАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Днепропетровск

Северо-кавказские импорты, встречаемые при исследовании курганных могильников междуречья левобережных притоков Днепра — Орели и Самары, представляют интерес для определения временных границ памятников эпохи бронзы.

Погребения раннебронзового века представлены значительной (около 300) группой захоронений ямной культурной принадлежности. На основании курганной стратиграфии и особенностей погребального обряда выделены четыре стратиграфических горизонта погребений, отражающих этапы развития ямной культуры в этом регионе, но только в четвертом горизонте присутствуют изделия, отражающие культурные взаимоотношения между Поднепровьем и Северным Кавказом. В данном горизонте найдены погребения, объединяющие скорченные на боку захоронения с неустойчивой ориентировкой. Они занимают в кургане неизменно впускное положение при более ранних ямных погребениях. Захоронения совершены в материковых прямоугольных могилах, углы которых часто подчеркнуты вертикальным желобком, а стены, в отдельных случаях, выбелены известью. Присутствие мела и охры ограничено. Сопутствующий инвентарь разнообразен и многочислен. Среди предметов присутствуют бронзовые подвески в виде петли с утолщением на конце (9); перевитого шнура с маленькой петлей (2); «топорика» (1 штука).

На территории Северного Кавказа стерженьки-подвески происходят из курганных погребений этапа I В-С (по В. А. Сафронову) [5], характеризующих конец «древней общности». В силу длительного их существования во времени сами подвески не могут быть использованы для определения хронологических рамок горизонта [3], а должны рассматриваться с учетом других, датирующих категорий инвентаря. Так, в ряде погребений северокавказской культуры в одном комплексе с рассматрива-

емыми подвесками встречены кольцевидные бляшки — подвески со шнуровой орнаментацией, металлические и костяные молоточковидные булавки, выпуклые бляшки с пунсонной орнаментацией (станица Усть-Джегутинская 24/1; Константиновская 2/1, 8/2; Константиновское плато 2/7, 2/12, 2/14 и др.). Нижняя граница I этапа северокавказских погребений определяется А. Л. Нечитайло рубежом III—II тыс. до н. э. Привлекая ближневосточные аналогии некоторому инвентарю и в частности выпуклым бляшкам с пунсонным орнаментом (Поздний Угарит I—II), верхняя граница рассматриваемых погребений может быть определена не ранее XVII в. до н. э. [5]. Таким образом, погребения Левобережья Днепра, содержащие бронзовые стерженьки-подвески, должны быть датированы 1900—1700 гг. до н. э., что соответствует заключительному этапу развития древнеямной культуры Орельско-Самарского междуречья. Не противоречит предложенной датировке и распространение данных подвесок в группе наиболее ранних (додонецких) катакомбных погребений юго-восточной Украины, что предполагает временное сосуществование части племен указанных культур.

Среди катакомбных погребений выделяется группа, сопровождаемая реповидными сосудами, сближающими ее с памятниками предкавказского ареала. По форме сосуды относятся к группе короткошейных, венчик отогнут наружу, образуя воротничок, дно плоское. Многочисленные, аналогичные этим, сосуды находим в I Архаринском и II Лолинском курганных могильниках, могильнике Верхняя Рутха и других, где они входят в комплекс с костяными кольцами и каплевидными бусами с зернью. Это позволило С. Н. Братченко отнести их ко времени 1700—1300 гг. до н. э. В территориально близких Поднепровским катакомбных погребениях Донбасса и Правобережья Дона, датируемых им 1700—1600 гг. до н. э., подобная керамика встречена вместе с височными кольцами в полтора оборота овальной формы и каменными топорами [2]. Для уточнения хронологического положения погребений с реповидными сосудами междуречья Орели и Самары значительный интерес представляет находка в одном из комплексов (Подгородное, группа VII, 9/6) булавы из змеевика округло-яйцевидной формы с четырьмя выпуклостями. Аналогичные изделия известны в памятниках Закавказья, Черкесии, также типологически близкие булаве Бородинского клада. Тем самым бытование погребений с реповидными сосудами и булавами данного типа можно определить временем до середины II тыс. до н. э.

Определенный интерес, в силу своей нераспространенности, представляют погребения культуры многоваликовой керамики

(КМК), сопровождаемые бусами из пасты и фаянса. Погребения обнаружены в составе трех курганных могильников, где они занимали в двух случаях впускное положение в курганах при основных (ямном и катакомбном) захоронениях. Погребения совершены в прямоугольных грунтовых могилах с использованием дерева в перекрытии. И только основное погребение (село Прядовка, группа VII, 2/5) было совершено в дощатом срубе.

Скелеты лежат в слабоскорченном, на спине или на боку, положении. Сопутствующий инвентарь малочислен и включает кроме ожерелий изделия из кремня. В составе ожерелий можно выделить 7 групп бусин: бородавчатые, двухрожковые, дисковидные, короткоцилиндрические, биконические, сегментовидные и бисер. Широко распространены подобные украшения на Северном Кавказе (могильник Верхняя Рутха, курганы у города Элисты, станицы Суворовской и другие), где они отнесены к III этапу бронзового века [5]. Но в кавказских памятниках вовсе отсутствуют двухрожковые бусины, входящие в состав комплексов Поднепровья (Любимовка, Компанийцевский могильник и поселение Бабино III), датируемых поздней порой катакомбной культуры [4] или временем начала формирования КМК [1]. Учитывая время бытования на Кавказе трехрожковых бусин, встречающихся в закрытых комплексах вместе с бородавчатыми, можно отнести и рассматриваемые памятники ближе к середине II тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березанская С. С. Об одной из групп памятников средней бронзы на Украине. — СА, 1960, № 4.
2. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
3. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. — МИА, 1960, № 93.
4. Махно Е. В., Братченко С. Н. Пастовые бусы из катакомбного погребения на Компанийцевском могильнике. — Археологія, 1977, № 24.
5. Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа. — В кн.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников, вып. 7. М., 1974.

В. И. Мельник

ПОГРЕБЕНИЯ ДОНО-ВОЛЖСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ С СОЧЕТАНИЕМ ЯМНЫХ И КАТАКОМБНЫХ ЧЕРТ И ИХ СООТНОШЕНИЕ С ПОЛТАВКИНСКИМИ ПАМЯТНИКАМИ

Москва

С момента выделения ямной и катакомбной культур проблема их взаимоотношения постоянно привлекает внимание исследователей бронзового века. Известный интерес в этом плане представляют погребальные комплексы, содержащие как ямные, так и катакомбные черты.

Две группы погребений ямно-катакомбного типа, выделенные В. А. Фисенко в Северо-Западном Прикаспии, свидетельствовали, по его мнению, о территориальном контакте ямного и катакомбного населения [4]. К I группе относились погребения, где покойники были положены на спину, с согнутыми ногами, вверх коленями в катакомбах; ко II — также в катакомбах, но погребенные здесь лежали вытянуто, на спине. Обе группы характеризовались бедностью или полным отсутствием заупокойного инвентаря. Керамика в этих группах отсутствовала, за исключением нескольких невыразительных фрагментов. Поза погребенных I группы характерна для захоронений ямной культуры, поза погребенных II группы признавалась некоторыми исследователями более свойственной северокавказскому культурному миру [2]. Обе группы В. А. Фисенко относил к ямной культуре [4]. Однако II группу, исходя из классификации В. А. Сафронова, вряд ли следует причислять к ямным памятникам [3].

Раскопками М. Г. Мошковой и Э. А. Федоровой-Давыдовой на Нижнем Дону (Ясыревские и Шахаевские курганы) была выявлена группа погребений в катакомбах, где костяки лежали на спине скорченно. Авторы назвали ее ямно-катакомбной, но поскольку здесь, в отличие от I группы В. А. Фисенко, присутствовала катакомбная керамика, то они отнесли эти погребения к катакомбной культуре. Таким образом, было выявлено две группы погребений, сочетавших черты, присущие ямной и катакомбной культурам.

На наш взгляд, можно говорить еще об одной (подобной III) группе. Упоминание о погребениях такого рода было сделано В. А. Сафроновым, однако в его классификацию они не

вошли. Погребения эти характеризуются тем, что располагаются не в катакомбах, а в простых ямах, погребенные лежат на спине скорченно, при них находится катакомбная керамика.

Перечисленные три группы погребений выделены с учетом формы могилы, однако имеются погребения, сочетающие ямные и катакомбные черты, но форму этих могил невозможно проследить (обычно это захоронения в насыпи курганов). Обозначим их в качестве дополнительной группы «А» к рассматриваемым трем группам погребений. Без учета формы могилы эта группа совпадает с II и III группами. Из немногочисленного инвентаря I группы прежде всего выделяются костяные молоточковидные булавки. Б. А. Латынин, Л. С. Клейн, В. А. Фисенко указывали на факт отсутствия этих булавок в погребениях «чистой» катакомбной культуры, а В. А. Сафронов отмечал, что в предкавказских степях молоточковидные булавки, происходящие из катакомб, всегда находили при погребениях на спине, с подогнутыми вверх коленями [1. 3]. Погребения в катакомбах на спине, без керамики и есть погребения I группы. Именно в этих погребениях сосредоточена основная масса булавок II—I стадий, по классификации В. А. Сафронова; здесь встречены также булавки с круглой шляпкой и без головки, однако все они имеют близкий тип орнамента — в виде зигзагов и ромбов. Поэтому, несмотря на то, что подобные булавки в настоящее время встречаются в других типах погребений (а они здесь в гораздо меньшем количестве), они могут выступить в роли своеобразного индикатора ямно-катакомбного времени.

Указанные булавки встречены в погребениях II и III групп (соответственно 1 и 2 экземпляра): в одном погребении ямного типа (Лола, группа II, 16/4), в одном — с подбоем, а в других случаях — в ямах, но с положением костяка на левом боку. Известны эти булавки и в северокавказских памятниках. Все упомянутые погребения чрезвычайно разнообразны, но их объединяет удивительно близкий тип орнамента встречающихся в них булавок (ромбовидный), что позволяет говорить о близости частично ямных, частично катакомбных, частично северокавказских — ямно-катакомбных — погребений по времени.

Долгое время единственным полтавкинским комплексом был Бородаевский с булавкой этого типа. В 1977 г. нами было исследовано полтавкинское погребение, содержащее булавку с ромбовидным орнаментом, а экспедицией Г. А. Федорова-Давыдова в Правобережье Волги также был открыт подобный комплекс.

Эти данные расширяют круг полтавкинских погребений, которые, вероятно, близки по времени и дают возможность синхронизировать их с рассмотренными здесь ямно-катакомбными. Картографирование ямно-катакомбных погребений показывает, что они определенно сосредоточены в Волго-Донском междуречье и составляют восточную периферию расширявшейся катакомбной общности.

Ямные традиции этого времени между Доном и Волгой были уже в значительной мере подвержены катакомбной трансформации. В Заволжье на ямной основе складываются полтавкинские памятники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Латынин Б. А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. — АСГЭ, вып. 9, 1967.
2. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
3. Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа. — В кн.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников, вып. 7. М., 1974.
4. Фисенко В. А. Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи Северо-Западного Прикаспия. — СА, 1970, № 1.

Э. С. Шарафутдинова

ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ РАННЕСРУБНЫХ ПАМЯТНИКОВ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Ленинград

Периодизацию срубной культуры следует рассматривать, учитывая время, связанное с ее продвижением из Поволжья на запад. В ходе этого продвижения происходило взаимодействие с местными культурами, что не могло не отразиться на облике срубных памятников в разных регионах. Один из результатов этого процесса — смешанные погребальные комплексы в степном Поволжье, Среднем Подонье и степном Поднепровье. Для Северного Причерноморья, наиболее удаленного от «срубной» прародины, это взаимодействие привело к формированию крупного локального варианта позднесрубной культуры — памятников сабатиновского типа (этапа), а затем — и белозерского

типа. Культурные различия последнего позволяют, очевидно, рассматривать его в качестве самостоятельной белозерской культуры.

По периодизации О. А. Кривцовой-Граковой, основанной на анализе посуды поселений, на I этапе (XV—XIV вв. до н. э.) срубная культура охватывает Поволжье, а затем Средний Дон; на II этапе (с XIII в. до н. э.) — Нижний Дон и Северное Причерноморье [3]. Однако новые материалы не подтверждают эту схему.

На II этапе развитие срубной культуры пошло несколько иными путями по двум большим регионам: памятники сабатиновского типа в Северном Причерноморье и памятники с керамикой ивановского типа в Поволжье и Подонье.

На Нижнем Дону, как и в Северном Причерноморье, известны теперь памятники I этапа, соответствующего покровскому, классическому этапу, которому в степном Поволжье предшествует ранний бережновский пласт [2]. Анализ ранних погребальных памятников Нижнего Дона позволяет относить их ко времени с середины покровского, классического этапа (сейминского горизонта). В абсолютных датах, учитывая хронологию памятников предшествующих культур, это середина XV—XIV вв. до н. э. Сказанное является одним из подтверждений пришлого характера срубной культуры, распространение которой на запад началось на покровском этапе.

Для нижнедонских срубных погребений I этапа (35—38% среди примерно 1000 могил) характерно следующее. Большинство могил впускные, основных — около 3%. Большие могильные ямы редки. Деревянное перекрытие сохранилось в 3% могил, т. е., очевидно, в большинстве случаев оно было непрочным. Костяки на левом боку, иногда на правом. Скорченность слабая, средняя, реже — сильная. Руки согнуты в локтях, кистями у лица, реже — положение рук архаично: одна вытянута вдоль тела, вторая согнута, ее кисть у локтя вытянутой. Погребенные ориентированы на восток или на северо-восток, реже — на север или юг. Редкие детали обряда: подстилка, мел, охра (в 2% могил). Также редко распространены в обряде кострища (в одном случае это жертвенный костер над отдельной насыпью), расположенные обычно на перекрытии, у края могилы, либо на ее дне. Редки коллективные парные захоронения (2% на обоих этапах), остатки жертвенной пищи в виде костей животных (овца, реже корова и лошадь) в могилах или на их перекрытии — 3—4%, на II этапе — в 3 раза меньше.

В могиле обычно один сосуд, изредка два. Типы сосудов: банки остроребериые, реже — горшки. Орнамент украшает преимущественно остроребериые формы; но узоры не покрывают всей поверхности сосудов. В трех случаях вместе со срубными сосудами находились абашевские. Между тем на Нижнем Дону пока неизвестны абашевские погребения, кроме двух комплексов с разрушенными костяками.

Бронзовые изделия содержались лишь в 2,5% могил. В основном это украшения одежды: удлиненные подвески с несомкнутыми концами из желобчатой или прямоугольной пластины (часто вместе с пастовым бисером); бусы; спиральная пронизь; сурьмяные подвески каякентско-хорочоевского типа, встречающиеся в раннесрубных и абашевских комплексах из других регионов; браслет западно-андроновского типа. Орудия труда малочисленны. Бронзовые ножи встречены в двух погребениях. В одном из них, очень архаичном по обряду, впущенном в позднекатакомбный курган и перекрытом позднесрубными могилами, находился массивный однолезвиевый нож сейминского типа [4]. Этот комплекс — самый ранний среди срубных древностей Нижнего Дона и, скорее всего, синхронен культуре многоваликовой керамики (КМК). Второе погребение — парное, с сильной скороченностью скелетов, перекрытое краем кострища в насыпи. В нем найдены баночные сосуды и нож с четким ромбическим перекрестием на черенке и выемками у основания лезвия. Этот экземпляр — дальнейшее развитие раннесрубных, классических ножей и относится к концу I этапа. В двух погребениях обнаружены бронзовые иглы с петлей. Костяных изделий в могилах очень немного: две пронизи — катушки, аналогичные изделию из Карамыша в Поволжье, цилиндрические бусы в двух комплексах, плоское колечко и два усеченно-конических пряслица.

Наличие в некоторых нижнедонских погребениях, принадлежащих КМК, раннесрубных изделий свидетельствует, если учесть и присутствие архаических срубных ножей в погребениях КМК из Северного Причерноморья, о синхронности культур КМК и срубной, а также о том, что на Нижнем Дону в начале покровского этапа обитали племена первой. Поэтому малочисленные изделия раннесрубных типов, обнаруженные на Нижнем Дону в случайных находках (проушные топоры и узкие крюкастые серпы — по 2, ножи со слабыми выемками — 3), очевидно, могут рассматриваться и как импорт в среду КМК до расселения здесь срубного населения, и как свидетельство частичного сосуществования обеих культур.

Временная синхронность сменяющих друг друга культур подтверждается взаимопроникновением ряда черт погребального обряда и инвентаря. Взаимодействие аборигенов КМК и пришельцев — «срубников» в Нижнем Подонье на первых порах проявилось в агрессивной форме: разгром Ливенцовской крепости, срубный наконечник стрелы между ребер костяка в могиле КМК. В дальнейшем, очевидно, население КМК было вытеснено, а оставшаяся часть ассимилируется племенами срубной культуры.

Нижнедонские погребения II этапа (XIII—IX вв. до н. э.), синхронные сабатиновским памятникам и следующим за ними белозерским, относятся к памятникам ивановского типа и отличаются от погребений I этапа упрощением погребального обряда, что характерно для всей срубной культуры. Могильные ямы — впускные, неглубокие, с очень легким, редко сохраняющимся перекрытием. У костяков чаще сильная скорченность, но иногда архаическое положение рук; наряду с традиционной ориентировкой появляется западная — 3—3,5% (то же в степном Поволжье); еще реже встречается жертвенная пища и культ огня, выраженный в более слабой форме — небольшие кострища, угольки, зола. Остроребериые сосуды малочисленны и бытуют только на раннесабатиновском этапе; ребро у них всегда сглажено, орнамент прост, небрежен или отсутствует. Металлических изделий в могилах не встречено. Погребения, синхронные белозерскому этапу, в этом регионе в целом пока не вычленяются из круга древностей II этапа, кроме двух погребений на Западном Маныче, содержащих характерные бронзовые ножи с параллельными лезвиями. Вместе с тем для некоторых погребений, как и для поселений, выявляется переходный характер между I и II этапами, а также их принадлежность к раннему периоду II этапа.

Нижнедонские поселения (не менее 130) хронологически расчленяются в основном по керамическому набору, а также по типам редких металлических изделий. Наличие в керамике многих поселений остроребериых сосудов, а также банок и горшков с валиком, и характер численного соотношения этих типов говорят о сосуществовании в определенный период обоих типов сосудов. В этой связи поселения типа Ливенцовки I с раннесабатиновским ножом и связанные с ними грунтовые могильники относятся к началу II этапа [1], а Ляпичевское поселение, где остроребериые формы преобладают над слабо профилированными сосудами с валиком, может относиться к концу I этапа. Другие поселения, содержащие более классические

остроребериые формы и сосуды с одиночным валиком, отражают, скорее всего, традицию заселения обжитых мест длительное время — в течение всего бронзового века, а для срубного населения этот процесс начинается с I этапа.

Поселения, керамика которых представлена только профилированными горшками, нередко украшенными по плечикам несомкнутым валиком (банки бытуют на обоих этапах), синхронны белозерскому этапу и IV горизонту погребений в Нижнем Поволжье [2]. Но позднесрубная керамика Нижнего Дона, поскольку в ней отсутствуют лощеные кубки и черпаки, характерные для белозерского времени в Северном Причерноморье, связывается с кругом памятников, распространенных в Подонье и Поволжье.

На финальном (белозерском) этапе бронзового века в Нижнем Подонье существуют две культурные группы: позднесрубные памятники, занимающие весь регион (выделены по поселениям), и кобяковская культура в дельте.

В Нижнем Подонье намечаются границы региона. Одна из них, очевидно, проходит на севере, у города Калача-на-Дону. За пределами этой части региона в погребениях встречается обряд кремации и преобладает, как и в северной части Нижнего Подонья, ориентировка на север и северо-восток над ориентировкой на восток и северо-восток. Вторая граница проходит на юго-западе региона, близ дельты Дона, отделяя Нижнее Подонье от Северного Причерноморья с Приазовьем. Только на поселениях дельты применяется камень в конструкции погребальных сооружений грунтовых и курганных могильников (закладки и кромлехи) обоих этапов и в домостроительстве (группа Ливенцовских поселений). Это указывает на связь с западными областями, включая Миусский полустров, где традиция каменных сооружений восходит к энеолиту.

Промежуточное географическое положение Нижнего Подонья, явившегося поэтому контактной зоной, определило облик срубных древностей региона. Именно это и обусловило некоторую специфику срубной культуры на Нижнем Дону, отражая ее пришлый характер. «Западные» черты, характерные для Нижнего Подонья и свойственные Северному Причерноморью и Приазовью: преобладание на сосудах из могил веревочного орнамента над зубчатым; ориентировки костяков на восток (с отклонением к северо-востоку); редкость расчлененных и коллективных захоронений. «Восточные» черты, сближающие Нижний Дон с Поволжьем, следующие: отсутствие погребений в каменных ящиках и срубах (известен только один случай в за-

падной части региона), отсутствие столовой кубковой посуды и металла (за редким исключением) в памятниках II этапа в самых поздних могилах (белозерский этап). Кроме того, исключительно редки сосуды с валиком, типичные для II этапа (2—3 случая). Спецификой нижнедонского региона могут считаться: чрезвычайная редкость в могилах I этапа металлических изделий, особенно орудий труда, слабое влияние андроновской культуры (кроме одиночных случаев в керамике и в металле), даже в отличие от более западных областей, и почти полное отсутствие обряда кремации.

На II этапе срубное население Нижнего Подонья возросло, как и во всем ареале, особенно в западной части, и распространилось к югу: вверх по Западному Манычу, на Ею и далее в Прикубанье. К северу от Кубани известны немногочисленные погребения срубной культуры и КМК позднего облика. Вероятно, население КМК расселилось здесь на I, покровском этапе. Заселение Прикубанья племенами КМК, а затем срубными, очевидно, было слабым, что может объясняться отпором со стороны племен поздней предкавказской культуры. Возможно, впоследствии племена кобяковской культуры на Кубани тоже явились подобным заслоном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братченко С. Н. Многослойное поселение Ливенцовка I на Дону. — Археологія, 1969, № 22.
2. Качалова Н. К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья. — СА, 1978, № 3.
3. Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. М., 1955.
4. Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. — В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья, вып. 2. М., 1974.

Л. С. Ильюков

КУРГАН У СЕЛА НОВОЛАКЕДЕМОНОВКИ

Ростов-на-Дону

Одним из важных этапов на пути создания относительной хронологии бронзового века Северного Приазовья является выделение небольших групп одновременных захоронений в курга-

не. При этом исключительное внимание должно уделяться планиметрии кладбища и микродеталям погребального обряда и инвентаря.

В качестве объекта исследования нами выбран большой одиночный курган, раскопанный экспедицией Ростовского госуниверситета в 1979 г. Курган был расположен на Миусском полуострове, в окрестностях села Новолакедемоновки Неклиновского района Ростовской области. В плане он имел овальную форму (50×41 м), высота его — 3,4 м.

Курганная насыпь воздвигалась в три приема. В ее восточной части находился конус невысокой первоначальной насыпи из серого невязкого грунта с коричневым оттенком. С западной стороны к первоначальной насыпи было пристроено оригинальное сооружение (вторая насыпь), состоящее из многочисленных лоскутообразных прослоек тростника, разделенных слоями вязкого темно-серого грунта. Выделено пять стратиграфических уровней-площадок, отмеченных тростниковым тленом. В сечении они имели воронкообразную (или близкую к ней) форму. Самая нижняя площадка находилась на древнем горизонте. С его уровня в погребенной почве была вырыта округлая яма, в заполнении которой прослежена линза костного тлена и мела. С нижней и следующей за ней площадками связаны большие зольники, насыщенные створками морских ракушек, костями рыб и домашних животных. Здесь же найдены кремневый отщеп, кусочки охры, обработанный астрагал быка и фрагменты керамики с валиковой и прочерченной орнаментацией, датирующие тростниковые площадки временем культуры многоваликовой керамики. Последний период формирования курганной насыпи связан с серым грунтом, который перекрыл два первоначальных горизонта. В сером грунте обнаружены отдельные известняковые камни.

В кургане открыто 15 погребений. Из них два впускных захоронения (2, 5) датируются эпохой железа, остальные — бронзового века. (Два погребения — 1 и 3 — весьма невыразительные).

В восточной части кургана выявлено пять катакомбных могил (9, 11, 12, 14, 15). В погребении 9 колодец не прослежен, он, очевидно, находился с восточной стороны камеры. Могилы располагались по дуге, один конец которой направлен на север, второй — на запад. Погребения были расположены в следующем порядке (с севера на запад): 15, 9, 11, 14, 12. Это условная последовательность. Проанализировав местонахождение суглинковых выкидов из катакомбных могил, мы пришли к вы-

воду, что первоначальная насыпь появилась в катакомбное время и сооружалась сразу над несколькими погребениями.

Три катакомбные ямы по конструкции принадлежали одному типу: прямоугольный колодец параллельно сопряжен с камерой, отделенной от колодца ступенькой. В плане камера имела сегментовидно-овальную форму. Более глубокий колодец погребения 11 в верхней части был овальной формы, а ко дну приобретал квадратные очертания. Входное отверстие в камеру закрывалось деревянными плашками.

Катакомбные могилы можно разделить на три подгруппы, учитывая ориентировку могильного сооружения, которая определяется по длинной оси, проложенной через колодец и камеру.

1 подгруппа. Могильная конструкция длинной осью ориентирована по линии восток—запад. Это погребения 9 и 11. В погребении 11 лежал взрослый человек скорченно, на правом боку, ориентирован головой на юго-запад. По дну камеры зафиксированы коричневый тлен, следы меловой посыпки и пятно охры. У лица погребенного лежал комок охры, за спиной — кусочек неизвестного черного вещества, в ногах стоял горшок. В могиле 9 был погребен ребенок, положенный на спину вытянуто, ориентирован на юг. Под скелетом и вокруг него прослежен коричневый тлен и следы меловой посыпки. Костяк окрашен охрой. Около черепа найдено четыре бронзовых подвески, согнутые из проволоки в 1,5 оборота. У изголовья стоял сосуд, прикрытый крупным обломком другого сосуда.

2 подгруппа. Могильная конструкция длинной осью ориентирована по линии север—юг, север, северо-восток—юг, юго-запад. Это погребения 12 и 15. Погребенный лежал в сильно скорченной позе на правом боку, ориентирован на северо-запад. По дну камеры прослежен коричневый и темно-коричневый тлен. В северном углу находились кости барана, а около ног погребенного на подсыпке из охры и мела обнаружено 14 астрагалов. В могиле 12 погребенный (ребенок) лежал на спине вытянуто, ориентирован на запад. Под скелетом и вокруг него отмечены следы коричневого тлена. Костяк окрашен охрой. Инвентарь: ожерелье из створок ископаемых ракушек.

3 подгруппа. Могильная яма тоже ориентирована длинной осью по линии север—юг, но в отличие от погребений 2 подгруппы камера расположена с южной стороны колодца. Это погребение 14 — парное захоронение детей, уложенных на правый бок, скорченно, они ориентированы на восток. По дну камеры прослежены следы коричневого тлена разных оттенков: от светлого до темного; отмечены следы охры и меловой посыпки. Костяки окрашены охрой. Между черепами погребенных найдено

ожерелье из морских ракушек. Около покойника, расположенного ближе к входу в камеру, обнаружено 13 астрагалов и три резца животного, возле черепа найдено три бронзовые бусины. У изголовья погребенных стояли два орнаментированных сосуда, а в ногах — кости овцы.

Интересны наблюдения над взаимовстречаемостью разных оттенков коричневого тлена, мела и охры в трех подгруппах погребений. В 1 подгруппе прослежен коричневый тлен, в районе скелета отмечены следы мела и охры. Во 2 подгруппе дно камеры покрывал коричневый и темно-коричневый тлен. Тонкий слой мела прослежен только поверх охряного пятна, на которое были ссыпаны астрагалы. Костяк окрашен охрой. В 3 подгруппе зафиксированы все оттенки коричневого тлена и следы меловой посыпки, пятна охры.

Сопоставление предметов погребального инвентаря вызывает затруднение. В двух погребениях 2 и 3 подгрупп найдены ожерелья из створок морских раковин: в одном погребении — это ископаемые ракушки, в другом — неископаемые. В двух погребениях 2 и 3 подгрупп обнаружено по 13 и 14 астрагалов, во втором случае они сопровождались резцами животного. Кости овцы встречались в погребениях 2 и 3 подгрупп. В 1 и 3 подгруппах представлены бронзовые украшения: бусы или подвески.

Керамика обнаружена в 1 и 3 подгруппах. Она имеет существенные различия. Расширим диапазон сопоставлений и привлечем керамику из катакомб Лакедемоновского могильника, расположенного тоже на Мысском полуострове [2]. Сосуды из погребений 1 подгруппы по ряду признаков близки керамике из катакомб Лакедемоновского могильника, где скелеты ориентированы тоже на юг. Такими признаками сосудов являются: коротенькая шейка, высоко поднятые плечики, украшение сосуда зигзагообразной лентой, выполненной из оттисков боковой поверхности полого стержня. Подобная лента, выполненная вдавлениями стержня или оттисками зубчатого штампа, украшала оба сосуда из Новолакедемоновского кургана (погребения 9, 11). Кстати, такая же орнаментальная лента, только разделенная прочерченной горизонтальной линией, имеется на баночном сосуде из погребения 6 при вытянутом скелете в Лакедемоновском кургане III/2 [3]. Два сосудика, обнаруженные в погребении 14 Новолакедемоновского кургана, — единственном на Мысском полуострове захоронении с восточной ориентировкой погребенного — богато орнаментированы оттисками веревочки и вдавлениями спиралевидного штампа, находят анало-

гии среди посуды, которая встречается в лакедемоновских катакомбах, где покойники ориентированы в западном направлении.

В могилах с южной ориентировкой погребенных изредка встречается посуда, характерная для катакомбных захоронений, в которых умершие ориентированы на запад.

Очевидно, катакомбы с южной и западной ориентировками погребенных хронологически близки. Трудно ответить, являются ли они разными вариантами одной традиции или двумя разными традициями, соприкоснувшимися на каком-то отрезке времени. Вклинивание в Северо-Приазовский мир традиции, согласно которой покойника клали в вытянутом положении на спине, нуждается в объяснении. В евразийских степях первой половины II тыс. до н. э. был известен обряд, в соответствии с которым в одной и той же могиле два погребенных могли иметь разные позы — скорченную на боку и вытянутую на спине. Не являются ли миусские захоронения одним из вариантов подобного обряда, согласно которому взрослый и ребенок, взрослый и подросток — один в скорченном положении, другой в вытянутом — хоронились в разных могилах одной конструкции, а объединяющим признаком была сходная ориентировка покойников.

Следующий пласт могил в Новолакедемоновском кургане представлен шестью погребениями, которые, в свою очередь, можно условно подразделить на две подгруппы. Это захоронения, совершенные в простых ямах.

1 подгруппа представлена погребениями 4, 6, 8. Перекрытия — деревянное или из двух массивных плит — в двух могилах обнаружены на уровне древнего горизонта. Около погребения 8 на древнем горизонте прослежен материковый выкид. В погребении 6, выявленном в слое погребенной почвы, форма ямы не прослеживалась. Погребенные лежали скорченно, на правом боку, ориентированы на север, северо-запад, юго-запад. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая чуть согнута в локте, кисть на тазе. В погребении 4 покойник был прикрыт циновкой, а под скелетом зафиксирован светло-коричневый тлен. В двух могилах одно было посыпано мелом, под скелетами прослеживался желтый тлен, а в погребении 8 — коричневый тлен и древесные угольки. Нижние конечности покойников окрашивались охрой. Крупные пятна этой краски обнаружены вдоль костей вытянутых рук. Только в могиле 8 найден инвентарь: кусок охры, кремневый отщеп и мелкая рыбья кость.

2 погруппа представлена погребениями 7, 10, 13. Два из которых (10, 13) были впущены в курган с уровня древнего горизонта, около них сохранились остатки погребальных площадок, где найдены невыразительные фрагменты керамики и кости животных. В погребении 7 яма была перекрыта двумя массивными плитами, под ними находились остатки решетчатого деревянного перекрытия. А в могилах 10, 13 перекрытие было только деревянным, плашковым. Ямы имели прямоугольную форму, углы скруглены. Покойников укладывали на левый или правый бок, скорченно, ориентировали на запад. Кисть левой руки всегда находилась у правого локтя. А правая рука либо была протянута к ногам, либо ее кисть находилась у подбородка. Под скелетами и вокруг них зафиксирован желтый тлен. По дну могил отмечены коричневый, светло-коричневый тлен и следы меловой посыпки. В погребении 10 прослежены древесные угольки. Пятна охры найдены на костях рук погребенного в погребении 13. В нем же найдена бронзовая подвеска в виде колечка с несомкнутыми концами. В погребении 7 обнаружен кремневый отщеп и рыбья чешуя. В погребении 10 найдены кремневый отщеп, рыбья кость, каменная поделка — «оселок» — узкая песчаниковая пластинка, одна широкая плоскость которой сильно заполирована. На ее концах имеются перетяжки. Около «оселка» лежала костяная пряжка с рогатыми выступами вдоль боковых сторон щитка и грибовидным выступом со стороны брюшка.

Между двумя описанными подгруппами погребений обнаруживается сходство в конструкции могильных ям, в деталях погребального обряда и в инвентаре. Для этих погребений характерно наличие желтого тлена под скелетами, что ни разу не было прослежено в катакомбных могилах Новолакедемоновского кургана. Интересна взаимовстречаемость кремневых отщепов и рыбьих костей. Отщепы находились у черепа или под ним, либо в районе изголовья.

Костяная пряжка из погребения 2 подгруппы находит аналогии среди костяных изделий культуры многоваликовой керамики [1].

Керамика многоваликового типа обнаружена в зольниках, зафиксированных на поверхности тростниковых поминальных площадок в Новолакедемоновском кургане. Вокруг этих площадок были расположены погребения, тоже относящиеся ко времени существования культуры многоваликовой керамики.

В Новолакедемоновском кургане между погребениями в катакомбах и погребениями в ямах наблюдаются существенные

различия как в конструкции могильного сооружения, так и в деталях погребального обряда, в составе инвентаря. Каковы причины столь больших различий? Следует ли искать некую группу погребальных памятников, которая бы заполнила это «безмолвие»? Пока можно говорить только о хронологической последовательности: первые совершены раньше вторых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гершкович Я. П. Костяные зооморфные пряжки культуры многоваликовой керамики. — В кн.: Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тезисы докладов. Донецк, 1979.
2. Ильюков Л. С., Казакова Л. М. Древнее население Мысского полуострова (по итогам исследования курганных могильников в 1974—1977 гг.) — Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки, 1979, № 3.
3. Ильюков Л. С., Казакова Л. М., Кияшко В. Я. Лакедемоновский курганный могильник. — АО 1977. М., 1978.

А. А. Нехаев

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПНОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ РЕКИ КУБАНИ

Краснодар

Огромное значение памятников эпохи бронзы Северного Кавказа в понимании исторических процессов этого времени на юге СССР несомненно. Яркие, но раскопанные в незначительном количестве, памятники Прикубанья использовались в работах многих археологов. Однако в настоящее время целостная объективная картина эпохи должна создаваться с учетом значительных планомерных исследований, проводимых в последние годы на территории Северного Кавказа.

В результате работ Краснодарской археологической экспедиции 1977—1979 гг. мы располагаем материалами раскопок 50 курганов из шести районов края, где открыты 220 погребений, относящихся к различным этапам бронзового века.

Вместе с тем рассмотрение культур эпохи бронзы Прикубанья не может проводиться лишь по ранее сложившимся схемам. В последние годы неоднократно подчеркивалось отсутствие целостности в северокавказской культуре [3]. Наши исследования не противоречат этой точке зрения и указывают на возмож-

ность выделения в рамках так называемой северокавказской культуры новых достаточно самостоятельных культур.

К наиболее древним захоронениям в исследованных памятниках относится почти полностью ограбленное погребение майкопской культуры, в котором найден большой, прекрасно выделанный красноглиняный сосуд яйцевидной формы, имеющий высокое, слегка расширяющееся кверху горло. Не исключено, что майкопские захоронения на данной территории могут сосуществовать или даже перекрывать группу погребений, характеризующихся довольно обширными прямоугольными ямами со скелетами, лежащими в скорченном положении на левом боку. Подтверждением тому служит погребение в большой яме со скорченным на левом боку костяком, ориентированным головой на запад (Выселковский район, поселок Первомайский, курган № 4). По данным прямой стратиграфии, оно перекрывалось еще тремя захоронениями. В первом скелет лежал головой на восток на левом боку с подтянутыми к животу коленями. Кисти его рук находились перед лицом, а на черепе виднелись три параллельные полосы ярко-красной охры. У головы стоял сосудик шаровидной формы со слабо выраженным, отогнутым в сторону горлом. В этом погребении обнаруживается определенное сходство в погребальном обряде и инвентаре с захоронениями эпохи ранней бронзы Койсугских курганов левобережья Донской дельты, исследованных в 1968 и 1969 гг. В. Е. Максименко, а также с захоронениями новосвободненского времени курганного могильника у станицы Мекенской Чечено-Ингушской АССР [1, 2].

Над рассмотренным погребением находилось захоронение с костяком, лежащим на спине с поднятыми коленями, головой на восток, а выше — еще один скелет в аналогичном положении, но ориентированный на запад.

Погребение с восточной ориентировкой относится к древнеямным, которые составляют 10% от общего числа погребений эпохи бронзы и часто бывают основными в курганах. Таким образом, подтверждается наличие древнеямного населения в степном правобережье реки Кубани. Причем древнеямные погребения представляют здесь довольно поздний культурно-хронологический пласт. В некоторых из них отчетливо прослеживается влияние культур Северного Кавказа, проявившееся в наличии инвентаря северокавказского облика.

Например, в основном погребении кургана 2 станицы Пластуновской Динского района рядом с костяком, лежащим скорченно на спине головой на восток в большой яме, перекрытой бревнами, у черепа найдены две золотые серьги, аналогичные серьгам из подкурганных дольменов станицы Новосвободной.

В курганном могильнике у хутора Верхнего Кореновского района в таком же захоронении зафиксированы: бронзовый нож, две посеребренных серьги и фрагмент керамики северокавказского облика. Наибольший интерес вызывает основное погребение кургана 2 в могильнике у поселка Первомайского Выселковского района, где рядом со скорченным на спине костяком, ориентированным на восток, лежали два бронзовых ножа, бронзовое шило, резец и каменный топор. Этот инвентарь имеет аналогии в материалах нальчикской гробницы и Бамутского курганного могильника, где основное погребение кургана 6, датированное новосвободненским временем, перекликается характером набора инвентаря с погребением из Первомайского могильника.

Все это дает нам основание датировать ямные погребения степного правобережья Кубани с костяками в прямоугольных ямах, перекрытых деревом, лежащими скорченно на спине и ориентированными в восточный сектор, — новосвободненским временем. Факт перекрытия ямников погребениями с керамикой, датируемой концом — рубежом III тыс. до н. э., подтверждает такую хронологию.

Кроме того, имеют место и древнеямные погребения более раннего времени с круглодонной керамикой. Однако при традиционной ориентировке в восточный сектор поза костяков иная — скорченная на правом боку.

Довольно значительную группу составляют погребения с костяками, положенными на спину с поднятыми коленями, но ориентированными на запад. От древнеямных их отличает наличие узких, а нередко и глубоких прямоугольных ям с заплечиками и шатровыми перекрытиями погребальных камер. В инвентаре встречаются молоточковидные костяные булавки с цилиндрическим неорнаментированным стержнем, височные кольца в 1,5—2 оборота и керамика дольменного облика. Стратиграфически они во всех случаях перекрывают древнеямные погребения и следуют непосредственно за ними.

Весьма своеобразна группа парных вытянутых на спине погребений, ориентированных в западный сектор. Прямоугольные погребальные камеры их перекрыты, обычно бревенчатым накатом. Характерно наличие угля меж ног, подсыпки мела и раннедольменной керамики. Датируются концом III — началом II тыс. до н. э.

Между тем наиболее многочисленны погребения со скорченным положением костяка на правом боку. По отношению к общему пласту захоронений эпохи бронзы их число составляет

около 35%. Причем подавляющее большинство их ориентированы на запад, изредка с небольшими отклонениями к северу или югу. Часть их являются в кургане основными. Костяки находятся, как правило, в узких прямоугольных ямах, перекрытых плахами либо бревенчатым накатом, поверх которых часто настилался камыш. Реже встречаются обширные овальные и прямоугольные ямы с перекрытиями циновкой и другими недолговечными материалами. В целом такие захоронения стратиграфически никогда не перекрывались древнеямными погребениями.

Хронологически правобочные захоронения бытуют на протяжении довольно длинного отрезка времени, включая катакомбное, на что указывают близость в инвентаре, тождественность в отдельных случаях техники обработки стенок погребальных камер и орудий, с помощью которых выполнялись эти работы.

Значительный интерес вызывают погребения с остатками деревянных повозок, найденных в количестве 12 штук в трех районах края: Динском, Выселковском и Кореновском. Почти во всех случаях повозки лежали в разобранном виде над погребальной камерой и лишь один раз на ее дне. 1 повозка найдена в древнеямном захоронении, 3 — в ограбленных, 1 — в кенотафе, 5 — в погребениях с костяками, вытянутыми на спине, и 2 — при скелетах, лежащих скорченно на спине головой на запад. Проведенный анализ погребального обряда, инвентаря и данные курганной стратиграфии позволяют датировать существование повозок в указанных районах степного правобережья реки Кубани в интервале от новосвободненского до раннекатакомбного времени.

Довольно редки для рассматриваемых районов катакомбные захоронения. Они представлены преимущественно ранними памятниками, для которых характерны прямоугольные входные ямы с наклонным дном в сторону прямоугольной камеры. В инвентаре встречены: дольменная керамика, костяные молоточковидные и бронзовые посоховидные булавки, глиняная модель повозки, бронзовые бляшки с пунсонной орнаментацией, костяные пронизи, ожерелья из раковин и зубов ископаемой рыбы, бронзовые височные кольца в 1,5—2 оборота, каменные теročники. Общая датировка — первая четверть II тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
2. Максименко В. Е. Новые материалы по эпохе ранней бронзы на Нижнем Дону. — СА, 1973, № 1.

3. Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа. — Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры, вып. 7. М., 1974.

И. Б. Брашинский

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ГРЕКО-ВАРВАРСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА НИЖНЕМ ДОНУ — СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ

Ленинград

Нижний Дон и Северо-Восточное Приазовье были в античную эпоху одной из зон наиболее активных греко-варварских взаимодействий в Черноморском бассейне, что в значительной мере, если не в первую очередь, определялось «пограничным» положением региона: с одной стороны, на стыке трех крупных варварских этнических массивов — скифского, савроматского (сарматского) и меотского, а с другой — близостью северо-понтийских греческих «колониальных» образований (Боспорское государство). Особое значение этого региона в развитии греко-варварских взаимодействий усиливалось благодаря тому, что он был крайней северо-восточной зоной экономической и политической активности греков в ойкумене.

До последнего времени в науке была принята периодизация греко-варварских торговых связей на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье, разработанная Т. Н. Книпович еще в середине 30-х гг. [11; 12]. Согласно этой схеме, непосредственные торговые контакты греков с местным населением этой области берут начало еще в VII в. до н. э. и проходят через 4 этапа развития. 1-й — «доколонизационный» — охватывает конец VII — начало VI вв. до н. э.; 2-й, связанный с Таганрогским поселением, — середину — вторую половину VI в.; 3-й связан с возникновением и начальным периодом существования Елизаветовского поселения и датируется второй половиной VI — началом V в.; 4-й этап охватывает период существования Елизаветовского поселения как «греко-скифского» «торгового города» с рубежа V и IV вв. в течение IV и III вв. до н. э. [12]. После этого наступает принципиально новый этап греко-варварских связей на Нижнем Дону, связанный с существованием Танаиса.

Результаты археологических исследований последних двух десятилетий дают основания для пересмотра существующих взглядов и позволяют предложить новую периодизацию развития греко-варварских взаимодействий в рассматриваемом районе.

Мы не будем останавливаться на анализе письменных источников, данные которых могут свидетельствовать о весьма раннем интересе греков к этому региону (они неоднократно подвергались рассмотрению многими исследователями [18]), а проанализируем непосредственно археологические материалы, интерпретация которых имеет важное значение для решения поставленных задач.

Обратимся прежде всего к вопросу о «доколонизационной торговле» греков с местным населением области реки Танаиса. Наличие такой торговли обосновывалось, как известно, Т. Н. Книпович находками двух изолированных предметов греческого архаического импорта: хоперского и криворожского фрагментов фигурных ваз, которые истолковывались как свидетельства и результат непосредственных греко-варварских сношений через дельту Дона. Следует, однако, отметить, что основания для такого заключения были и остаются весьма шаткими, на что уже обращал внимание Я. В. Доманский, пришедший к убедительному выводу об отсутствии оснований для интерпретации этих находок (одна из них — криворожская — к тому же относится ко времени не ранее середины VI в.) как свидетельств ранних непосредственных торговых связей греков с населением донской дельты [10]. Новых данных в пользу существования каких-либо взаимодействий между греками и варварами в интересующем нас регионе не только в «доколонизационный», но и в период греческой колонизации Северо-Восточного Причерноморья не появилось и в последние десятилетия, несмотря на проводимые здесь весьма интенсивные археологические исследования. Очевидно, в это время греко-варварских контактов на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье не было.

Первые фиксируемые археологические следы активности греков в Северо-Восточном Приазовье относятся примерно к середине VI в. до н. э., когда на месте современного Таганрога возникает греческое поселение, ныне полностью поглощенное морем [12; 15; 3; 4; 9; 18]. Хотя о его облике судить невозможно, сам факт его существования не вызывает сомнений благодаря довольно многочисленным и достаточно показательным керамическим находкам со дна Таганрогского залива. Эти на-

ходки (ионийская керамика) свидетельствуют о том, что поселение просуществовало сравнительно недолго — до начала V в. до н. э.

Каким был характер этого поселения, какими были цели его основания, а также причины сравнительно кратковременного существования?

Обычно Таганрогское поселение трактуется как греческая торговая фактория, или эмпорий, якобы сыгравшее важную роль в развитии греко-варварских торговых взаимоотношений в Северо-Восточном Приазовье и Нижнем Подонье [12; 4; 9; 18]. Такая трактовка не находит, однако, никакого подтверждения в археологических материалах: материальные следы приписываемой Таганрогскому поселению торговой активности отсутствуют во всем окружающем его районе — как в ближайшем соседстве, так и на более отдаленных территориях. Недавние изолированные находки двух архаических греческих амфор на левобережье Нижнего Дона (Ново-Александровка) и правобережье Мертвого Донца (Хопры) не могут быть связаны с Таганрогским поселением. Их происхождение, скорее всего, аналогично происхождению прочих единичных находок греческого архаического импорта в Подонье.

Как представляется, для правильной оценки Таганрогского поселения (целей его основания, характера, недолговечности) первостепенное значение имеет попытка реконструкции демографической и экологической ситуации на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье — крайней юго-восточной области Геродотовой Скифии — в VI — начале V в. до н. э. Судя по достаточно репрезентативным в настоящее время археологическим данным, рассматриваемый регион характеризуется в интересующее нас время отсутствием стабильного оседлого туземного населения: поселения этого времени здесь неизвестны. Вместе с тем имеются основания предполагать присутствие здесь нестабильного, кочевого, возможно, весьма мощного элемента, контролировавшего территорию района. Дельта Дона, имевшая устойчивую и прочную кормовую базу, несомненно, представляла для кочевников большую ценность и первостепенный интерес и интенсивно использовалась ими, особенно в зимний период [1; 2]. Следует, правда, признать, что на интересующей нас территории следы пребывания кочевников в VI в. до н. э. (погребения) пока немногочисленны, но в последнее время количество их все больше увеличивается.

С другой стороны, Азовское море (Меотийское озеро) в целом и в частности его северо-восточный угол — Таганрогский залив, а также низовья Дона были исключительно богатыми

резервуарами их тиофауны, в особенности ценных пород рыбы (осетровых) [21].

Возникновение Таганрогского поселения было, скорее всего, связано со стремлением греков к эксплуатации исключительно высокопродуктивных рыбных ресурсов Таганрогского залива, и, по-видимому, оно должно рассматриваться как рыболовная станция. Не исключено, что его основание было связано с деятельностью клазоменцев, которые, по словам Страбона [13], имели какие-то наблюдательные пункты (или вышки) на берегу Меотиды. Обычно сообщение Страбона трактуется буквально: как указание на наблюдательные пункты, связанные с рыбным промыслом [8; 18]. Хр. М. Данов, однако, считает возможным видеть в «Клазоменских вышках» топоним, название поселения, связанного с колонизационной деятельностью клазоменян [20]. Напомним в этой связи, что клазоменцы упоминаются Плинием [14] среди владевших некогда местностью будущего Танаиса.

Эпизодические взаимодействия обитателей Таганрогского поселения с окружающими туземцами не исключены, но об их формах и характере судить невозможно. Уверенно можно утверждать, что в период существования Таганрогского поселения, в VI в. до н. э., местное кочевое общество не вступало в экономические взаимодействия с греками. Возможно, это было связано с ксенофобией, характерной для варварских обществ Подонья и значительно позднее, на что имеется прямое свидетельство у Страбона. Сообщая о незнакомстве греков с течением реки Танаиса выше ее низовьев, великий географ в качестве причин этого указывает [13] не только и, вероятно, не столько на неблагоприятные для чужеземцев климатические условия и скудость страны, но и на то, что кочевники препятствовали проникновению греков в свою страну и плаванию вверх по реке. Он пишет: «...кроме того, кочевники, будучи необщительными с чужеземцами и отличаясь многочисленностью и силой, закрыли доступ (в свою страну) даже и там, где страна удобопроходима или если кому-либо удавалось плавание вверх по реке». С моей точки зрения, имеются все основания для ретроспективной интерпретации отмечаемой Страбоном ксенофобии донских варваров: судя по контексту, греки никогда не знали Танаиса выше низовьев — этого не знали и предшественники Страбона, трудами которых он пользовался.

Обычно при реконструкции греко-варварских взаимодействий в разных районах античного мира учитываются самые различные факторы, воздействовавшие на их формирование и развитие: экономические, политические, демографические и т. п.

В тени, однако, остается фактор психологический — коммуникативность или акоммуникативность, ксенофилия или ксенофобия и т. п. Между тем психологический фактор, надо полагать, играл далеко не последнюю роль в отсутствии или наличии этих взаимодействий, в их характере и формах проявления. Вполне возможно, что именно ксенофобия туземного кочевого общества была причиной недолговечности Таганрогского греческого поселения.

Таким образом, как нам кажется, выделение первых двух этапов греко-варварских взаимодействий (торговых связей) Т. Н. Книпович лишено оснований. Весь этот период должен быть отнесен к «предыстории» греко-варварских контактов на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье.

I этап взаимодействий греков с местным населением рассматриваемого региона, прослеживаемый на археологическом материале, берет начало с конца VI или, скорее, начала V в. до н. э. и связан с началом процесса седентаризации определенной группы кочевников в дельте Дона и возникновением Елизаветовского поселения, превратившегося в дальнейшем в крупнейший варварский торговый центр на крайнем юго-востоке Геродотовой Скифии. Возникновение Елизаветовского поселения явилось, вероятно, результатом действия разнообразных факторов процесса развития греко-варварских взаимодействий в рассматриваемом регионе. С одной стороны, появившаяся и все растущая в кочевом обществе потребность в приобретении продуктов греческого импорта (в первую очередь — вина) требовала установления непосредственных экономических контактов с греками. С другой стороны, присущая, очевидно, местному обществу ксенофобия заставляла искать таких форм этих контактов, которые бы не угрожали «суверенитету» варваров. Что касается греков, то их заинтересованность в эксплуатации природных ресурсов Подонья и Северо-Восточного Приазовья, по-видимому, в достаточной мере могла обеспечиваться через посредство владевших ими варваров. Такая форма взаимодействий, удовлетворявшая в равной мере как местных варваров, так и греков, была найдена в создании «варварского эмпория» — Елизаветовского поселения в дельте Дона, которое стало крайним северо-восточным центром непосредственных греко-варварских взаимодействий. Дальше вверх по Дону — Северскому Донцу и на восток — в Задонье, Поволжье и далее греческие купцы никогда не проникали.

К Елизаветовскому варварскому торжищу вполне приложима характеристика, данная Страбоном [13] некоторым восточнопонтийским торговым центрам, например Диоскуриаде, Фа-

сису и Танаису. В последний сходились для торгового обмена представители различных варварских племен, возможно, и весьма отдаленных от него, а также приплывали греческие купцы; некоторые из них, вероятно, оседали там на временное или постоянное жительство.

По мере развития процесса перехода части нижнедонских — североприазовских кочевников к оседлости их взаимодействия с греками интенсифицировались. Однако в течение всего V в. до н. э. это не имело сколько-нибудь серьезного воздействия на уклад жизни местного общества: на его быт, культуру, идеологию и т. д. Воздействие это было поверхностным и ограничивалось лишь определенным внедрением в местный быт греческой материальной культуры — использованием греческой посуды, некоторых предметов вооружения, потребления вина и пр.

2 этап развития греко-варварских взаимодействий в рассматриваемом регионе охватывает первую половину — середину IV в. до н. э. и связан с превращением Елизаветовского поселения в крупный варварский центр городского типа, базовой функцией которого была торговля [7]. В этот период Елизаветовское поселение было не столько потребителем греческих товаров (в первую очередь — вина), сколько крупнейшим транзитным центром, через посредство которого греческий импорт распространялся далеко на север вплоть до района современного Воронежа и на восток — в Поволжье и Заволжье. Воздействие греческой материальной культуры на местную в это время усиливается, но, судя по всему, по-прежнему затрагивает лишь сферу потребления.

3 этап развития греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье (вторая половина IV — начало III в. до н. э.) характеризуется дальнейшей интенсификацией торговли в Елизаветовском поселении; греко-варварские торговые взаимоотношения достигают апогея и характеризуются огромным размахом. Среднегодовой импорт вина в Елизаветовское поселение в это время оценивается в несколько тысяч декалитров [7]. Вероятно постоянное присутствие на Елизаветовском поселении определенного числа греков (торговцев или их агентов), не исключено и существование здесь обособленного «греческого квартала». Происходит определенная «внешняя эллинизация» местного варварского общества. Воздействие греческой материальной культуры на местную проявляется теперь не только в использовании в хозяйстве и быту местного населения предметов греческого импорта, но и в ими-

тациях греческих форм в лепной керамике [16]. Определенное воздействие греческой материальной культуры может быть прослежено и в местном домостроительстве [6]. Не исключено в определенной мере и проникновение эллинского воздействия в сферу местной духовной культуры (религиозные верования, отправления культа). На это могут указывать довольно многочисленные находки (несколько десятков) греческих культовых терракот на Елизаветовском городище [17], допускающие альтернативное толкование· восприятие местным варварским населением некоторых элементов и образов греческой религии, либо приспособление определенных образов эллинского пантеона к существовавшим местным культам. Тем не менее Елизаветовское поселение, остававшееся по-прежнему единственным центром греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону, полностью сохраняет свою «варварскую» сущность.

В конце IV — начале III в. до н. э. военно-политическая и демографическая ситуация в рассматриваемом регионе претерпевают коренные изменения [5]. Местный варварский центр — Елизаветовское поселение — перестает удовлетворять интересы греков, прежде всего боспорцев, особенно заинтересованных в этом районе. Следствием этого является коренное изменение характера греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону. В первой четверти III в. боспорские греки основали в дельте Дона, в непосредственной близости от варварского Елизаветовского поселения и, очевидно, в противовес ему собственный торговый город — Танаис [18].

4 этап развития греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону характеризуется существованием в регионе двух центров: варварского Елизаветовского поселения и боспорского Танаиса. Этот этап относится к первой половине III в. до н. э. и ограничивается узкими хронологическими рамками — периодом сосуществования Елизаветовского поселения и Танаиса, длившимся максимум несколько десятилетий [5].

5. принципиально новый этап, в истории развития греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону, берет начало во второй четверти — середине III в. до н. э. Елизаветовское поселение прекращает свое существование, и центр развития греко-варварских взаимодействий в регионе целиком перемещается в Танаис — греческий или греко-варварский торговый город. Этот торговый центр имел огромное значение в дальнейшей истории развития взаимодействий античного и варварского миров на протяжении многих веков [18; 19].

Развитие греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье может, очевидно, рассматриваться как одна из моделей греко-варварских взаимодействий в античном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М. Н. Вопросы истории скифов в советской науке. — ВДИ, 1947, № 3.

2. Артамонов М. Н. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов. — ВДИ, 1949, № 1.

3. Блаватский В. Д. Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г. — СА, 1961, № 4.

4. Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.

5. Брашинский И. Б. Проблемы хронологии Елизаветовского городища в дельте Дона. — Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки, 1977, № 1.

6. Брашинский И. Б., Марченко К. К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону. — СА, 1978, № 2.

7. Брашинский И. Б., Марченко К. К. Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа. — СА, 1980, № 1.

8. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949.

9. Гайдукевич В. Ф. Боспор и Танаис в доримский период. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.-Л., 1963.

10. Доманский Я. В. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н. э. — АСГЭ, вып. 12, 1970.

11. Книпович Т. Н. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаис в VII—V веках до н. э. — ИГАИМК, вып. 104, 1935.

12. Книпович Т. Н. Танаис. М.-Л., 1949.

13. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1947, № 4.

14. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1949, № 2.

15. Лунин Б. В. К изучению далекого прошлого Таганрога и прилегающих к нему местностей. — Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея, вып. 1. Таганрог, 1957.

16. Марченко К. К. Лепная керамика V—III вв. до н. э. с городища у станицы Елизаветовской на Нижнем Дону. — СА, 1972, № 1.

17. Марченко К. К. Терракоты Елисаветовского городища. — В кн.: Терракотовые статуэтки, ч. IV. САИ, вып. Г1-11, 1974.

18. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.

19. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972.

20. Danoff Chr. M. Pontos Euxeinos. — RE, Suppl. IX, 1962.

21. Рождественский А., Цветков Л. Азовское море. — В кн.: Черное море. Варна, 1978.

В. Е. Максименко

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОДОНЬЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ

Ростов-на-Дону

Вопрос об этническом составе населения Нижнего Подонья в скифскую эпоху решался исследователями по-разному, при этом основное внимание уделялось району дельты Дона, где археологические памятники были сравнительно хорошо исследованы. Памятники степных районов Подонья долгое время были известны в ничтожных количествах и во внимание почти не принимались. Путаница в определении этноса была вызвана не только противоречивыми свидетельствами античных авторов, но и характерной особенностью памятников Нижнего Подонья, в которых можно найти элементы и скифские, и савроматские, и меотские.

Чаще всего разногласия во мнениях наблюдаются при определении этнического населения дельты и близко прилегающих к ней районов. Что же касается собственно степных районов, то здесь единодушия среди исследователей гораздо больше. Многие считают, что левобережные степные районы (к востоку от дельты) занимали племена савроматов, позднее—сарматов, а правобережные — скифы, до появления на правобережье савроматов. В последнем случае споры ведутся в основном о времени появления савроматов (сирматов) на правобережье и иногда об этнической принадлежности сирматов [21].

Еще М. И. Ростовцев считал, что курганные группы, находящиеся в непосредственной близости к Елизаветовскому городищу, отличаются от типично скифских, хотя группа Пятибратных курганов, по его мнению, близка к ним [30]. В целом же население Нижнего Подонья и восточного побережья Азовского моря он считал савроматским. Они, как он предполагал, издревле жили на этой территории [29]. А. А. Миллер первоначально относил Елизаветовские курганы к сарматам [26], но позднее он отказался от определения этнической культуры местного населения и употреблял для нее термин «скифская» лишь в условном его значении, определяющем совокупность местных этно-культурных образований юго-востока [27]. Такой же неопределенный термин применяет и Т. Н. Книпович [17].

Б. Н. Граков, определяя в целом культуру южно-русских степей как скифскую, приписывает нижнедонской вариант ее

не собственно скифам, а меотам. Меоты, как он считает, населяли и Елизаветовское поселение [12; 11; 9; 10]. М. И. Артамонов, который считал первоначально погребенных в Елизаветовских курганах скифами и видел в них кочевников, являвшихся в дельту Дона на зимние пастбища [1], позже, вероятно, изменил точку зрения и склонен был отнести нижнедонские курганы скифского времени к савроматам (сарматам) [2]. Один из основных исследователей Елизаветовских курганов Нижнего Подонья В. П. Шилов первоначально склонен был считать жителей Елизаветовского поселения меотами [38], но позже решительно возражал против намеченного М. И. Ростовцевым деления погребенных в Елизаветовских курганах на две этнические группы и подчеркивал единство погребального обряда во всех курганах [39; 40]. Он стал приписывать Елизаветовские курганы царским скифам, опираясь на сообщения Геродота о распространении владений царских скифов до Танаиса и на некоторые особенности погребального обряда и инвентаря, отличного от типично сарматского [41].

Опираясь на эти же самые данные, В. Ф. Гайдукевич пришел к совершенно противоположному выводу. Он отмечал наличие в Елизаветовском поселении отдельных черт, присущих скифской культуре, но указывал и на «существенные особенности (погребальный ритуал, форма могил и другие), которые не вяжутся с культурой, свойственной причерноморским степным скифам». Опираясь на данные античных авторов (Геродота, псевдо-Гиппократа, Евдокса, псевдо-Скилака), размещающих вокруг устья Дона савромато-сарматские племена, В. Ф. Гайдукевич считал, что этническая основа Елизаветовского поселения скорее сарматская, нежели скифская [7].

К. Ф. Смирнов, признавая, что степные районы Нижнего Подонья были населены савроматами, полагает, что древнейшее население дельты — меоты, но эти меоты, в отличие от прикубанских, ираноязычны [32]. Однако богатое погребение, открытое В. П. Шиловым в 1959 г. в Пятибратной группе курганов, он склонен отнести к скифам. Анализируя погребальный обряд и могильный инвентарь Елизаветовских курганов, К. Ф. Смирнов подчеркивает его отличие от погребального обряда и материальной культуры прикубанских меотов и многие черты, характерные для культуры савроматов и отчасти скифов. Склоняясь к выводу о скифо-савроматском облике местной культуры Елизаветовского поселения, он считает, что в дельте Дона жило «население, родственное савроматам Поволжья, но не идентичное ему. Мы можем отождествить местные племена с той группой скифов и меотов, которые издавна были связа-

ны с савроматами и, вероятно, говорили на родственном языке. Возможно, это была оседлая часть иксибатов — яксаматов античных авторов» [32].

И. С. Каменецкий, который считает яксаматов меотами [16], полагает, что население городищ и поселений дельты Дона V—III вв. до н. э. было меотским, переселившимся с Кубани в конце VI или в начале V вв. до н. э. [15].

Исследователи Елизаветовского могильника и городища И. Б. Брашинский и Я. В. Доманский считают погребения скифскими [5], хотя И. Б. Брашинский в некоторых случаях указывает на существование в могильниках савроматских могил [3].

Д. Б. Шелов, дав подробный анализ письменных источников, а также критический разбор мнений современных исследователей по данной проблеме, пришел к выводу о смешанном характере населения Донской дельты и счел возможным на этом основании идентифицировать район, занимаемый Елизаветовским поселением, с островом Алопекией в античной литературной традиции [37].

Имеется другая точка зрения по данным проблемам, основанная на данных античной традиции и последних достижений донской археологии [23]. В 1971 г. вышла весьма интересная работа Д. А. Мачинского, в которой автор дает несколько карт, отображающих изменения в представлениях античных писателей об этнографии европейских степей в VII — начале II вв. до н. э.

Как правильно отмечает Д. А. Мачинский, «насколько эти изменения отражают реальные передвижения тех или других объединений кочевников, в полной мере можно будет судить лишь после сопоставления этих карт с картами археологическими, антропологическими и лингвистическими» [25].

1-й период — киммерийско-скифский (VIII—VII вв. до н. э.) — на Дону совпадает с переходом от эпохи бронзы к железу и началом железного века.

Согласно письменным источникам, уже в VIII в. до н. э. нижнедонские степи были населены скифами, пришедшими из Средней Азии, а киммерийцы потеснены на Северный Кавказ, откуда они уже во второй половине VIII в. до н. э. совершают походы в Закавказье. К VIII в. до н. э. относится гибель и нижнедонских поселений Кобяковской культуры эпохи поздней бронзы, которые, хотя и не принадлежали степнякам- киммерийцам, но по времени синхронны пребыванию их на данной территории. Исследователь Кобяковской культуры Э. С. Шарафутдинова полагает, что гибель поселений типа Кобяково следует отнести ко времени не ранее начала VIII в. до н. э. [36].

Однако автор сама вынуждена признать, что в кобяковской лощеной керамике есть элементы, присущие сосудам VIII — начала VII вв. до н. э. памятников Северного Кавказа (Алхасты, Змейского поселения, Каменомостского и Николаевского могильника) [36].

Присутствие керамики предскифского и раннескифского времени в слоях Кобяково позволяет связать по времени гибель Кобяковской культуры с нашествием скифов в европейские степи. Если признать, что степи Нижнего Подонья уже с VIII в. до н. э. принадлежали скифам, то, в таком случае, памятники типа Новочеркасского и Аксайского кладов, погребение VIII—VII вв. из кургана у хутора Верхне-Подпольного и другие находки с данной территории ,относящиеся ко второй половине VIII — началу VII вв. до н. э., должны принадлежать скифам, а не киммерийцам, как считают некоторые исследователи (Е. И. Крупнов, А. И. Тереножкин и другие), полагающие, что памятники Новочеркасской группы по времени соответствуют киммерийским и что они принципиально отличаются от скифских памятников и по своему типу, и по особенностям художественного стиля [35, 18].

Следует отметить, что уже А. А. Иессен, который выделил памятники Новочеркасской группы [13], весьма осторожно относил их к скифам и к киммерийцам на основании того, что существенной разницы в уровне культурного развития исторически известных киммерийцев и скифов этого раннего периода не было. Таким образом, в создателях комплексов VIII—VII вв. до н. э., которые известны и в степном Предкавказье, и в степных районах Северного Причерноморья, мы можем выделить как предков скифов VI в. до н. э., так и киммерийцев [14].

2 период — савроматский — VI—III вв. до н. э.

В конце VII — начале VI в. до н. э. из первой волны вернувшихся из Передней Азии кочевников савроматов, по Диодору) и местных племен на Дону формируется объединение под главенством савроматов. В нашей исторической литературе принято считать, со ссылкой на Геродота, что границей между скифами и савроматами был Дон.

Однако если внимательно вчитаться в текст Геродота, то он нигде об этом прямо не говорит. По Геродоту, владения скифов лишь частично достигают Танаиса [8], а отделяет царских скифов от савроматов озеро Меотида [8], и они (савроматы) занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера (т. е. Таганрогского залива), на пятнадцать дней пути [8]. Если принять во внимание, что Геродот мог отождествлять Северский Донец с Танаисом, что вполне до-

пустимо [31], то таким образом, согласно письменной традиции (Геродот, псевдо-Гиппократ), начиная с VI в. до н. э. и правобережные и левобережные степи Подонья населяли савроматы.

В V в. до н. э. в низовьях Дона поселяется племя язаматов, которое, вероятно, вошло в савроматский союз. С язаматами можно связать археологические памятники дельты Дона (Елизаветовское поселение, курганы и т. д.) и прилегающих районов, на правобережье — до низовья Северского Донца, на левобережье — до реки Маныча. За этими реками, к востоку, лежали земли геродотовских савроматов.

В конце V—IV вв. до н. э. на правобережье Дона античная традиция (псевдо-Скилак, Эвдокс) фиксирует появление сирматов. По всей вероятности, это первая волна сарматов, но сарматов — еще носителей савроматской археологической культуры Приуралья, а не сарматов — носителей прохоровской культуры.

Вытеснив часть прежнего населения (Геродотовых савроматов) из районов Правобережья или ассимилировав ее, сирматы постепенно начинают усиливать свою активность и уже с III в. до н. э. под именем сарматов они хорошо известны античным авторам — Деметрию из Калатиса, псевдо-Скимну и др.

В археологии Дона имя сирматов (сарматов — носителей савроматской археологической культуры) можно связать с группой памятников, обнаруженных в междуречье Дона и Северского Донца. Это курган у поселка Шолоховского [33], у хутора Кащеевки [34], курганы Сладковского могильника [33], Карнауховский курган [22] и т. д.

В IV—III вв. до н. э. сирмато-сарматские элементы погребального обряда и некоторые черты материальной культуры, характерные для группы памятников междуречья Дона и Северского Донца (квадратные могильные ямы, коллективные захоронения, южная ориентировка, керамика и т. д.), начинают появляться среди населения степной зоны левобережья Дона и его дельты (Ясыревский курган [28], погребение 26, кургана 5 Койсугского могильника и др.).

Это дает возможность предположить, что продвижение сирматов — сарматов из районов Заволжья и Приуралья шло севернее излучины Дона, не затрагивая районы междуречья Дона и Нижней Волги, где по-прежнему обитали племена савроматов (потомков Геродотовых савроматов). С ними следует связать курганы, раскопанные В. П. Шиловым на Есауловском Аксае (Аксеновский могильник), и ряд других памятников этого района.

В IV—III вв. до н. э. на Нижнем Дону можно выделить три основных группы племен, союз между которыми, вероятно, никогда не был постоянным. Дельту Дона и прилегающие к ней районы занимали язамаги. Не исключено, что некоторое время, в IV в. до н. э., во времена могущества скифской державы Атея, они находились под политическим господством скифов. Правобережными районами, в основном к востоку от Северского Донца, владели сирматы. Судя по археологическим материалам, к III в до н. э. они оказывали заметное влияние и на население степной зоны левобережья Нижнего Дона. В междуречье Дона и Нижней Волги продолжали жить до III в. до н. э. потомки геродотовских савроматов, вероятно, сираки, которые позднее под натиском племен аорского союза (племен-носителей прохоровской археологической культуры) вынуждены были продвинуться в районы Прикубанья.

3-й период — сарматский (прохоровский) — на Дону начинается с конца III—II в. до н. э. Он характеризуется резкими изменениями в политической и социально-экономической жизни кочевого населения Подонья, вызванными появлением новых этнических групп ираноязычного населения из районов Поволжья и Приуралья — племен-носителей прохоровской археологической культуры. Новые племена проявили невероятную активность в завоевании новых территорий, некогда принадлежащих скифам и савроматам. В результате завоеваний они принесли и иные обычаи и погребальный обряд с элементами, существенно отличающимися от предшествующих времен.

Судя по археологическим данным, по раскопкам в районе Цимлянского водохранилища, на реке Маныче, в дельте Дона (Койсугские курганы), активное продвижение прохоровских племен на запад началось в III в. до н. э. вдоль левобережья Подонья (на правом берегу Дона прохоровских комплексов ранее II в. до н. э. пока не обнаружено) и достигло апогея к началу II в. до н. э., когда основная их масса переправилась на правобережье и хлынула в Скифию. Вероятно, об этом событии сообщает Диодор, говоря о том, что савроматы «много лет спустя (после появления савроматов у Танаиса. — *В. М.*), сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» [20].

Набеги сарматов, носителей прохоровской культуры, еще в начале III в. до н. э. были эпизодическими. Однако именно к этому времени относится укрепление валов городища у станицы Елизаветовской в дельте Дона [4; 24] и происходит исчезно-

вение более мелких поселений, население которых было вынуждено уйти под защиту более укрепленного городища.

В конце III — начале II вв. до н. э. появление новых орд кочевников с востока прервало жизнь поселений дельты Дона, кроме греческой колонии Танаис на правом берегу Дона.

Не исключено, что какая-то часть прежнего населения савроматов-сирматов и язаматов вошла в состав пришельцев, а другая часть была вынуждена переместиться в районы Прикубанья.

Начиная со II в. до н. э., античные историки выделяют среди общей массы сарматских племен отдельные племена и союзы и подчеркивают их политическую активность. Уже в первой четверти II в. до н. э. сарматы принимают участие в войнах за пределами Северного Причерноморья, в степях которого они к тому времени занимали прочные позиции. Историк Полибий, описывая заключение мирного договора между рядом государств Малой Азии в 179 г. до н. э., упоминает и об участии в этом событии царя европейских сарматов Гатала [19].

Языги, которые отождествляются с ранними язаматами [6], вероятно, являлись остатками прежнего савроматского нижнедонского союза. Возможно, что им принадлежат погребальные памятники конца III—II вв. до н. э. в районе Миусского полуострова, где сохранились старые традиции (западная ориентировка и погребальный обряд) савроматов. Как известно, во II в. до н. э. прохоровский погребальный обряд с южной ориентировкой покойников становится преобладающим на Дону.

Литература

1. Артамонов М. И. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов. — ВДИ, 1949, № 1.
2. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Прага—Ленинград, 1966.
3. Брашинский И. Б. Работы Южно-Донской экспедиции. — АО 1967 г. М., 1968.
4. Брашинский И. Б. Основные результаты раскопок Елизаветовского городища и могильника за последние годы. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д. 1973.
5. Брашинский И. Б., Доманский Я. В. Исследования Елизаветовского городища и курганного могильника. — АО 1966. М., 1967.
6. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949.
7. Гайдукевич В. Ф. Боспор и Танаис в доримский период. — В кн.: Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.-Л., 1963.
8. Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972.
9. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. — МИА, 1954, № 36.
10. Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.
11. Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота. — СА, 1953, № 18.

12. Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. — ВССА. М., 1954.
13. Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.—СА, 1953, № 18.
14. Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. — ВССА. М., 1954.
15. Каменецкий И. С. Население Нижнего Дона в I—III вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1965.
16. Каменецкий И. С. О язаматах. — МИА, 1971, № 177.
17. Книпович Т. Н. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. — ИГАИМК, вып. 104. 1934.
18. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
19. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1947, № 3.
20. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1947, № 4.
21. Либеров П. Д. Савроматы ли сирматы? — МИА, 1969, № 151.
22. Ляпушкин И. И. Курганный могильник близ Карнауховского поселения. — МИА, 1958, № 62.
23. Максименко В. Е. Кочевое население Нижнего Дона в VII—II вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1974.
24. Марченко К. К. Система оборонительных сооружений Елизаветовского городища. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1973.
25. Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. — АСГЭ, вып. 13, 1971.
26. Миллер А. А. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 г. — ИАК, вып. 56, 1914.
27. Миллер А. А. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. — СГАИМК, вып. 11, 1929.
28. Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Савроматские погребения Ясыревских курганов Нижнего Дона. — КСИА АН СССР, вып. 133, 1973.
29. Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.
30. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
31. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979.
32. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
33. Смирнов К. Ф., Максименко В. Е. и др. Исследования в междуречье Дона и Северского Донца в пределах Ростовской области. — АО 1976 г. М., 1977.
34. Смирнов К. Ф., Максименко В. Е. Раскопки курганов в междуречье Дона и Северского Донца. — АО 1977. М., 1978.
35. Тереножкин А. И. Скифская культура. — МИА, 1971, № 177.
36. Шарафутдинова Э. С. Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону. Автореф. канд. дис. Л., 1972.
37. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.
38. Шилов В. П. Отчет о раскопках Нижне-Донской археологической экспедиции в 1954 г. — Архив ИА АН СССР ф-1, № 1215.
39. Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг.— ИРОМК, вып. 1/3, 1959.
40. Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. — СА, 1961, № 1.
41. Шилов В. П. Золотой клад скифского кургана. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1962.

К. К. Марченко

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ДОНУ

Ленинград

Елизаветовское городище на Дону — одно из крупнейших поселений варваров степной зоны Северного Причерноморья скифского периода. В настоящее время есть серьезные основания полагать, что уже в IV в. до н. э. оно фактически выполняло функции центра весьма обширного района Нижнего Подонья, а отчасти, по-видимому, и Северо-Восточного Приазовья, центра хозяйственного, культурного, административного и, возможно, религиозного [5]. Такое заявление обязывает считаться с существованием прямой, скорее всего, неразрывной связи исторических судеб «столицы» и контролируемого ею района. Следует думать, таким образом, что по крайней мере часть наиболее значительных сдвигов социально-экономического, военно-политического или демографического характеров, происходивших по тем или иным причинам в структуре всего Нижнего Подонья — Северо-Восточного Приазовья V—III вв. до н. э., должна была самым непосредственным образом затрагивать Елизаветовское поселение и наоборот. Естественно, что далеко не все они обязательно нашли свое отражение в археологическом материале, однако недоучитывать возможностей поиска и фиксации их следов было бы методически неверным.

Между тем с сожалением приходится констатировать, что история Елизаветовского городища на Дону воспринимается до сих пор большинством исследователей слишком обще, недифференцированно. Данное обстоятельство, по всей видимости, явилось следствием узости источниковедческой базы до недавнего времени. Положение дел начало меняться в корне лишь в последние годы в результате систематических работ Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР [3]). Анализ материалов этих исследований позволяет в настоящее время выделить в развитии Елизаветовского поселения по меньшей мере пять отдельных этапов, так или иначе связанных с различными сторонами жизни всего населения Нижнего Подонья, с его взаимоотношениями с жителями соседних областей, населенных скифами, савроматами (сарматами), меотами и греками Боспорского царства.

Разумеется, необходимо отдавать себе полный отчет в том, что все эти этапы построены почти исключительно на основе археологических данных разной степени ценности и достоверности, условны, схематичны и нуждаются в проверке информацией независимого от материалов городища уровня.

1 этап — конец VI или начало V—IV вв. до н. э. — охватывает время становления Елизаветовского поселения и начала широких непосредственных торговых контактов греков с местным населением Донской дельты. Конкретная форма становления Елизаветовского поселения на этом этапе истории до сих пор не устанавливается однозначно. Имеющиеся крайне скудные данные позволяют почти с одинаковой степенью гипотетичности предполагать два принципиально различных пути его формирования. Первый — в виде постепенного, растянувшегося почти на целое столетие, превращения зимника кочевой орды под воздействием все усиливающихся и развивающихся торговых контактов варваров с греческими купцами в постоянное поселение городского типа [1]. Второй — в форме одноактного создания в самом конце VI или, скорее, в начале V в. до н. э. сравнительно небольшого, по-видимому, неукрепленного поселения, располагавшегося, скорее всего, в еще малозатронутой современными археологическими работами северной прибрежной части городища.

На 2 этапе истории поселения, датируемом первой половиной IV в. до н. э., в Нижнем Подонье происходит дальнейшее расширение объема греко-варварских контактов. Количество и номенклатура ввозимых греческими купцами товаров явно увеличивается. Торговля приобретает ярко выраженный оптовый, пульсирующий характер [5]. Одновременно с этим существенно расширяются размеры самого Елизаветовского поселения, занимавшего в это время около трех, может быть, даже четырех десятков гектаров.

К этому же времени, по всей видимости, следует относить и появление первых долговременных, сильно заглубленных в землю жилых и хозяйственных строений довольно сложной конструкции и планировки [4]. Создается впечатление, что основное количество построек такого рода сосредоточивалось в северной половине городища, частично выходя, впрочем, за пределы площади более позднего «акрополя» [4; 6].

Всю или почти всю первую половину IV в. до н. э. Елизаветовское поселение функционирует без каких-либо искусственно созданных рубежей обороны, что, по-видимому, может указывать на относительно мирное существование жителей Донской дельты [7].

Стабильная обстановка, значительное расширение греко-варварских связей, наконец, большая группа постоянных оседлых жителей на поселении — все это закономерно вело к ускоренному развитию хозяйственной и производственной деятельности в нем. Оно становится многофункциональным центральным местом обширного района степной зоны Северного Причерноморья [5].

3 этап в истории Елизаветовского городища начинается не позднее середины IV в. до н. э. Примерно в это время Елизаветовское поселение впервые с момента своего возникновения опоясывается сразу двумя линиями оборонительных сооружений, одна из которых охватывает его центральную, наиболее возвышенную часть, площадью около 12 га — «акрополь», где с тех пор под защитой валов и группируется подавляющая часть долговременных построек, в то время как вторая линия ограничивает всю территорию поселения. Строительство первых оборонительных линий со всей очевидностью указывает на ухудшение внешнеполитической обстановки в Северо-Восточном Приазовье — появление реальной военной угрозы его населению, исходившей, возможно, со стороны активизировавшихся к этому времени сарматских племен. Отныне Елизаветовское поселение становится убежищем.

Точные временные границы 4 этапа в истории поселения остаются пока невыясненными. Впрочем, вероятнее всего, он был весьма непродолжительным. Комплекс стратиграфических наблюдений дает основание предполагать, что вскоре после создания первых поясов укреплений они были полностью и, скорее всего, вполне сознательно разрушены самими жителями поселения. Данное обстоятельство, по всей видимости, может указывать на временную потерю жителями Елизаветовского поселения своей политической независимости, что, впрочем, не повлияло заметно на экономику поселения в целом, на общий объем торговых контактов с эллинами.

Максимальный расцвет экономической и культурной жизни поселения падает на последний — 5 этап его истории — вторую половину IV — первую треть III в. до н. э. Начало этого этапа связывается нами со строительством новых, по-видимому, еще более мощных, чем прежде, оборонительных сооружений, просуществовавших с незначительными изменениями до времени внезапного прекращения жизни Елизаветовского поселения [7]. Возведение новых оборонительных линий недалеко от разрушенных старых может быть истолковано как свидетельство возврата суверенитета жителями Елизаветовского поселения, но продолжение существования реальной угрозы их жизни.

Новыми характерными чертами 5 этапа истории наряду с прочими стали: предельное расширение объема греко-варварской торговли, появление на поселении относительно большого числа культовых терракот [8], максимальное развитие местного производства для внутреннего и внешнего потребления самых разнообразных изделий быта и вооружения из металлов, концентрация такого рода производств в отдельных районах поселения. Сюда же можно отнести фундаментальное расширение строительства построек того же типа, что и более ранние, но значительно больших размеров, появление кладок из сырцовых кирпичей и камня в жилых, хозяйственных, погребальных и фортификационных сооружениях.

Точную дату прекращения жизни на поселении пока установить затруднительно, но она, несомненно, лежит в пределах первой половины, скорее всего второй четверти III в. до н. э. [2]. Судя по совокупности данных археологических и гидрологических наблюдений, уход жителей с территории городища был вызван не прямым военным нападением более сильного врага и не заиливанием рукава Дона, связывавшего поселение с Таганрогским заливом [4; 9].

Литература

1. Артамонов М. И. Вопросы истории скифов в советской науке. — ВДИ, 1947, № 3.

2. Брашинский И. Б. Проблемы хронологии Елизаветовского городища в дельте Дона. — Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки, 1977, № 1.

3. Брашинский И. Б., Марченко К. К. и др. Информация в АО о раскопках Елизаветовского городища за 1970—1978 гг. М., 1971—1979.

4. Брашинский И. Б., Марченко К. К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону. — СА, 1978, № 2.

5. Брашинский И. Б., Марченко К. К. Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа. — СА, 1980, № 1.

6. Вязигин С. А. Археологические раскопки на Елизаветовском городище в 1928 году. — ЗСКОАИЭ, I (III), вып. 5—6, 1929—1930.

7. Марченко К. К. Оборонительные сооружения Елизаветовского городища на Дону. — СА, 1974, № 2.

8. Марченко К. К. Терракоты Елизаветовского городища. — САИ, вып. Г1-11, 1974.

9. Марченко К. К. Дополнения к палеографии района Елизаветовского городища на Дону. — Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки, 1977, № 1.

В. Г. Житников

ЭВОЛЮЦИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА

Ростов-на-Дону

Изучение строительных комплексов Елизаветовского городища в дельте Дона продолжается уже довольно долго. За 1967—1978 гг. Южно-Донской экспедицией ЛОИА АН СССР исследовано пятнадцать (I—XV) строений, описание девяти из них опубликовано [2]. В 1979 г. в северной части «акрополя» городища открыты остатки еще двух (XVI и XVII) построек IV — первой трети III в. до н. э., существенно пополняющих наши знания о домостроительстве жителей Елизаветовского поселения. Их изучение дает возможность наметить некоторые черты развития во времени строительного дела населения Елизаветовского поселения. Стратиграфически комплекс XVII частично перекрывался котлованом комплекса XVI.

Строительный комплекс XVII представлял собой обычное для Елизаветовского поселения прямоугольное в плане строение земляночного типа площадью около 37 м², заглубленное относительно дневной поверхности на 2,4 м. Постройка ориентирована длинной осью по линии север, северо-запад — юг, юго-восток. Размеры строения: 8,4×4,2—4,5 м. Стены комплекса были возведены на относительно высоком (0,5—0,7 м) материковом уступе, идущем вдоль бортов котлована. Очевидно, стены имели каркасно-столбовую конструкцию, о чем говорят 22 округлые ямы от опорных столбов, прорезающие материковый уступ и борта котлована строения. Ямы расположены необычайно часто — на расстоянии 0,5—0,75 м друг от друга. По-видимому, такая густота опорных столбов свидетельствует об особо тяжелой кровле. В полу комплекса XVII обнаружены две обширные прямоугольные ямы глубиной 0,8 и 1,3 м. По центральной осевой линии постройки ям от опорных столбов не зафиксировано. Вероятно, она имела односкатную крышу. В отличие от большинства открытых до сих пор строений Елизаветовского городища никаких следов внутреннего деления комплекса на помещения не отмечено. Последнее обстоятельство вместе с некоторыми другими характеристиками («фундаментальность» стен, обширные ямы в полу и т. д.) дают основания предполагать, что строительный комплекс XVII имел хозяйственное или производственное назначение [2].

Заполнение котлована комплекса XVII было чрезвычайно насыщено вещественными находками. Это было связано с тем, что при сооружении комплекса XVI котлован комплекса XVII был плотно забит различным хозяйственным мусором — прежде всего обломками амфор и остатками меднолитейного производства. Здесь было выявлено свыше 5 тыс. обломков амфор, в том числе 159 ножек и 43 клейма. Основная часть амфор представляет собой единовременный сброс, состоявший преимущественно из фрагментов фасосских амфор; также обнаружено множество обломков гераклейских амфор. Большой интерес представляет состав амфорных клейм. Среди них — 18 одинаковых фасосских клейм Нюмфона и Левкона, 5 гераклейских клейм магистрата Каллия и т. д. Комплекс амфорных клейм датируется второй четвертью — серединой IV в. до н. э., что позволяет отнести время прекращения существования строительного комплекса XVII и сооружения комплекса XVI к середине IV в. до н. э.

Комплекс XVI представлял собой прямоугольное в плане строение земляночного типа площадью около 70 м^2, заглубленное в культурный слой и материк до 2 м. Строение ориентировано по линии восток, северо-восток — запад, юго-запад и имело следующие размеры: 13,4×5,2 м.

Судя по сохранившимся остаткам, постройка имела различный характер стен. Западная, восточная и большая часть южной стены имели каркасно-столбовую конструкцию, о чем говорят 11 округлых ямок от опорных столбов и остатки канавок от турлучных стен, выявленных вдоль материковых бортов котлована строения. Еще 4 ямы располагались по центральной осевой линии комплекса. Параметры ямок обычны: диаметр 0,5—0,6 м, глубина 0,5—0,9 м. Не вызывает сомнений, что все ямы были предназначены для опорных столбов, которые поддерживали турлучные стены и кровлю (по-видимому, двускатную) строения.

Совершенно иную конструкцию имела северная стена комплекса. Она была сооружена из необработанных плоских камней известняка в системе однорядной двух—трехслойной постелистой кладки, обращенной лицом внутрь котлована. Кладка сложена на глиняном растворе. Длина стены 12,1 м, она сохранилась на высоту 1,4 м. К числу конструктивных особенностей стены относятся 6 пазов для опорных деревянных столбов, расположенных на расстоянии между собой от 0,8 до 2,5 м.

Центральный участок стены длиной до 1 м был сложен из сырцового кирпича высотой в 8 рядов. Преобладают кирпичи со следующими размерами: 0,5×0,3×0,1 м. Интересно отметить,

что весь участок сырцовой кладки перекрывался камнями стены, а некоторые кирпичи были уложены под каменной кладкой, что, несомненно, свидетельствует об одновременности создания каменной и сырцовой кладки. Этот факт, по-видимому, говорит о первых шагах в использовании сырца: строители еще не вполне знакомы со свойствами нового строительного материала.

Строительный комплекс XVI имел сложную внутреннюю планировку. Он состоял из четырех прямоугольных помещений площадью 14—18 м², которые отделялись друг от друга турлучными стенками-перегородками.

Большое значение для определения времени прекращения существования комплекса XVI имеют амфорные клейма из заполнения его котлована. Среди них почти полностью отсутствуют господствующие на городище в IV в. до н. э. гераклейские клейма. Подавляющее большинство клейм — синопские и гераклейские первой половины (трети) III в. до н. э. Состав амфорных клейм дает основания датировать прекращение жизни в комплексе XVI концом первой трети III в. до н. э., т. е. в последний период существования Елизаветовского поселения.

Таким образом, оба строительных комплекса, относящиеся к различным периодам жизни поселения, являются представителями первого типа построек Елизаветовского городища — прямоугольных в плане сильно заглубленных в землю строений-землянок [2]. К этому же типу относится подавляющее большинство выявленных к настоящему времени строений поселения: как наиболее ранних, существовавших в первой половине IV в. до н. э., так и более поздних, относящихся ко второй половине IV — первой половине III в. до н. э. [2]. Очевидна большая устойчивость конструктивно-планировочной схемы построек, которая практически не меняется в течение всего указанного времени.

Изучение всех открытых к настоящему моменту построек городища и особенно строительных комплексов XVI и XVII показывает, что во второй половине IV в. до н. э. в строительном деле жителей Елизаветовского поселения намечается появление новых строительных материалов: традиционные камышовые плетни заменяются камнем или сырцом. Именно для этого времени отмечены все случаи возведения каменных кладок — в комплексах VI, VIII [2], XIV, XVI. Сырцовые стены, помимо комплекса XVI, зафиксированы и при раскрытии комплекса X [1]. В связи с этим интересно отметить близость размеров сырцовых кирпичей Елизаветовского поселения и кирпичей, употреблявшихся в античных городах Северного Причерноморья [3; 4]. По-видимому, появление стен из сырцовых кир-

пичей на Елизаветовском поселении явилось следствием воздействия античной строительной техники на домостроительство жителей поселения.

Анализ наиболее характерных черт строений Елизаветовского поселения и в частности строительных комплексов XVI и XVII приводит к выводу, что строительное дело в поселении развивалось с применением новых и прогрессивных материалов — камня и сырца. В то же время конструктивно-планировочные схемы всех типов построек практически не изменялись на протяжении всего существования Елизаветовского поселения.

Литература

1. Брашинский И. Б., Марченко К. К. Отчет о работе Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1977 г. — Архив ИА АН СССР, Р-1, № 6859.
2. Брашинский И. Б., Марченко К. К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону. — СА, 1978, № 2.
3. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. — САИ, вып. Г1-20, 1966.
4. Крыжицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии. IV—II вв. до н. э. Киев, 1971.

В. П. Копылов

ТИПЫ СЕМЬИ У НАСЕЛЕНИЯ ДЕЛЬТЫ ДОНА И ИХ РАЗВИТИЕ В V—IV вв. до н. э.

Ростов-на-Дону

Елизаветовский курганный могильник является в настоящее время одним из наиболее полно исследованных могильников скифского времени степной зоны Северного Причерноморья. На территории могильника раскопано 293 кургана, содержащих 377 погребений скифского времени. 140 погребений можно достаточно точно датировать найденной там греческой импортной керамикой [1].

Бытовало мнение, что в Елизаветовском могильнике крайне редко встречается под курганной насыпью более одного погребения. Очевидно, этому способствовало утверждение Миллера [14]. Но необходимо помнить о том, что уровень развития археологической науки в 1913 г. не позволял исследовать всю подкурганную площадь. И поэтому многое осталось неисследо-

анным. Это подтверждается работами, проведенными Южно-Донской экспедицией в 1977 и 1978 гг. [2; 5]. Обширные раскопки могильника в последние годы позволили установить, что более 20% исследованных курганов содержали под одной насыпью двух и более погребенных. При этом работы велись на разных участках могильника, что исключает случайный характер полученных данных.

Исследования последних лет, посвященные вопросам социального строя древних обществ, убедительно показывают, что изучение древних могильников позволяет получить информацию о таких исторических общностях людей, как род, племя, семья. При этом отмечается, что именно погребения под одной курганной насыпью и захоронения в одном могильном сооружении чаще всего отражали их семейный характер [12; 17].

В настоящей работе сделана попытка на материалах Елизаветовского курганного могильника определить типы семьи, бытовавшие в то время у населения, оставившего этот могильник, и по возможности проследить тенденции их развития. Мы понимаем всю сложность социологической интерпретации погребальных памятников, однако некоторые обстоятельства делают данный вид археологических источников Елизаветовского могильника средством надежной информации. Во-первых, устойчивый погребальный обряд и набор погребального инвентаря, сохраняющиеся в основном на протяжении всего времени существования могильника, указывают на этническую однородность населения, оставившего этот могильник. На неизменность погребального обряда в курганах могильника обратил внимание еще А. А. Миллер [13]. Во-вторых, наличие в большинстве погребений могильника греческой импортной керамики позволяет сравнительно узко датировать эти погребения, практически в пределах жизни одного поколения. В-третьих, результаты, полученные при изучении погребальных памятников Елизаветовского могильника IV в. до н. э. могут быть дополнены данными, замеченными при анализе строительных комплексов одноименного городища. Что касается V в. до н. э., то до сих пор на городище не обнаружено слоя и строительных комплексов этого времени, а это делает материалы могильника пока единственным источником о типах семьи раннего периода существования данного памятника.

Прежде чем рассматривать вопрос о типах семьи, необходимо обосновать этническую однородность подавляющего большинства населения, оставившего Елизаветовский могильник. В своих последних работах, посвященных этнической истории Нижнего Подонья, Д. Б. Шелов высказал мнение о смешан-

ном характере населения данного памятника [18; 19]. С этим мнением согласны В. Е. Максименко и В. С. Ольховский. Правда, В. Е. Максименко усматривает явное преобладание савроматских черт в погребальном обряде [10], а В. С. Ольховский отмечает заметное преобладание скифского этнического элемента [16]. Однако мнение о смешанном характере населения этого памятника объясняется еще и отсутствием специальных работ, посвященных разбору погребального обряда, и наиболее показательных этнических категорий погребального инвентаря. Такие работы стали возможны лишь с накоплением в последние годы обширного, хорошо документированного материала [8; 21]. Так, изучение лепной керамики, происходящей из погребений Елизаветовского могильника, позволяет считать ее более четким отражением этнокультурных традиций населения, нежели городищенский материал [8]. Показательно полное отсутствие в составе лепной керамики могильника типов сосудов, сходных с савроматской и меотской посудой, которые встречаются в материалах городища [11].

В ориентировках погребенных Елизаветовского могильника 70,7% приходится на запад с сезонными отклонениями. Вместе с погребениями на юго-запад эта цифра увеличивается до 81,5%. Кроме этого необходимо отметить, что погребальный обряд и сопутствующий инвентарь второй по величине группы погребений с ориентировкой в сектор восток — север — восток (10,9%) такие же как и в погребениях с западной ориентировкой, а это ограничивает использование ориентировки погребенных в качестве критерия для определения их этнической принадлежности [4]. При этом около 80% всех погребальных сооружений Елизаветовского могильника составляют простые грунтовые ямы в форме вытянутого прямоугольника с закругленными углами или со скругленными короткими сторонами. Вероятно, пропорции могильных ям Елизаветовского могильника и использование при их сооружении каменных и деревянных конструкций зависели, скорее всего, от социального ранга погребенных, а не от различий в их этнической принадлежности. Зависимость эта была отмечена и А. А. Миллером, и В. П. Шиловым, которые исследовали почти все крупные курганные насыпи Елизаветовского могильника [15; 20]. Подтверждением такой зависимости служит наличие каменных склепов только в наиболее крупных курганах группы «Пять братьев», тогда как простые грунтовые ямы вытянутой прямоугольной формы встречаются в малых курганах этой группы и по обряду захоронения ничем не отличаются от остальных погребений могильника.

Вышеприведенные доводы могут служить подтверждением мысли об этнической однородности группы населения, оставившего курганы Елизаветовского могильника.

В курганах Елизаветовского могильника преобладают одиночные погребения под индивидуальной насыпью, но преобладание это незначительно. Современной науке известно большое количество курганов, где под одной насыпью имеется два и более погребенных. При этом в 20 случаях есть основание считать, что погребения в кургане совершались в пределах жизни одного поколения.

Рассмотрим пять погребений. Все они являются парными, одновременными захоронениями. В первую группу отнесены совместные захоронения мужчины и женщины [1]. Таких погребений в материалах могильника всего два. Одно из них было раскопано П. М. Леонтьевым в 1853 г. [9]. Второе погребение было открыто нами в 1976 г. в кургане 51 [6]. М. М. Герасимова определила, что в погребении были захоронены мужчина и женщина. Инвентарь женского погребения состоял из вооружения, меча, копья и наконечников стрел и ничем не отличался от инвентаря мужского погребения. Это погребение можно датировать V в. до н. э.

Вторая группа погребений — женщины с одним малолетним ребенком. Следует отметить, что костяк ребенка во всех случаях располагался справа от костяка матери.

Очевидно, что в одном погребальном сооружении хоронили одновременно умерших членов одной, скорее всего малой, семьи. В первом случае мы склонны видеть совместное захоронение мужа и жены, а во втором — матери с одним малолетним ребенком. Столь незначительное количество совместных погребений, очевидно, объясняется довольно редкими случаями одновременной смерти людей, связанных при жизни тесными узами.

В тех курганах Елизаветовского могильника, где под одной насыпью находилось несколько погребений в индивидуальных могильных ямах, практически не встречается случаев нарушения одного погребения другим. При этом археологический материал позволяет утверждать, что погребения, совершавшиеся в таких курганах, по времени очень близки. Поэтому подобные курганы мы можем рассматривать как своеобразные семейные усыпальницы.

Количество, пол и возраст погребенных под одной насыпью позволяют говорить о том, что у населения, оставившего Елизаветовский могильник, встречались малые и расширенные типы

[1] Определение пола и возраста, где возможно, антропологическое, учитывается также и состав погребального инвентаря.

семьи. Оба типа зафиксированы в материалах могильника со второй половины V в. до н. э. Однако материалы могильника V в. до н. э. дают основания думать, что в это время у населения, оставившего могильник, был достаточно распространен тип расширенной семьи. Об этом свидетельствует наличие в курганах этого времени захоронений под одной насыпью более одного взрослого мужчины. Примером этому может служить курган 58, раскопанный нами в 1976 г. Под небольшой насыпью было обнаружено 4 погребения, дата которых укладывается в рамки второй — третьей четверти V в. до н. э. [1], т. е. погребения были совершены в пределах жизни одного поколения. Состав погребального инвентаря, в двух случаях подтвержденный антропологическим определением М. М. Герасимовой, свидетельствует, что в кургане находились погребения двух взрослых мужчин и двух женщин. Отсутствие погребений малолетних детей в кургане не вызывает удивления, так как, судя по материалам раскопок могильника, детей довольно редко хоронили под одной насыпью с родителями. Не исключено, что детские погребения были в специально отведенной части могильника, которая в настоящее время, скорее всего, уничтожена при строительстве рыборазводных прудов. На достоверность такого предположения указывает крайне незначительный процент детских погребений в материалах могильника. Хотя очевидно, что детская смертность была значительно выше смертности взрослого населения.

Материалы могильника IV в. до н. э. позволяют высказать предположение о том, что в это время у населения, оставившего могильник, получила распространение малая семья. При этом в отдельных случаях можно с большей степенью уверенности определить ее как нуклеарную. Рассмотрим курган 78, раскопанный в 1977 г. [2]. Основным в кургане было мужское погребение с полным набором вооружения. Почти синхронно ему было впущено женское погребение, а чуть позднее, непосредственно над женским, было совершено детское погребение. У всех погребенных была одинаковая, редкая для Елизаветовского могильника, ориентировка на восток — северо-восток. В инвентаре каждого погребения была греческая импортная керамика, позволяющая датировать все три погребения первой половиной — серединой IV в. до н. э. [1]. Интересен тот факт, что в курганах IV в. до н. э. ни разу не отмечено наличие под одной насыпью более одного погребения взрослого мужчины. Возможно, что это указывает на какие-то изменения, происходившие в это время в семейных отношениях населения рассмат-

иваемого памятника, которые нашли отражение в погребальных традициях.

Исследование строительных комплексов Елизаветовского городища позволило авторам на основании сопоставления площадей отдельных жилищ в пределах изучаемого памятника допустить существование у жителей Елизаветовского городища как малых нуклеарных, так и других типов семей [3]. Данные могильника подтверждают эти выводы и в свою очередь позволяют предположить, что у населения, оставившего этот могильник в V в. до н. э., существовала традиция хоронить под одной насыпью членов какого-то определенного типа расширенной семьи. А это в свою очередь может свидетельствовать о более сильных, чем это считалось раньше, оседлых традициях населения данного памятника. Этнографический материал указывает на то, что у оседлого населения земледельческих районов расширенные типы семьи встречаются чаще, чем у полукочевого и кочевого населения [7].

Литература

1. Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.
2. Брашинский И. Б., Копылов В. П., Яковенко Э. В. Раскопки Елизаветовского могильника. — АО 1977. М., 1978.
3. Брашинский И. Б., Марченко К. К. Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону. — СА, 1978, № 2.
4. Брашинский И. Б., Копылов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника. — АО 1975. М., 1976.
5. Брашинский И. Б. и др. Южно-Донская экспедиция. — АО 1978. М., 1979.
6. Брашинский И. Б. и др. Исследование Елизаветовского курганного могильника. — АО 1976. М., 1977.
7. Гаджиева С. Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX—начала XX в. М., 1979.
8. Копылов В. П., Марченко К. К. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону. — СА. 1980. № 2.
9. Леонтьев П. М. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. — Пропилеи, кн. 4. Спб., 1854.
10. Максименко В. Е. Кочевое население Нижнего Дона в VII—II вв. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1974.
11. Марченко К. К. Новые типы лепной керамики V—III вв. до н. э. из Елизаветовского городища на Дону. — КСИА АН СССР, вып. 133, 1973
12. Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
13. Миллер А. А. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 году. — ИАК, вып. 56. П., 1914.
14. ОАК за 1909—1910 г. Спб., 1913.
15. ОАК за 1912 г. Пг., 1916.
16. Ольховский В. С. Погребальные обряды степной Скифии (VII—III вв. до н. э.). Автореф. канд. дис. М., 1978.

17. Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.
18. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970.
19. Шелов Д. Б. К этнической истории Нижнего Подонья. — Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки, 1974, № 3.
20. Шилов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954—1958 годах. — ИРОМК, вып. 1 (3), 1959.
21. Яковенко Э. В. Женские погребения Елизаветовского могильника. — Тезисы докладов XVII конференции ИА АН УССР. Ужгород. 1978.

А. П. Медведев

САРМАТСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Воронеж

Хотя вопрос о пребывании сарматов на Среднем Дону неоднократно ставился в литературе, их памятники до самого последнего времени здесь практически не были известны. Масштабные археологические работы 60-х и особенно 70-х гг., проведенные Лесостепной скифской экспедицией ИА АН СССР, Верхне-Донской экспедицией ЛОИА АН СССР, экспедициями Воронежского университета, Воронежского пединститута и Воронежского областного краеведческого музея, привели к открытию в этом регионе не только отдельных впускных захоронений, но и больших сарматских могильников, насчитывающих по нескольку десятков насыпей. В результате этих работ в лесостепном Подонье стало известно более 25 сарматских памятников, в которых к настоящему времени исследовано почти 100 разновременных погребений. Назрела необходимость разработки периодизации и хронологии памятников сарматской эпохи на Верхнем и Среднем Дону.

Даже беглое ознакомление с памятниками раннего железного века лесостепного Подонья приводит к мысли об отсутствии на этой территории достоверных савроматских древностей. В скифское время здесь известны только городища и курганные могильники среднедонской культуры, близкой лесостепным культурам Северского Донца и днепровского Левобережья. Отдельные находки вещей савроматского типа, а также наличие некоторых сходных черт в погребальном обряде савроматов и носителей среднедонской культуры скифского времени скорее можно объяснить взаимовлиянием двух соседних этносов, нежели сколько-нибудь значительным проникновением савроматов в донскую лесостепь. Сарматская культура лесостепного

одонья носит ярко выраженный пришлый характер и генетически не связана с местными памятниками предшествующего ремени.

Первые надежные свидетельства появления на этой территории сарматов относятся к раннесарматской эпохе, скорее всего, к ее заключительному этапу. Памятники этого периода представлены отдельными впускными захоронениями и случайными находками. К настоящему времени в лесостепном Подонье известно всего лишь три раннесарматских погребения.

1. Погребение 2 в кургане 1 у села Левашовки Аннинского района Воронежской области, датируемое III—II вв. до н. э. на основании бронзового зеркала с валиком по краю.

2. Погребение 2 в кургане 8 у хутора Сасовки (Колбино) Репьевского района Воронежской области. При погребенном найден лепной яйцевидный горшок с плоским дном, выраженной шейкой, орнаментированной рядом каплевидных вдавлений. Сосуд имеет близкие аналоги на Нижнем Дону в погребениях 1 и 4 кургана 1 группы Ясырев III, относимых к концу прохоровской эпохи.

3. Погребение 3 этого же кургана, содержащее горшок прохоровского типа, орнаментированный по плечикам горизонтальными прочерченными линиями, от которых отходят «полотенца».

Кроме вышеназванных погребений к раннесарматской эпохе нужно отнести железный меч с серповидным навершием, случайно найденный в конце XIX в. в Острогожском уезде Воронежской губернии. По характеру памятника к тому же времени следовало бы отнести и Антиповский клад. Большинство составляющих этот клад вещей сближают его с известными сарматскими кладами конца прохоровской эпохи, однако некоторые вещи, например, шлем, уверенно датируют уже I в. до н. э. Таковы очень немногочисленные памятники раннесарматского времени лесостепного Подонья. Все они расположены в пограничной зоне степи и лесостепи и, скорее всего, являются археологическим свидетельством начавшейся с рубежа III—II вв. до н. э. миграции степных сарматов в лесостепное Подонье. Вероятно, именно с этим явлением следует связывать прекращение жизни на донских городищах скифского времени, верхние слои которых, по мнению П. Д. Либерова, не могут быть датированы позже II в. до н. э. [4].

По сравнению с раннесарматской, следующая (сусловская) эпоха на Среднем и Верхнем Дону представлена значительно большим числом памятников. Сейчас здесь известно не менее 50 среднесарматских погребений, причем большинство из них датируются I в. н. э. К его первой половине нужно отнести по-

гребение в кургане 11 II Чертовицкого могильника близ города Воронежа. Основанием для такой датировки служат встреченная в нем фибула типа «Авцисса», зеркало с валиком по краю, хорошо выраженной конической выпуклостью в центре и ручкой-штырем, а также набор бус, в том числе одна фигурная пронизь из египетского фаянса с изображением лежащего льва. Несколько более поздним временем, но в основном в пределах I в. н. э., следует датировать большинство погребений I Чертовицкого могильника, в котором исследовано 32 сарматских захоронения, в том числе 4 грунтовых. К числу наиболее ранних принадлежит грунтовое погребение 2, содержащее краснолаковый канфар, покрытый рельефным растительным орнаментом в стиле «барботин», сероглиняный гончарный сосудик нижнедонского типа с биконическим туловом и воронковидным горлом, а также зеркало с плоским, очень тонким диском и ручкой-штырем. Второй половиной I в. н. э. датируется погребение 1 в кургане 2/41. Основанием для его датировки служит находка бронзовой лучковой фибулы с подвязным приемником 2 варианта по классификации А. К. Амброза [2]. Время распространения этого типа фибул ограничивается второй половиной I — началом II в. н. э. Однако наличие в комплексе с данной фибулой бус, бытовавших только в 1 в. н. э. (гагатовая стрелковидная подвеска — тип 84 и круглая бусина синего стекла с глазчато-крестовидным орнаментом — тип 395 по классификации Е. М. Алексеевой [1]) не позволяет вынести это погребение за пределы I в. н. э. Самым поздним захоронением I Чертовицкого могильника, видимо, нужно считать погребение в кургане 24/17. В нем найдена бронзовая фибула-брошь провинциально-римского типа. Время распространения этого типа фибул А. К. Амброз определяет второй половиной I — началом II в. н. э. Однако северо-западная ориентировка погребенной вынуждает максимально приблизить дату этого комплекса к концу указанного хронологического промежутка. Своей, по сути, уже позднесарматской ориентировкой погребение в кургане 24/17 резко выделяется среди остальных захоронений I Чертовицкого могильника, которые демонстрируют очень устойчивую ориентировку погребенных головой на восток, юго-восток, юго-восток, юг, юго-восток. В целом сопоставление 15 надежно датированных погребальных комплексов I Чертовицкого могильника приводит к выводу, что он функционировал с середины I до начала II в. н. э. Примерно такой же хронологический отрезок получается при определении времени накопления данного могильника по методу, предложенному И. С. Каменецким, Я. А. Шером и Б. И. Маршаком [3].

Кроме I Чертовицкого, к I в. н. э. следует отнести основные погребения в курганах у села Караяшника Ольховатского района Воронежской области. Основанием для их датировки служат находки фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника, сероглиняного гончарного кувшина и сосудика с биконическим туловом и воронковидным горлом, а также импортных бус, в том числе из египетского фаянса. Однако в том же могильнике исследовано 2 впускных захоронения, относящиеся к более позднему времени. Оба погребенных имеют юго-западную ориентировку, при каждом из них найдено по гончарной сероглиняной кружке. Характеристика инвентаря позволяет отнести погребения к позднесарматской эпохе, хотя в погребальном обряде (ориентировке) еще сохраняются традиции предшествующего этапа.

Завершая характеристику сусловской эпохи, нужно указать, что в это время сарматы продвигаются в глубь донской лесостепи. Самые северные памятники этого времени исследованы в настоящее время в районе города Воронежа. Наличие здесь больших сарматских могильников свидетельствует об освоении сарматами этой территории, которая с начала нашей эры вошла в арсенал сарматских кочевий.

Еще далее на север сарматы продвигаются в позднесарматскую эпоху. В настоящее время крайне северную границу сарматского мира в Подонье следует проводить по правому притоку Дона — реке Красивой Мече, где обнаружен ряд памятников этого времени. Наиболее исследованным из них является Ново-Никольский могильник на Верхнем Дону, где вскрыто 27 курганных захоронений. В нем преобладает северо-восточная ориентация погребенных. В нескольких случаях зафиксированы неполные трупосожжения на месте. Хронологические рамки этого могильника можно установить по сильнопрофилированным фибулам северо-причерноморских типов, которые встречаются почти на каждом втором из исследованных погребений, и по двум зеркалам-подвескам с боковым ушком, обратная сторона которых покрыта рельефным орнаментом. Сильно профилированные фибулы датируют погребения Ново-Никольского могильника в пределах II в. н. э., тогда как зеркала-подвески указанного типа имеют более широкий хронологический диапазон: II — первая половина III в. н. э. В целом на позднесарматскую принадлежность этого памятника указывает также заметное огрубление и обеднение материальной культуры оставившего его населения.

Верхняя дата позднесарматских памятников в лесостепном Подонье пока не совсем ясна. Однако несомненно, что сарматы

находились здесь еще во второй половине III в. н. э. Об этом свидетельствует погребение в кургане 27/28 Подклетнинского могильника, совершенное в яме с заплечиками. Погребенная здесь женщина была ориентирована головой на север. При ней найдено зеркало-подвеска с петелькой в центре диска. По уточненной датировке А. С. Скрипки — этот тип зеркал бытовал у сарматов Нижнего Поволжья только во второй половине III в. н. э. [5]. Данное погребение является самым поздним среди сарматских захоронений лесостепного Подонья.

Дальнейшая судьба сарматов этого региона не ясна ввиду полного отсутствия в настоящее время памятников эпохи Великого переселения народов.

Литература

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. — САИ, вып. Г1-12. М., 1978.
2. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. — САИ, вып. Д1-30. М., 1966.
3. Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975.
4. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. — САИ, Д1-31. М., 1965.
5. Скрипкин А. С. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области. — КСИА АН СССР, вып. 140, 1974.

В. К. Гугуев

НОВЫЕ ПОДКУРГАННЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В ТАНАИСЕ И ИХ ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Ростов-на-Дону

Танаисский курганный могильник расположен к северу, северо-западу, северо-востоку и востоку от городища и занимает площадь около 200 гектаров. В настоящее время различаются свыше 150 сильно распаханных насыпей. Действительное число курганов по предварительным подсчетам составляет несколько сотен. К 1979 г. Нижне-Донская экспедиция ИА АН СССР и РОМК частично или полностью исследовала 25 курганов, содержащих 114 погребений первых веков н. э. Ни на одном из раскопанных участков курганы не составляли однородной группы ни в хронологическом отношении, ни в плане ритуала.

Летом 1979 г. танаисская новостроечная археологическая экспедиция исследовала участок курганного некрополя площадью 1200 м² в полукилометре восточнее городища. Из 11 раскопанных курганов 8 было сооружено над индивидуальными погребениями, под одной насыпью оказалось две могилы, 2 кургана не содержали захоронений и, видимо, являлись кенотафами.

Курганы были окружены ровиками диаметром 7—10 м; в них, в южной части, были прослежены перемычки шириной около 1 м. Ровики содержали остатки тризн в виде скоплений амфорной, серолощеной, лепной и краснолаковой керамики, а также обломки известняка.

Преобладали фрагменты светлоглиняных амфор с профилированными ручками типа С2 по классификации И. С. Каменецкого [2]. Они составляли около 70% от всех керамических остатков.

Могильные ямы представлены несколькими типами: 5 подбоев, 2 заплечиковые, 1 катакомба, 3 разрушенные неопределенного типа. Большинство захоронений было ограблено в древности. Все могилы (кроме кургана 42) были ориентированы в меридиональном направлении; в 4 из них прослежена северная ориентировка погребенных. В 4 случаях черепа погребенных носили следы искусственной деформации. В кургане 35 кисть правой руки погребенного находилась под тазом. В могилах были обнаружены створки речной раковины, кремневые отщепы, комок «серы», следы органической подстилки и остатки дощатых гробов. Все перечисленные элементы обряда бесспорно свидетельствуют о сарматской принадлежности погребенных. Инвентарь погребений представлен серолощеными и лепными сосудами, бусами, стеклянным кувшинчиком.

Бронзовые подвязные лучковые фибулы (вариант V по классификации А. К. Амброза [1], бронзовое зеркало с центральной петлей (тип I по классификации А. М. Хазанова [3]) и материалы тризн дают возможность датировать большинство захоронений первой половиной III в. н. э.

Высокая концентрация курганов на сравнительно небольшой площади, их синхронность и стандартность погребального обряда заметно выделяют данный участок некрополя. Эти факты наводят на мысль о захоронении в нем представителей какой-то однородной группы сарматов (возможно, рода).

Наиболее интересной в серии раскопанных могил представляется катакомба (курган 38, погребение I), содержащая захоронения взрослого, ребенка и подростка. Как показывают наблюдения за стратиграфией, погребения были совершены по

следовательно через небольшие промежутки времени. Таким образом, катакомба функционировала, вероятнее всего, в качестве семейного склепа.

В этом же кургане прослежено 2 горизонта тризн, соответствующих двум этапам использования усыпальницы.

Катакомбы являются одним из наиболее распространенных типов погребальных сооружений на Нижнем Дону во II—IV вв. н. э., что заметно отличает данный район от сарматского Поволжья. Появление этих памятников в Подонье может быть связано с перемещением сюда части аланского этнического массива из районов Предкавказья — Прикубанья.

Литература

1. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. — САИ, вып. Д1-30, М., 1966.
2. Каменецкий И. С. Светлоглиняные амфоры Нижне-Гниловского городища. — КСИА АН СССР, вып. 94, 1963.
3. Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал. — СА, 1963, № 4.

В. В. Чалый

ТРИЗНЫ ЗАПАДНОГО УЧАСТКА КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ТАНАИСА

Азов

На территории курганного могильника Танаиса прослеживаются многочисленные остатки тризн в виде скоплений керамики и развалов камней. Тризны, как и сам курганный могильник, изучены мало, особенно на западном участке.

В 1977—1978 гг. на этом участке были зафиксированы 6 тризн, одна из которых в кургане № 22 раскопана. Все тризны располагались на южных либо юго-восточных склонах курганных насыпей, находящихся одна около другой. В тризнах был найден керамический материал, большинство составляли обломки светлоглиняных амфор; более редки фрагменты красноглиняных амфор, единичны фрагменты краснолаковой, кружальной и лепной керамики, осколки стекла. Для классификации и определения хронологии светлоглиняных амфор использованы работы Д. В. Деопика и Д. Б. Шелова [1; 2]. По профильным обломкам светлоглиняных амфор тризны датируются следующим образом: тризна I — конец I — середина II в. н. э.; триз-

на II — II в. н. э.; тризна III — конец II — начало III в. н. э.; тризна IV — II в. н. э.; тризна V — начало III в. н. э.

В кургане № 22 находилось 4 погребения, 3 из которых совершены в ямах с уступами-заплечиками, 1 в яме с подбоем. Все погребения ориентированы по оси восток — запад, иногда с небольшим отклонением, прослежена стратиграфическая их последовательность. Центральным является ограбленное богатое погребение. Вокруг него прослеживается полоса кольцевидного выкида (?) диаметром до 14 м, шириной 3,5 м, мощностью до 1 м. Насыпь выкида была создана в несколько приемов, о чем свидетельствуют прослойки гумуса. Все пространство между ямой погребения и круговым выкидом покрыто тонкой прослойкой глины, толщина которой возрастает ближе к краю ямы. Вне кольца выкида, в южной части кургана, обнаружены остатки каменных кладок, три из которых имели в плане подквадратную форму, длина стенок 60—70 см. Внутренняя часть двух оградок была заполнена золой, перемешанной с костями животных, т. е. оградки окружали кострища. На этом же участке находились еще 2 кострища без каменных оградок. 3 других кладки представляли собой остатки оградок прямоугольной формы длиной более 2 м, причем 2 могли быть противоположными частями одной оградки, внутри которой обнаружены кости животных. У оградки № 4 на глубине 45 см находился череп и кости конечностей лошади. У оградки № 3, в подквадратной яме лежал скелет коровы на левом боку с подогнутыми конечностями, головой на север.

Кольцевой выкид в западной части прорезан тремя ямами неправильной вытянутой формы глубиной 40—60 см, заполненными битой керамикой, среди которой обнаружена культовая мужская статуэтка из мела.

Весь исследованный участок усеян большим количеством обломков керамики. В процессе сооружения насыпи керамика, по-видимому, умышленно разбивалась и разбрасывалась в разные стороны с ритуальной целью. Хронологических различий в стратиграфическом расположении керамики не обнаружено. Всего собрано свыше 500 профильных фрагментов, из которых свыше четырехсот принадлежало обломкам светлоглиняных амфор, большинство типа С-1-С. Тип С-1-Д отсутствует [1; 2]. Профильных обломков красноглиняных амфор 25 штук, лепной керамики 30, серолощеной 8, краснолаковой 14, кружальной 12 штук. Встречены также фрагменты коричневоглиняных амфор, стеклянных сосудов, точильные камни, обломки черепицы.

Все погребения кургана № 22А по погребальному инвентарю и заполнению ям датируются II в. н. э. Этим же временем по стратиграфии и профильным обломкам светлоглиняных амфор датируется и тризна кургана.

Литература

1. Деопик Д. В., Карапетьянц А. М. Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
2. Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. — КСИА АН СССР, вып. 156, 1978.

А. М. Ждановский

ПОЯВЛЕНИЕ АЛАН В ПРИКУБАНЬЕ

Краснодар

Известно, что наиболее ранние упоминания алан в античных письменных источниках относятся ко второй половине I в. н. э. (Иосиф Флавий, Сенека, Валерий Флакк) [6; 7]. В это время они известны на Дунае, Дону и Северном Кавказе. В археологической литературе большинство авторов: К. Ф. Смирнов, В. Б. Виноградов, Ю. С. Гаглойти и другие признавали временем появления алан на Северном Кавказе именно I в. н. э. При этом с аланами связывают определенный тип погребальных сооружений, известных на Северном Кавказе в первые века н. э. Это катакомбы различных типов. Существует мнение (К. Ф. Смирнов, В. Б. Виноградов), что формирование аланской группы племен происходило в рамках аорского союза.

В последнее время в Центральном Предкавказье были исследованы могильники, где самые ранние катакомбы датируются II в до н. э. (Чегемский курган, Нижне-Джулатский могильник). Таким образом, между данными археологии и письменных источников создался значительный хронологический разрыв. М. П. Абрамова объясняет это тем, что катакомбы не являются аланскими, что они связаны с местными традициями. Этот же вывод она распространяет и на Прикубанье. Здесь, по ее мнению, катакомбы распространяются тоже со II в. до н. э. Однако к настоящему времени известна только одна катакомба II в. до н. э. (станица Ладожская) и десятки — первых веков н. э. Относящиеся ко II—I вв. до н. э. «земляные склепы» (по

терминологии Н. В. Анфимова [1]) являются подбоями. Существенную разницу между катакомбой и подбоем, как погребальными сооружениями, убедительно обосновала Л. Г. Нечаева [8].

На наш взгляд, расширение границ датировки катакомбных погребений Центрального Предкавказья не разрушает все прежние теории. Более того, этот факт подтверждает мнение о формировании алан внутри аорского союза племен. Видимо, возникла необходимость рассматривать излагаемую проблему для разных областей Северного Кавказа в отдельности, в зависимости от местной конкретно-исторической обстановки.

Известно, что сарматы начинают свое движение из Поволжья в конце IV в. до н. э. На Северо-Западный Кавказ перемещаются сираки, на Северо-Восточный — аорсы. Последние в III в. до н. э. появляются и в Центральном Предкавказье. Вместе с ними сюда приходят и аланы, входившие в аорский племенной союз. Напомню, что наиболее ранние катакомбы в сарматском мире относятся к V в. до н. э., даже к рубежу VI—V вв. до н. э. К. Ф. Смирнов подчеркивал, что в это время они не были известны ни в Средней Азии, ни в Скифии [9]. Здесь же он достаточно убедительно выводит происхождение катакомб от дромосных могил.

В период передвижения аорсов на Кавказ аланы не играют сколько-нибудь существенной роли в союзе и поэтому остаются неизвестны античным авторам. К тому же их отделяет от античного мира Северо-Западный Кавказ, занятый сирако-меотским союзом. Лишь война 49 г. н. э. изменяет положение [3]. В войне победили аорсы, сиракский союз перестает играть самостоятельную роль. Вероятно, это событие выдвигает по каким-то причинам алан на одно из первых мест на Северном Кавказе. Поэтому представляется важным определить место Прикубанья в раннеаланской проблеме.

Некоторые исследователи считают, что в Прикубанье аланы оставили курганы так называемого «Золотого кладбища» между станицей Казанской и городом Усть-Лабинском. Н. В. Анфимов связывает их с меотской знатью, а возрастание роли алан в Прикубанье относит лишь ко II в. н. э. [2].

Большое количество курганов (по моим подсчетам, 81 катакомба) «Золотого кладбища» исследованы в начале XX в., в 1977—1978 гг. автором были раскопаны еще 13 катакомб к западу от станицы Тбилисской. Таким образом, в настоящее время известно 94 катакомбы. Почти все они были ограблены еще в древности. Это обстоятельство затрудняет обоснование их этнической принадлежности и датировку. Однако есть ряд фактов, подтверждающих сармато-аланскую принадлежность кур-

ганов «Золотого кладбища». Это прежде всего конструкции погребальных сооружений, совершенно не характерные для Прикубанья. В керамике встречены сарматские сосуды — курильницы. При погребении использовались уголь, куски мела, песок и деревянные гробы. В 1978 г. в двух катакомбах были найдены искусственно деформированные черепа. Все эти элементы не являются меотскими.

Приведенные ниже выводы о датировках носят предварительный характер и базируются почти исключительно на публикациях.

Из 94 катакомб, видимо, следует исключить приблизительно 27, вообще не поддающихся датировке. Здесь были найдены или неопределенные обломки предметов, или отдельные кости. 27 катакомб датируются временем от I до III вв. н. э. по предметам импорта (посуда, фибулы). 9 из них относятся к I в. н. э., остальные — к II —началу III в. н. э. В этих погребениях нет ни одного предмета более раннего времени (т. е. ранее I в. н. э. . В свое время М. И. Ростовцев датировал эллинистическим временем IV—III вв. до н. э. катакомбу кургана 15 [10], но сейчас внесены коррективы: по В. В. Кропоткину, она датируется II—III вв. н. э. [4]. В остальных катакомбах найдены вещи, которые не противоречат дате I — начало III в. н. э., то же относится и к керамике местных типов. Грунтовые катакомбы, известные в настоящее время, укладываются в те же рамки.

Итак, у нас есть основания утверждать, что аланы появляются в Прикубанье в I в. н. э., скорее всего во второй его половине. Подтверждением изменения ситуации в Прикубанье после войны 49 г. н. э. можно считать исчезновение погребений так называемого «зубовско-воздвиженского типа», которые связывают с сираками. Уменьшается количество впускных погребений с западной ориентировкой (сиракские) в степных курганах.

Прикубанская группа алан занимает сравнительно небольшую территорию на правом берегу Кубани, восточнее реки Лабы и частично Закубанье. Возможно, это та Алания, которую упоминает Лукиан Самосатский в «Токсарсисе» [5]. Отсюда прикубанские аланы, видимо, совершали походы в Закавказье. О них мы знаем из письменных источников, об этом же, вероятно, свидетельствуют предметы восточного происхождения из катакомб и, в частности, находка в 1978 г. в комплексе первой половины II в. н. э. вавилонской печати-подвески, датируемой VI в. до н. э.

Богатство погребенных в катакомбах, несомненный военный характер (более 50% содержали предметы вооружения, целые или в обломках, во многих найдены кости лошади и предметы упряжи) позволяют предполагать, что аланы заняли господствующее положение по отношению к жителям расположенных рядом городищ. В первой половине III в. н. э. аланы покидают эту территорию, вероятно, из-за активного противодействия покоренных племен. Пока трудно ответить на вопрос, куда ушли прикубанские аланы, возможно, на Дон, где в последнее время раскопано более двух десятков катакомб III—IV вв. н. э.

Литература

1. Анфимов Н. В. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК АН СССР, вып. 16. М., 1947.
2. Анфимов Н. В. Племена Прикубанья в сарматское время. — СА, 1958, № 28.
3. Корнелий Тацит. Соч., в 2-х т., т. 1, Л., 1970.
4. Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе. II в. до н. э. — V в. н. э. — САИ, вып. Д1-27. М., 1970.
5. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1948, № 1.
6. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1947, № 4.
7. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1949, № 2.
8. Нечаева Л. Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
9. Смирнов К. Ф. Дромосные могилы ранних кочевников южного Приуралья и вопрос о происхождении сарматских катакомб. — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.
10. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

М. П. Черноцицкий

НЕПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В КУРГАНАХ НИЖНЕГО ДОНА

Ленинград

Исследования последнего десятилетия на Нижнем Дону показали, что наряду с погребениями курганные памятники иногда содержат ряд археологических комплексов (ситуаций) иного характера, определенно не являющихся остатками погребальных обрядов. Некоторые курганы с такими объектами не

содержат синстадиальных им захоронений, что подчеркивает отсутствие их связи с погребениями. Непогребальные комплексы донских курганов представлены различными кострищами, зольными линзами, площадками обожженного грунта и другими объектами, но наиболее типичная их разновидность — так называемые «зольные ямы», содержащие обычно обломки костей животных и керамические фрагменты, реже — иные находки. Среди них имеются пока единичные, относящиеся к эпохе бронзы, а также выразительная и компактная серия подобных ям раннесредневекового времени [3]. Мы рассмотрим более крупную группу таких комплексов, относящуюся к раннему железному веку.

При определении хронологии мы каждый отдельный комплекс рассматривали как особое, самостоятельное явление (факт) в кургане. Методика датирования строилась на диалектическом взаимоиспользовании как абсолютного, так и относительного принципов, что особо важно при работе с крайне скудными материалами данных комплексов. Последнее определило известную расплывчатость итоговых результатов, предстающих в виде довольно обширных временных диапазонов с относительно размытыми границами.

В случаях, когда объекты сами по себе не содержали инвентарных оснований для датировок, в их стратиграфической интерпретации с целью выяснения времени возникновения комплекса допускалось использовать экспериментально полученные данные о микротектонике курганных насыпей, в частности факта, что основное оплывание тела кургана происходит в ближайшие десятилетия после его возведения. Из этого следует, что объекты, впущенные в грунт у подножия насыпи и впоследствии перекрытые в результате оплыва, недалеко отстоят во времени от момента создания данной насыпи.

Несмотря на предельную бедность датирующих находок, все поддающиеся хронологическому определению комплексы могут быть с уверенностью отнесены к эпохе раннего железа, а те из них, для которых возможна более точная датировка — 80,4% от общего числа — к различным периодам с IV в. до н. э. до конца сарматской эпохи.

Связанные с курганами комплексы непогребального характера по критерию их отношения к самим курганам могут быть предварительно разделены на две группы: комплексы, расположенные на пространствах курганных полей между насыпями (11 случаев); комплексы, находящиеся в насыпях курганов (не менее 56).

Первая группа представлена в основном крупными зольными ямами с относительно обильным заполнением находками. Они встречены в группах курганов с погребениями эпохи железа на побережье Таганрогского залива между городом Таганрогом и устьем реки Миуса (6 комплексов) и на левобережье — в Койсугской курганной группе и других местах (5 комплексов). На побережье они датируются находками ручек синопской и гераклейской амфор с клеймами IV в. до н. э. В. Е. Максименко отмечает, что этот материал более характерен для IV—III вв. до н. э., находки же, которые можно было бы с уверенностью отнести ко II в. до н. э., отсутствуют [2]. Аналогичные комплексы левобережья датируются находками обломков косской и родосской амфорной тары, как возникающие не позднее конца IV в. до н. э. Однако существуют они, вероятно, более длительное время, так как содержат некоторые формы керамики (например, миску меото-сарматского облика, аналогичную посуде Усть-Лабинского могильника на Кубани, датируемой вплоть до I в. до н. э.) [1][1], а также находки бус и стекла, более характерные для III—II вв. до н. э. [2][2]. Время их исчезновения поэтому логичнее отнести к рубежу II—I вв. до н. э.

Вторая, более многочисленная группа комплексов представлена различными зольными ямами, кострищами, скоплениями костей животных и другими подобными объектами, встречающимися в кургане особенно по краю насыпи. Для многих из них установлен факт первоначального расположения у подножия кургана с последующим перекрытием оползшим грунтом насыпи (41,1%). Основным районом распространения комплексов этой группы является левобережье Нижнего Дона и его дельта. Наиболее ранними в этой группе следует считать 7 ям, окружающих по периметру насыпь кургана 3 могильника Радутка, которые на основании связанных с ними находок амфорных фрагментов относятся к промежутку между концом IV и рубежом II—I вв. до н. э. Этот диапазон и определяет нижнюю дату, время возникновения комплексов данной группы, причем его верхняя граница — II в. до н. э. включительно, — рубеж, не позднее которого происходит их появление на левобережье. Подтверждает это и комплекс кургана 4 группы могильника Веселовский-1 с находкой амфоры 200—180 гг. до н. э.

---

[1] Н. В. Анфимов относит такие миски к III — началу I в. до н. э.

[2] Предположение В. Е. Максименко о связи таких комплексов с временными стоянками вполне убедительно. Характерно, что в пределах этого он все же допускает культовое их назначение, как более вероятное [2].

Таблица

Непогребальные комплексы второй группы

№	Пункт	№ кургана	Количество комплексов	Содержание				Расположение комплексов			Предлагаемая дата	Наличие синхронных погребений
				ямы	следы огня	кости животных	керамика	периферийное	у подножия	в южной части		
				Левобережье								
1	Радутка	3	7	7	3	2	6	7	4	2	конец IV—II в. до н. э.	нет
2	Сонино	8	5	5	2	2	2	5	4	5	I в. до н. э. — II в. н. э.	1
3	Сонино	7	1	1	1	1	1	1	1	1	I—II вв. н. э.	2
4	Арпачин-2	32	5	2	3	2	—	5	3	3	сарматское время	7
5	Соленка	В	1	1	1	1	—	1	1	—	сарматское время	нет
6	ДОС-4	13	1	—	1	—	—	1	1	1	I—II вв. н. э.	1
7	Романовский-2	1	2	?	2	2	2	?	?	?	II—IV вв. н. э.	1
8	Романовский-2	2	2	?	2	2	2	?	?	?	II—IV вв. н. э.	1
9	Романовский-2	3	2	?	3	1	—	1	1	1	II—IV вв. н. э.	нет
10	Романовский-2	6	3	?	2	2	2	?	?	?	II—IV вв. н. э.	1
11	Койсугская	4	1	—	1	1	1	1	1	1	ранний железный век	есть
12	Ясырев-1	2	1	—	1	1	1	1	1	1	II—IV вв. н. э.	1
13	Ясырев-1	3	1	—	1	1	—	1	1	—	II—IV вв. н. э.	нет
14	Ясырев-1	5	5	?	4	1	—	1	—	1	ранний железный век	нет
15	Ясырев-1	8	2	?	2	2	2	?	?	2	II—IV вв. н. э.	2
16	Ясырев-1	9	1	?	1	—	—	1	—	1	ранний железный век	нет(?)
17	Ясырев-3	2	1	?	1	—	—	—	—	—	II—IV вв. н. э.	1
18	Ажинов-1	1	1	—	1	—	—	1	1	1	ранний железный век	нет
19	Ажинов-2	1	1	—	1	—	—	1	1	—	ранний железный век	1
20	Веселовский-1	4	3	1	1	2	3	3	2	1	II в. до н. э.	нет

№	Пункт	№ кургана	Количество комплексов	Содержание				Расположение комплексов			Предлагаемая дата	Наличие синхронных погребений
				ямы	следы огня	кости животных	керамика	периферийное	у подножия	в южной части		
				Правобережье								
21	Камышевахский	8	4	?	4	—	—	—	—	—	ранний железный век	1
22	Донской	6	4	2	1	3	—	3	1	1	II—IV вв. н. э.	2
23	Донской	7	2	?	2	2	—	—	—	—	II—IV вв. н. э.	нет
	ИТОГО		56	21	41	26	23	34	23	21		в 14 курганах
	ИТОГО, %		100	37,5	73,2	46,4	41,1	60,7	41,1	37,5		

Остальные комплексы датированы либо на основании находок (см. в табл. № 9, 13, 15, 17), либо по указанному выше принципу горизонтальной стратиграфии, при явлении перекрытия их оползшим грунтом насыпи, как возникшие в ближайшее время после совершения соответствующих данной насыпи погребений (см. в табл. № 2—4, 6—10, 12, 22). Кроме этого, ряд комплексов, бесспорно относящихся по этому же принципу к эпохе железа, но не поддающихся более точному хронологическому определению (см. в табл. № 5, 11, 14, 16, 18, 19, 21, 23), включены в таблицу как составляющие полную аналогию остальным, вследствие чего их отнесение к собственно сарматскому времени наиболее вероятно. Всего из комплексов второй группы 10 относятся к раннесарматскому (см. в табл. № 1, 20), 7 — к среднесарматскому (см. в табл. № 2, 3, 6) и 20 — к позднесарматскому; оставшиеся 19 — в целом к сарматскому периоду.

Для комплексов обеих групп характерно наличие ряда устойчивых признаков: следы огня — все комплексы первой и большинство комплексов второй групп, находки костей животных и керамики — все первой и соответственно половина комплексов второй групп, наличие ямы — все первой и не менее трети второй. Это не позволяет считать сами такие комплексы, их связь с курганами случайными, а нахождение в низине, постоянно заливаемой, отсутствие поблизости какого-либо культурного слоя — утилитарными (хозяйственными, мусорными и т. п.), что подчеркивается фактом использования многих из этих курганов в то же самое время в погребальных целях. В свете некоторых восточно-сарматских и других параллелей [4] представляется вполне допустимым увязывать их происхождение с курганной культовой практикой кочевников. Отсутствие же в ряде случаев более или менее одновременных погребений в насыпи не позволяет сводить ее к погребальным или поминальным обрядам. Возможно существование курганных ритуалов незаупокойного характера и соответственно культовая полифункциональность кургана у кочевников.

Литература

1. Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. — МИА, 1951, № 23.

2. Максименко В. Е. О стоянках кочевого населения Нижнего Дона в скифское время. — Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки, 1976, № 3.

3. Савченко Е. Н. Курганы у станицы Богоявленской. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1973.

4. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.

А. В. Дмитриев

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ФИБУЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА ДЮРСО

Новороссийск

При исследовании могильника Дюрсо близ Новороссийска в 95 погребениях (из 525 исследованных) найдена 151 фибула и 3 фибулы обнаружены среди подъемного материала. По конструкции они делятся на 9 типов, из них некоторые имеют конструктивные варианты.

Некоторые типы фибул и их варианты, помимо Дюрсо, встречены только в территориально близких ему памятниках. Другие же имеют более широкий ареал распространения (Северный Кавказ, Кубань, Крым, Подонье, Харьковская область). Хронологические рамки могильника Дюрсо — вторая половина V — начало IX в. н. э. Фибулы найдены в погребениях с обильным и разнообразным сопровождающим инвентарем, что облегчает их датировку.

Двупластинчатые фибулы делятся на семь вариантов. У фибул вариантов 1а и 1б головки выполнены в форме пятиугольника или сегмента со срезанными углами. Ножки желобчатого или угловатого сечения в плане имеют форму ромба или клина с закругленным концом. Пластины сделаны из серебряного листа, иногда очень тонкого. Дуговидные спинки соединяют ножку с головкой. В местах соединения спинки с пластинами у всех фибул приклепаны накладки — треугольные, полукруглые, в форме розеток. У обоих вариантов оси пружин длинные, заканчивающиеся кнопками, выступающими из-под пластин. Фибулы вариантов 1а и 1б найдены в 15 погребениях в количестве 24 штук.

Фибулы варианта 1а имеют головку в форме сегмента, обрезанного с двух сторон под прямым углом к секущей, или в форме пятиугольника с прямыми углами у оснований. Их ножки ромбовидной или приближающейся к ней формы. Оси пружин длинные, обычно обмотаны проволокой, металлической лентой или же на них надета трубка. Накладки треугольные или полукруглые, с рубчатым орнаментом, преимущественно позолоченные. Приемники чаще всего выполнены из пластинки, но есть и откованные на конце прутка, припаянного к низу ножки.

Происхождение большинства известных фибул такого типа — из Керчи. И. Вернер относит их к южно-русскому типу и дати-

рует серединой и второй половиной V в. н. э. Эта датировка подтверждается предметами, найденными в могильнике Дюрсо вместе с фибулами.

Фибулы варианта 1б имеют головку в виде пятиугольника или сегмента с тупыми углами у основания. На ножках имеются характерные срезы — фасетки. Накладки полукруглые, бронзовые. Орнамент, в основном, в виде зигзага. Фибулы варианта 1б несколько упрощены: отсутствует обмотка пружин, накладки, за редким исключением, без позолоты. В отличие от фибул предыдущего варианта для фибул варианта 1б пока нельзя привести полных аналогий. Все это создает впечатление, что вариант 1б является местным вариантом первого типа и поэтому несколько более поздний. Это подтверждается и анализом всего сопутствующего инвентаря. На каком-то этапе фибулы обоих вариантов существовали вместе, но фибулы варианта 1б продержались немного дольше.

Фибула варианта 1в найдена один раз. Она бронзовая, обтянута золотой фольгой и украшена вставками из желтоватого стекла. Головка полукруглая, имеющая три выступа, ножка ромбической формы. Ось пружины короткая. Фибула найдена вместе с фибулами варианта 1а и другим инвентарем, датируемым серединой — второй половиной V в. н. э. Фибулы аналогичной формы происходят из Верхней Рутхи. Они имеют одинаковые пропорции и орнамент по контуру фибул и вдоль спинки, но отличаются характером инкрустации.

Вариант 1г — небольшая бронзовая фибула с полукруглой ножкой и широкой плоской спинкой, обтянутая серебряной фольгой и инкрустированная стеклянными вставками. Эта фибула также имеет аналогии на Северном Кавказе (Задалиск) и может быть датирована второй половиной V в.

Фибула варианта 1 д имеет треугольную головку и Т-образную ножку, соединенные слабо изогнутой спинкой. По углам головки, на выступах и внизу ножки выдавлены полукруглые «жемчужины». Подобные фибулы найдены в Колосовском могильнике на реке Фарс и в Пашковском могильнике.

Вариант 1е — сюда входят две разные маленькие литые фибулы со стилизованными человеческими масками. Фибула, являющаяся парой к одной из них, найдена В. В. Саханевым в 1913 г. в Борисовском могильнике близ Геленджика.

К варианту 1ж относятся две маленькие литые фибулы с лопатовидной ножкой и с широкой, слабо изогнутой спинкой.

Фибулы вариантов 1д, 1е, 1ж обнаружены в погребении «ювелира» среди инструментов в кучке «металлолома». В этом же погребении найдены боспорские монеты II—IV вв. и визан-

гийская монета VI в. плохой сохранности. Предварительно эти фибулы могут быть датированы VI—VII вв.

Прогнутые подвязные фибулы (тип 2), найденные в количестве 10 штук, насчитывают 5 вариантов. За исключением одного варианта, этот тип фибул прекращает бытование в конце V в. Поздний вариант подвязных фибул имеет высокий приемник, орнаментированную спинку и завиток у оси пружины для прикрепления привесок или шнура. Этот вариант по находкам в Суук-Су В. К. Пудовин датировал концом VI — началом VII в.

Наиболее распространенными являются фибулы 3 типа с трубчатым приемником и узкой, слабо расширяющейся к головке, спинкой. Они найдены в 30 погребениях в количестве 49 штук. Много фибул этого типа и в территориально близком Дюрсо Борисовском могильнике. В погребениях с этими фибулами встречены калачевидные серьги, детали поясных наборов. Массовость находок фибул с трубчатым приемником, разнообразие сопутствующего инвентаря убеждают в длительности бытования этих фибул в VI—VII вв. н. э.

Типы фибул (4, 5) с отогнутым сбоку приемником; пластинчатые фибулы с ленточным корпусом и припаянным приемником; с пластинчатой, слабо сужающейся к ножке спинкой и расширяющейся трапециевидной ножкой, к которой припаян пластинчатый или трубчатый приемник, немногочисленны. Они занимают промежуточное место в хронологической таблице фибул. Фибулы-броши в форме цикад (6) встречены в двух погребениях конца V в. Фибулы рассмотренных выше типов найдены только в погребениях, совершенных по обряду трупоположения, преимущественно в женских. Наиболее распространенное их положение — по фибуле на обоих плечах. Часто одна или обе фибулы располагались на одном левом или правом плече. В мужских захоронениях фибулы лежали только в кучке женских украшений, положенных как упокойный дар, или же в погребении «ювелира» среди «металлолома».

В трупосожжениях конца VIII — начале IX в. найдено 22 фибулы с завитком на конце низкого пластинчатого приемника (тип 7), которые по конструкции корпуса и пружинящего устройства делятся на 6 вариантов. У одного из них беспружинная игла имеет ушко и специальный пружинящий упор. В трупосожжениях найдены и маленькие литые бронзовые фибулы с кольцом на конце низкого приемника и пластинкой для оси шарнира иглы (тип 8). У одной из фибул этого типа бронзовая игла имеет V-образный шарнир.

Пять фибул-кресал также найдены только в трупосожжениях, они имеют угловато изогнутые вертикально-пластинчатые

спинки-кресала, щипцовые пружинящие устройства, завитки на конце приемника, в которые вдеты проволочные колечки (тип 9).

Для фибул 7, 8, 9 прототипов в погребениях могильника ранее середины VIII в. не встречено. Они появляются в рассматриваемом районе вместе с приходом больших масс кочевников, сменивших прежнее население, и встречаются преимущественно в мужских погребениях. Помимо Дюрсо, Борисовского и территориально близких им памятников, фибулы трех последних типов встречены в некоторых салтовских памятниках VIII—IX вв.

Хронологическая обработка всего обширного материала из раскопок на реке Дюрсо полностью еще не закончена. В дальнейшем, вероятно, появится возможность сузить хронологические рамки отдельных видов предметов, в том числе и фибул.

В. А. Тарабанов

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ РАННЕЙ ГРУППЫ ПОГРЕБЕНИЙ КАЗАЗОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Краснодар

Одной из главных и, пожалуй, самой сложной проблемой в изучении раннесредневековой истории Краснодарского края является вопрос этнической принадлежности целого ряда памятников. До недавнего времени было почти общепринято все средневековые памятники, расположенные на территории, занятой впоследствии адыгейскими племенами, относить к адыгскому этносу. Материалы раннего средневековья, не имеющие связи ни с позднемеотскими древностями, ни с адыгскими X—XVI вв., также приписывались адыгам. Явно адыгские памятники мы можем проследить лишь с X в. Здесь мы имеем типичные черты погребального обряда и инвентаря как на Черноморском побережье, так и в горных и степных районах до реки Лабы. А в XIV—XVI вв. — и в Приэльбрусье.

В настоящее время мы располагаем значительным материалом, позволяющим более конкретно подойти к решению некоторых вопросов раннесредневекового периода. Согласно письменным источникам VI—X вв., Черноморское побережье края в этот период населяли зихи — одно или несколько адыгских племен. Горные районы были населены папагами и касахами (касогами) [11; 2; 5; 1; 6]. О пребывании адыгов до X в. в

степной зоне края данных нет. Но в X в. картина меняется. В Закубанье появляются адыгские археологические памятники. По-видимому, в это время в степи происходят какие-то серьезные перемены (возможно, связанные с ослаблением, а затем и падением Хазарского каганата), и часть адыгских племен занимает степные территории Закубанья.

До этого здесь безраздельно господствовали кочевые и полукочевые тюркские племена — болгары. Средневековые авторы помещают их к северу от Кавказского хребта, называя край «землей болгар» [9]. В VII в. болгарский союз, ослабленный натиском хазар, распался. Часть болгарских племен откочевала к северу на Волгу, часть — за Дунай, а часть осталась в области Меотиды. Оставшаяся группа болгарских племен еще в X в. была, по-видимому, довольна многочисленна. Об этой группе пишут Ал-Масуди и Константин Багрянородный, помещая их вблизи Черного и Азовского морей [8].

На протяжении нескольких столетий болгары являлись одной из основных групп населения Северного Кавказа. Естественно, они должны были оставить видимый след в археологии края. Поэтому, изучая археологические памятники эпохи раннего средневековья, необходимо обращаться и к болгарским древностям. В настоящее время общепринято считать, что болгары наряду с аланами являются создателями и носителями салтово-маяцкой культуры. Материальная культура и тех и других настолько схожа, что порой только обряд погребения, да краниологический анализ позволяют с определенной достоверностью определить этническую принадлежность того или иного памятника салтово-маяцкой культуры [7]. Культура алан и болгар генетически связана между собой. Наиболее существенные различия здесь — форма могильного сооружения: у алан — катакомба, у болгар — яма [14]. Существуют и другие отличительные черты, позволяющие отделить болгарские памятники от аланских.

В 1972 г. экспедицией Кубанского госуниверситета в зоне затопления Краснодарского водохранилища был исследован средневековый могильник, насчитывающий более 900 погребений, которые существенными чертами различались между собой, что позволило выделить две хронологические группы: VII—IX вв., вторая половина X в. — первая половина XII в. В целом могильник был определен как адыгский. Но с полной уверенностью адыгскими погребениями, имеющими типичные черты обряда и вещей, можно считать только погребения второй хронологической группы. Погребения VII—IX вв. отличались и обрядом, и инвентарем. Между этими двумя группами

существует также и определенный хронологический разрыв. Судя по инвентарю, типично адыгские погребения появляются здесь не ранее середины X в. Ранний могильник к этому времени был уже заброшен и забыт, а народ, оставивший его, покинул данную территорию. Ко времени появления адыгских захоронений наземные сооружения раннего могильника уже, по-видимому, были неразличимы и при сооружении могил X—XIII вв. часто разрушались. Основной отличительной чертой погребений этих двух групп является их ориентировка — все адыгские погребения X—XIII вв. (как и более поздние) имеют устойчивую западную ориентировку. Погребения VII—IX вв. ориентированы на восток, северо-восток, север. В целом материал ранней группы относится к салтово-маяцкой культуре.

Попытаемся разобраться в этнической принадлежности могильника VII—IX вв. и подыскать наиболее близкие ему аналоги. Могильник насчитывает 190 погребений, расположенных подковой на территории меотского Гатлукаевского-2 городища. Из-за рыхлого аморфного грунта культурного слоя городища, в котором были вырыты могилы, форму погребальных сооружений проследить не удалось. Но несомненно, что это были обычные грунтовые ямы, что характерно для болгарской группы салтово-маяцких племен. Северо-восточная ориентировка преобладала в верхнечирюртовских грунтовых погребениях, относимых Я. А. Федоровым и Г. С. Федоровым к болгарам [14]. Северная ориентировка является характерной для погребений Нови-Пазарского протоболгарского могильника в Болгарии [13]. Другой чертой обряда, сходной с обрядом известных болгарских памятников, является положение костяков VII—IX вв. Казазовского могильника: вытянутое на спине, руки вдоль туловища, часто на груди — кистью к лицу. Ноги у многих погребенных скрещены в голенях. Именно такое положение зафиксировано в болгарских могильниках Нови-Пазар (Болгария) [13], Больше-Тарханском (Волга) [3], Верхнечирюртовском (Дагестан) [12], Волоконовском (Белгородская область) [10] и др.

В VII—IX вв. болгары переживали процесс перехода к оседлой жизни, поэтому захоронение коня для этого периода уже не является обязательным (возьмем хотя бы тот факт, что в Волоконовском могильнике кости лошади отсутствуют). Но как пережиток старых кочевых традиций в мужские погребения VII—IX вв. Казазовского могильника клалась бедренная кость лошади, а также удила, стремена и конские путы (и именно в тех же местах могилы, как и в известных болгарских могильниках).

Характерные виды вооружения погребений VII—IX вв. — сабля, пика, появившиеся, развивавшиеся и укоренившиеся у степных племен. Большое значение в определении этнической принадлежности имеет керамика. Наиболее близкие ей формы мы находим именно в болгарских памятниках Нови-Пазара, Плиски, Мадара, Зливкинской и Цимлянской группы памятников, Больше-Тарханском могильнике и др. Интересно, что на многих сосудах лощение сделано, по-видимому, пучком травы, что характерно для древнеболгарской керамики [14]. Рисунок лощения Казазовской керамики VII—IX вв. встречен во всех без исключения болгарских памятниках этого периода. Кроме типично болгарской керамики в Казазово (погребения VII—IX вв.) находятся и формы, не встреченные в других памятниках ранних болгар. Это двуручные сосуды, сосуды с зооморфными ручками и с сосцевидными налепами на раздутом тулове. Вероятнее всего — это местное кавказское влияние (сосцевидные налепы, например, известны на Кавказе с эпохи бронзы).

Одним из основных доказательств в пользу пребывания болгар в какой-либо местности являются находки фрагментов глиняных котлов с внутренними ушками. Отсутствие таких котлов в болгарских могильниках объясняется прежде всего тем, что котлы не являлись предметом погребального инвентаря, а были кухонной посудой. Их фрагменты обычно находят на поселениях. Несколько средневековых селищ находятся по обоим берегам Краснодарского водохранилища. В 1979 г. у хутора им. Ленина (северный берег) И. С. Каменецким был найден фрагмент болгарского котла. Дальнейшие раскопки раннесредневековых селищ, очевидно, дадут подобный материал.

Не только керамика, но и другие предметы погребений VII—IX вв. Казазовского могильника имеют аналогии в болгарских памятниках. Прежде всего, это украшения: серьги, височные кольца, браслеты, бронзовые бубенчики; застежки в виде костыльков; поясные наборы.

В погребениях ранней группы Казазовского могильника совсем не встречен культ огня, который характерен для аланских племен. С. Р. Станичев, обнаруживший признаки такого культа, а также мел в погребениях Нови-Пазарского могильника, объясняет это именно сарматским влиянием [13]. Наличие мела и угля является важной чертой и адыгского погребального обряда.

Некоторые различия в погребальном обряде различных болгарских памятников объясняются распадом в VII в. болгарского союза. (Племена, входившие в него, хотя и были родст-

венны, но, очевидно, имели и существенные различия). Отличия объясняются также большим пространством, разделяющим впоследствии эти племена, а местная этническая среда оказывала свое ассимилирующее влияние (как случилось с дунайскими болгарами).

Существенный вклад в решение данного вопроса принадлежит антропологии. Один из последних исследователей антропологического материала Зливкинского и Салтовского могильников Г. Ф. Дебец указывал, что в зливкинских погребениях находят короткоголовый тип черепа с некоторыми монголоидными признаками. Салтовцы (катакомбники) — длинноголовые [4].

Длинноголовый тип встречен во всех катакомбных могильниках Дона и Северного Кавказа [7].

Большинство черепов Казазовского могильника передано для изучения М. М. Герасимовой и антропологам Тбилиси. И если наши предположения будут подтверждены антропологически, то будет решен целый ряд вопросов, касающихся таких памятников, как раннесредневековая группа погребений Ленинахабльского могильника, третья группа погребений Борисовского могильника, обряд погребения и материал которых наиболее схож с Казазовским.

Литература

1. Ал-Масуди. Россыпи золота. — В кн.: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента в X—XI вв. М., 1963.
2. Анонимный Перипл Черного моря. — ИАК, вып. 56, 1914.
3. Геннинг В. Р., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. Большетарханский могильник. М., 1964.
4. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. — ТИЭ, т. IV. М.-Л., 1948.
5. Епифаний. Хождение апостола Андрея в страну мирмидонян. — В кн.: Васильевский В. Г. Труды, т. II. Спб., 1909.
6. Константин Багрянородный. Об управлении государством. — ИГАИМК, вып. 91, 1934.
7. Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона. — МИА, 1953, № 62.
8. Мерперт Н. Я. Вопросы происхождения булгар в книге А. П. Смирнова «Волжские булгары». — СА, 1953, № 17.
9. Моисей Хоренский. История Армении. М., 1893.
10. Плетнева С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник. — СА, 1976, № 3.
11. Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.
12. Путинцева Н. Д. Верхнечирюртовский могильник. — МАД, т. II. Махачкала, 1961.
13. Станчев С. Р. Новый памятник ранней болгарской культуры. — СА, 1957, № 27.
14. Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.

А. И. Семенов

РОМАНОВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ И ДОНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРЕДСАЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ХАЗАРСКОГО ВРЕМЕНИ

Ленинград

С выделением предсалтовских памятников связаны важнейшие вопросы хазарской археологии Дона: поиски собственно хазарской культуры, генезис этнических компонентов салтово-маяцкой культуры, происхождение оседлости и ее носителей и др.

На основании сведений письменных источников, победа над болгарскими племенами, установление гегемонии хазар в Подонье и образование самостоятельного хазарского государства относятся ко второй половине VII в. н. э. Наиболее ранние памятники салтово-маяцкой культуры Дона, связываемой с населением Хазарского каганата, датируются серединой VIII в. Можно было бы объяснить отсутствие на Дону селищ и городищ в пределах почти столетнего периода хазарской эпохи кочевым образом жизни населения, но погребения этого времени также до сих пор не выделены.

Отсутствие достоверно предсалтовских памятников делало уязвимой гипотезу о генетической связи салтово-маяцкой и сарматской культур. Культура белокаменных городищ и обширных городских грунтовых некрополей в бассейне Дона кажется возникшей внезапно, очевидно, как и считает большинство высказавшихся по этому поводу исследователей, в результате миграции с Северного Кавказа в середине VIII в.

Современное состояние раннесредневековой хронологии Дона характеризуется отсутствием в литературе указаний на достоверные памятники середины VII — середины VIII вв. Неразработанность предсалтовской хронологии Дона подтверждается и использованием в одной из наиболее существенных работ последних лет по раннесредневековой хронологии Восточной Европы донских комплексов с неточным (Столбица) и неверным (Романовская) определением происходящих из них византийских монет [1; 2; 9].

На Дону нет многослойных поселений и стратифицированных могильников предсалтовского периода. Это ограничивает возможности построения хронологической шкалы периода только рассмотрением опорных комплексов, датированным по внеш-

ним аналогиям. Нехарактерный для салтово-маяцкой культуры облик инвентаря, несвойственный ей подкурганный обряд и новые определения монет (Константин IV, 681—685 гг. и Леонтий II, 695—698 гг.) предполагают возможность досалтовского возраста Романовского погребения.

Открытое столетие назад, в 1884 г., погребение у станицы Романовской представлено в литературе только разрозненными упоминаниями отдельных, наиболее ярких предметов. Долгое время оно находилось вне поля зрения хазароведов, что, по-видимому, вызвано обстоятельствами находки и судьбой романовских вещей, хранившихся в трех удаленных друг от друга музеях Москвы, Петербурга и Новочеркасска. Датировка хазарским временем затруднялась нехарактерным для салтово-маяцкой культуры Дона обликом золотых романовских вещей, необычным, как принято считать, для этой культуры подкурганным обрядом. Препятствовало уяснению хронологической позиции погребения и ошибочное определение монет.

Реконструируемый по архивным материалам погребальный обряд и, прежде всего, наличие курганной насыпи принципиально отличают романовское захоронение от типичных погребений салтово-маяцкой культуры Дона. Сохранившиеся об обряде сведения собраны чиновником, проводившим специальное дознание у населения, и не вызывают сомнений [15].

Среди подробного описания отдельных предметов, их расположения в могиле, деталей обряда содержится вполне определенное указание на существование курганной насыпи в виде едва заметного над поверхностью земли возвышения. По сведениям археологов, погребенный был обращен головой на северо-запад. Следы гроба не прослежены. Возле черепа погребенного найден глиняный горшок, наполненный древесным углем. «В расстоянии аршин трех» от горшка в противоположную сторону, т. е. в ногах скелета, оказалась голова и кости ног лошади [16]. Последнее обстоятельство очень важно, так как вновь указывает на нехарактерную для салтово-маяцких погребений Дона черту. К сожалению, по сохранившемуся описанию нельзя установить, идет ли речь о полном скелете лошади или только о его части.

Согласно существующим представлениям, донские захоронения хазарского времени, совершенные под курганами и сопровождаемые найденными в могиле костями лошади, должны были бы связываться с поздними кочевниками: печенегами, торками, гузами. Неприемлемость такой атрибуции для романовского погребения опирается на его раннюю дату — вторая

четверть VIII в., — основанную на новых определениях монет и пересмотре устаревших дат украшений.

Первое определение романовских монет принадлежит, по-видимому, Х. И. Попову, отнесшему одну из них ко времени Льва III (717—741 гг.), а другую — к эпохе после Юстиниана и Ираклия [18]. Определение первой монеты не подвергалось сомнению, а второй — уточнению до недавнего времени [5; 3; 4; 9]. В 1967 г. В. В. Кропоткин дал описание и определение монеты (Константин IV Погонат, 668—685 гг.), хранившейся прежде в Новочеркасске, не указывая источник описания [10]. Фотография аверса монеты помещена в каталоге Новочеркасского музея [19]. Более полное представление о монете дает типографское воспроизведение ее рисунка, хранящееся в делах Археологической комиссии [17]. Отсутствие на реверсе фигур Гиберия и Ираклия ограничивает возможное время выпуска 681—685 гг., когда братья-соправители Константина IV уже были отстранены от власти. Другая монета из станицы Романовской, хранящаяся в Историческом музее в Москве, определяющаяся временем правления Льва III [9], принадлежит в действительности Леонтию II (695—698 гг.). Новые определения значительно удревняют время чеканки младшей из монет и сокращают возможный интервал времени их выпуска до 11—18 лет. Это создает дополнительный аргумент в пользу незначительного «запаздывания» монет в комплексе.

Различно датировались золотые нагрудные аграфы романовского погребения. Первоначально предлагавший их дату изготовления VII—VIII вв. Н. П. Кондаков [7] изменил ее впоследствии на VIII—IX вв. [8]. Б. А. Рыбаков отнес аграфы к вещам антской эпохи и датировал их V—VI вв. [20]. Эту дату и интерпретацию Б. А. Рыбакова принял Б. В. Лунин [12]. С. В. Киселев ограничил время находки VI в. [6].

Время изготовления аграфов устанавливается по их сходству с образцами выделяемой Б. И. Маршаком степной группы памятников прикладного искусства VII—VIII вв. [13]). Орнамент романовских застежек и близкие ему орнаменты фрагментированных золотых обкладок из романовского погребения представляют промежуточное звено между узорами соответствующей группы изделий из погребения в Перещепино и более стилизованными и упрощенными орнаментами на деталях поясного набора из Ясиново и многочисленных предметах из албанской находки во Врапе, датированных началом VIII в. [14]. В целом золотые пластинчатые обкладки из Романовской соотносятся со вторым периодом аварских древностей (680—720 гг.).

Со времени открытия романовского захоронения только в самую раннюю пору были предприняты две попытки определить его место в системе памятников Дона, увязав с известными хазарскими древностями. В. И. Сизов пытался привлечь захоронение (опираясь на неверную позднюю дату его младшей монеты) для подтверждения ранней даты Цимлянских городищ [22]. Современным Цимлянскому городищу считал погребение Х. И. Попов, специально отмечавший и их территориальную (всего 20 верст) близость [18].

Вопрос об уникальности обряда романовского погребения, отличного от традиционного обряда салтово-маяцкой культуры Дона, отпадает после нахождения захоронений хазарского времени в бассейне реки Дона, содержавших византийские солиды второй половины VII — первой половины VIII в. Все погребения с монетами этого времени совершены под курганными насыпями: Романовская, Столбица, Большая Орловка, Соколовская балка [21]. Подтверждает наблюдение позднее ставшее известным подкурганное захоронение Дорофеевского могильника на Есауловском Аксае с монетами Фоки (602—610) и Ираклия с Ираклием Константином (610—641 гг.) [11].

Все перечисленные могилы, наряду с необычным для хазарского времени обрядом, заметно отличаются от средних погребений салтово-маяцкой культуры Дона богатством инвентаря. В их составе часты вещи из драгоценных материалов, нередко привозные. Судя по захоронению у Соколовской балки, курганы хазарского периода с византийскими монетами связаны с курганами со рвами подквадратной в плане формы частично синхронными раннесалтовским погребениям Дона (известны уже и на Украине и на Нижней Волге). Курганы с монетами и курганы с ровиками объединяются общими признаками: ориентировка погребенного головой преимущественно на запад, наличие костей лошади и барана в могиле, восточные аналогии инвентарю и важным деталям погребального обряда.

Существенно отличаются донские подкурганные захоронения хазарского времени по обряду и инвентарю от типичных погребений салтово-маяцкой культуры Дона. Они определяются, очевидно, этническими различиями, дополняются высоким социальным статусом покойников, захороненных в курганах. Выдвигаемое предположение о принадлежности части подкурганных захоронений социальным верхам каганата — собственно хазарам или тюркам, его создателям, — опирается на достоверно предсалтовский возраст некоторых курганов хазарского

времени на Дону. Наличие курганной насыпи становится одним из ведущих признаков в поисках предсалтовской культуры Дона.

Литература

1. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. I. — СА, 1971, № 2.
2. Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II. — СА. 1971, № 3.
3. Зверев Ст. Материалы по археологии Дона. Издание Воронежского губернского статистического комитета. Воронеж, 1894.
4. Зверев Ст. Следы христианства на Дону в домонгольский период. — Труды X АС. М., 1896.
5. Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX Археологическом съезде в Вильне в 1893 году. Вильна. 1893.
6. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
7. Кондаков Н. П. Эрмитаж. Указатель отделения средних веков и эпохи Возрождения. Спб., 1891.
8. Кондаков Н. П. Русские клады, т. 1. Спб., 1896.
9. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.
10. Кропоткин В. В. Новые находки византийских монет на территории СССР. — ВВ. 1967, № 26.
11. Лагоцкий К. С., Шилов В. П. Исследования Волго-Донской экспедиции. — АО 1976. М., 1977.
12. Лунин Б. В. Саркел (К истории славян и хазар на Дону). Ростов н/Д, 1939.
13. Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М., 1971.
14. Маршак Б. И., Скалон К. М. Перещепинский клад. (К выставке Сокровища искусства Древнего Ирана, Кавказа, Средней Азии). Л., 1972
15. О присылке в Комиссию на рассмотрение древностей, принадлежащих учреждаемому в Новочеркасске Донскому музею. — Архив ЛОИА АН СССР. Дело АК, № 65, 1886 г.
16. О раскопках В. И. Ястребова в Области Земли Войска Донского. — Архив ЛОИА АН СССР. Дело АК, № 9а, 1890 г.
17. Об археологических разысканиях Н. Е. Бранденбурга в Донской области. — Архив ЛОИА АН СССР. Дело АК, № 17, 1891 г.
18. Попов Х. И. *О цимлянских находках, об открытии древностей на цимлянском городище в Области Войска Донского.* — Архив ЛОИА АН СССР. Дело АК, №203. 1894.
19. Попов Х. Н. Описание археологического отдела Донского музея. Новочеркасск. б. г.
20. Рыбаков Б. А. Акты и Киевская Русь. — ВДИ, 1939, № 1.
21. Семенов А. Н. Византийские монеты из погребений хазарского времени бассейна р. Дон. — В кн.: Проблемы археологии. II. Л., 1978.
22. Сизов В. И Раскопки в двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону. — Труды VI АС, т. 4. Одесса, 1889.

В. С. Флеров

О ХРОНОЛОГИИ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

Рождение салтово-маяцкой культуры обычно связывается с приходом на Дон и его притоки, главным образом. на Северский Донец и Оскол, алан — создателей лощеной керамики — и смешением культуры последних с культурой приазовских и донских болгар. Начало этого процесса относят по принятой ныне хронологии не ранее чем к середине VIII в.

Объяснить повсеместное распространение лощеной керамики в Подонье уже в середине VIII в. можно лишь знакомством с ее производством болгар еще до появления собственно салтово-маяцкой культуры, т. е. контактами между болгарами и аланами до указанной даты. Именно такими контактами можно объяснить присутствие лощеной керамики на поселениях Приазовья, датируемых по амфорам VI—VII вв. [16; 19; 6]. К VII в. мы преположительно относим кувшин Кобяковского некрополя (восточная окраина Ростова-на-Дону) и кувшин из Керчи. С. А. Плетнева, описывая поселения Приазовья, подчеркивала распространение здесь стойбищ куренного типа, что также косвенно подтверждает отнесение этих памятников к VI—VII вв. [16]. На появление аналогичных поселений на берегах Керченского пролива в конце VII в., резко отличающихся от существовавших здесь в V—VI вв., указывал А. В. Гадло, писавший, что по внешнему облику и характеру размещения культурных остатков степные селища Крыма и Тамани подобны одновременным селищам в Северном Приазовье и на Нижнем Дону, т. е. в районах формирования салтово-маяцкой культуры [8]. А. В. Гадло связывает появление крымско-таманских селищ с деятельностью потомков гунно-болгарских кочевых родов [8].

Когда и где имели место первые контакты между болгарами и аланами? Думается, что первые культурные связи между ними были установлены еще в период пребывания основной массы болгар на Северном Кавказе, по крайней мере в VI в., а возможно и раньше, вслед за гунским нашествием [1]. Не будем останавливаться на северокавказском этапе взаимоотношений алан и болгар, так как это выходит за рамки интересующего нас вопроса. Важнее другое, в Приазовье болгары

приходят уже будучи хорошо знакомы с изготовлением лощеной посуды. Мало того, вероятно, именно в составе болгарских орд в Приазовье в VI—VII вв. появляются и первые аланы-переселенцы с Северного Кавказа, часть которых после разгрома Великой Болгарии, видимо, отходит к северу вместе с отступившими болгарами. Оседает эта группа алан где-то в районе Верхне-Салтова. С этой ранней группой, полагаю, следует связывать находки в Верхне-Салтовском могильнике монет VI—VII вв. [15].

Не следует забывать, что с лощеной керамикой в VI—VII вв. были знакомы не только болгары, но, что не менее важно, и сами хазары. Имеются в виду расположенные в Дагестане памятники Хазарского каганата, которые С. А. Плетнева рассматривает в качестве варианта салтово-маяцкой культуры [16]. Лощеная керамика широко представлена на многих памятниках Приморского Дагестана VI—VII вв. [12]. Называть эту керамику «хазарской», как это делает в одной из своих последних статей М. Г. Магомедов, совершенно неправомочно [13]. Как о хазарской, о ней можно говорить лишь в территориальном смысле, т. е. как о найденной на территории Хазарского каганата. В этническом смысле культура хазар, как и их керамика, археологически до настоящего времени не выделяется ни в Подонье, ни в Дагестане и Приазовье. Правы те исследователи, которые рассматривают лощеную керамику Дагестана, как и ряд других элементов культуры северных его памятников, в качестве аланского влияния. Так, сероглиняные кувшины с носиком-сливом Верхнечирюртского могильника В. А. Кузнецов прямо считает общеаланским элементом Северного Кавказа [11]. Еще ранее Н. Д. Путинцева указала на сходство верхнечирюртских катакомб с катакомбами Северной Осетии, Черкесии, Чечено-Ингушетии [18]. Тот же М. Г. Магомедов, публикуя совместно с Д. М. Атаевым материалы раскопок Андрейаульского городища, отмечает, что, начиная с VIII в., керамика Андрейаульского типа получает широкое распространение в юго-восточной Европе, где она представлена в памятниках салтово-маяцкой культуры [5]. И далее они отмечают, что культура Андрейаульского городища и других памятников Терско-Сулакского междуречья выступает наиболее ранним вариантом салтово-маяцкой, а сам Приморский и Северный Дагестан выделяют в качестве территории, на которой на сармато-аланской основе формировалась культура хазарского государства [5]. Вслед за А. В. Гадло я не берусь давать в целом определение культур Северного Дагестана [9], как это делают предыдущие авторы, однако присутствие здесь лощеной

керамики аланских типов остается бесспорным. Таким образом, лощеная керамика проникла в Приазовье в VI—VII вв. не только через болгар, но и хазар, когда последние продвинулись сюда (и далее в Крым) в середине VII в. Столкновение двух военно-политических союзов, Болгарского царства и Хазарского каганата, приведшее к распаду одного и усилению другого, отнюдь не означали противоборства двух культур. Материальные культуры болгар и хазар VII в., безусловно, имели много общего. Для нас же важно подчеркнуть наличие в обеих аланских элементов и лощеной керамики особенно.

Если встать на предложенную точку зрения, т. е. допустить: 1) знакомство приазовских болгар с аланской культурой в VI—VII в., 2) присутствие в это же время в среде болгар Приазовья небольшого числа самих алан, 3) наличие элементов аланской культуры у хазар в момент их появления в Приазовье и Подонье, то массовое переселение алан в Подонье через Приазовье, если его относить в соответствии с выводами С. А. Плетневой к середине VIII в., будет исторически оправданным. Аланы в VIII в. продвинулись с Северного Кавказа в достаточно близкую им культурную среду. Само их продвижение в Подонье было предопределено контактами с болгарами и хазарами в предшествующее сложению собственно салтово-маяцкой культуры время, а широкое распространение лощеной керамики уже с середины VIII в. в Приазовье и бассейне Дона — появление этой керамики на указанной территории еще в VI—VII вв. Другими словами, возникновение в Подонье в середине VIII в. блестящей и высокоразвитой салтово-маяцкой культуры было предопределено политическими и культурными процессами, начавшимися здесь за два столетия до этого времени.

В связи с этим можно решить и другую проблему. До сих пор у исследователей возникают трудности при объяснении хронологического несоответствия между появлением культуры салтово-маяцкого облика, в том числе и лощеной керамики, на Дунае (что связано с откочевкой сюда из Приазовья орды Аспаруха в середине VII в.) и возникновением собственно салтово-маяцкой культуры в Приазовье—Подонье в середине VIII в. Действительно, если все процессы, связанные со сложением салтово-маяцкой культуры и (что нас в первую очередь интересует) ее керамического комплекса, включающего лощеную керамику, ограничить серединой VIII в., то объяснить указанное парадоксальное несоответствие будет невозможно. Решение этого вопроса может быть намечено, если учесть контакты между аланами и болгарами в Приазовье в эпоху Великого Болгарского царства. Собственно, на это фактически еще ука-

зывал М. И. Артамонов: «Нельзя же думать, что сходные с салтовскими формы керамики заимствованы протоболгарами (Дуная — *В. Ф.*) от носителей салтовской культуры в IX в., а не принесены ими из своей, общей с салтовцами, родины» [2].

В дальнейшем пути развития форм лощеной керамики Приазовья — Подонья и Придунавья расходятся, ибо связи между двумя массивами носителей «предсалтовской» культуры с середины VII в. оказались разорванными навсегда. Это объясняет существенные различия между формами столовой керамики VIII—X вв. Подунавья и Приазовья—Подонья.

Вывод о зарождении элементов салтово-маяцкой культуры в VI—VII вв. не является принципиально новым. В 1956 г. М. И. Артамонов находил возможным относить сложение салтово-маяцкой культуры к началу VIII в. [2], а десять лет спустя он прямо указывал на перспективы удревнения культуры до VII в. [3]. К сожалению, отойдя после раскопок Саркела от полевого изучения памятников салтово-маяцкой культуры, он не развил эти высказывания на археологических материалах.

Какая-то часть алано-болгарского населения, видимо, где-то во второй половине VII — начале VIII в. из Приазовья проникает в верховья Северского Донца. Произошло это, вероятно, вскоре после разгрома Приазовской Болгарии хазарами. К датировке Верхне-Салтовского городища VII в. склонялся Д. Т. Березовец [7]. Не исключено, что ранее середины VIII в. появились первые жители и на Дмитриевском селище, о чем свидетельствует найденная здесь амфора крымского изготовления конца VII — начала VIII в. По этому поводу С. А. Плетнева писала, что она позволяет поставить вопрос о передатировке Дмитриевского селища, которое ранее, как и все памятники салтово-маяцкой культуры, было отнесено к середине VIII—IX в. [17].

Нельзя не обратить внимания и на некоторую «архаичность» ряда вещей салтово-маяцкой культуры, подмеченную С. А. Плетневой при изучении материалов Дмитриевского могильника. Так, с предшествующей салтово-маяцкой культуре эпохой она связывает литые серьги, зеркала с ячеистым орнаментом, бисер, бусы-лунницы, лунницы с выемчатой эмалью, треугольные «рогатые» пряжки, некоторые типы топоров [16]. Прототипы указанных вещей присутствуют в целом ряде памятников Подонья и Северного Кавказа в период со II по VII в. н. э.

С середины VIII — начала IX в., т. е. с момента возникновения собственно салтово-маяцкой культуры, лощеная керамика, получает в бассейне Дона повсеместное распространение.

Особенно широко она представлена на Северском Донце. Многообразие ее типов в этом районе объясняется преобладанием здесь на всех этапах истории салтово-маяцкой культуры аланского населения. Этот широко известный факт уже не требует дополнительных обоснований. На Донце лощеная керамика получила признание и среди болгарского населения, о чем уже говорилось. Достаточно указать на присутствие около Верхне-Салтовского городища, наряду с катакомбным аланским, ямного болгарского могильника. Сочетание ямного и катакомбного обряда обнаружено и в знаменитом Зливкинском могильнике [4], который в силу укоренившейся и устаревшей традиции всегда рассматривается как классический «чисто» болгарский памятник.

В IX—X вв., вплоть до похода Святослава, важной областью в хозяйственно-экономическом отношении становится Нижнее Подонье с центром в Саркеле. Сюда, надо полагать, постепенно переселилась и часть населения с территории бассейна Северского Донца, спасавшаяся от славянской и печенежской угрозы. Наверное, в первую очередь на Нижний Дон потянулись болгарские насельники Северского Донца, встретившие на Нижнем Дону родственную этническую среду. В самом Саркеле производство лощеной керамики не затихает и после захвата города войсками Святослава.

Решение вопроса о выделении хронологических этапов развития салтово-маяцкой культуры еще далеко от завершения. Не ясны, в частности, многие вопросы периодизации производства керамики, особенно лощеной. Консерватизм форм этой керамики, неравномерное распределение ее находок в значительной степени затрудняют решение этой задачи. Действительно, лощеная керамика — трудный материал для разработки изучаемой культуры. Если в рамках VIII—X вв. благодаря наличию таких опорных памятников, как Дмитриевский могильник и Саркел, удается представить достаточно четкую картину трансформации типов столовой керамики, главным образом кувшинов, то ранний период ее изготовления, до перехода «от кочевий к городам» потребует еще значительных уточнений. Слабая изученность памятников VI—VII вв. Приазовья—Подонья и соответственно малая источниковедческая база вполне объясняют осторожный подход к определению и их культурной принадлежности ряда археологов. Думается, что датирующей опорой для более точного выделения памятников алано-болгар VI—VII вв. должен наряду с их собственной керамикой служить и иной материал, амфоры в первую очередь.

Не менее сложным остается вопрос о завершающей стадии в существовании салтово-маяцкой культуры. Если в целом как единый социально-экономический организм салтово-маяцкая культура в конце X в. несомненно распадается, то отдельные ее элементы продолжают жить, в том числе и за пределами Подонья [14], вплоть до XIII—XIV вв. Об этом, например, свидетельствуют многочисленные в Приазовье находки столовой керамики золотоордынского времени с характерным салтовским лощением. Такая керамика хорошо известна по раскопкам в Азаке [10].

Отмеченные трудности и проблемы в исследовании хронологии салтово-маяцкой культуры, в изучении гончарного ремесла ее носителей и должны, как нам представляется, определить направление будущих усилий археологов в изучении этой яркой культуры раннего средневековья.

Литература

1. Алексеева Е. П. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии. — Труды КЧНИИИЯЛ, сер. история, вып. 5. Ставрополь, 1966.
2. Артамонов М. И. К вопросу об археологических памятниках славян и протоболгар на Нижнем Дунае. — В кн.: Въжарова Ж. Славяно-болгарското селище край села Попина, Силистренско. София, 1965.
3. Артамонов М. И. К вопросу о карпато-дунайской культуре. — Тезисы докладов на сессии ИА АН СССР, посвященной итогам полевых исследований 1966 г. Кишинев, 1967.
4. Археологические экспедиции 1919—1956 гг. Указатель. М., 1962.
5. Атаев Д. М., Магомедов М. Г. Андрейаульское городище. — МАД. т. 5. Махачкала, 1974.
6. Баранов И. А. Об эволюции салтово-маяцкого жилища конца VII—IX вв. в Крыму. — В кн.: Открытия молодых археологов Украины. 4.2. Киев, 1976.
7. Березовец Д. Т. Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг. — КСИА АН УССР, вып. 22, 1962.
8. Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII—X вв. — Вестник ЛГУ. Сер. история, язык, литература, вып. 3. Л., 1968.
9. Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья. — МАД, № 5, Махачкала, 1974.
10. Галкин Л. Л. Керамические горны золотоордынского города Азака.— СА, 1975, № 1.
11. Кузнецов В. А. Аланы и раннесредневековый Дагестан (к постановке вопроса). — МАД, т. 2. Махачкала, 1961.
12. Магомедов М. Г. Хазарские поселения в Дагестане. — СА, 1975, № 2.
13. Магомедов М. Г. Древние политические центры Хазарии. — СА, 1975, № 3.
14. Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977.
15. Обсуждение сообщения А. М. Покровского о раскопках, произведенных им в Верхнем Салтове. — Труды XII АС, т. 1. М., 1905.

16. Плетнева С. А. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142.
17. Плетнева С. А. Работа Северо-Донецкого отряда. — АО 1966. М., 1967.
18. Путинцева Н. Д. Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение). — МАД, т. 2. Махачкала, 1961.
19. Плетнева С. А. Номадски поселища през VII—IX в. в Приазовието и бассейна на река Дон. — Археология, кн. 4. София, 1964.

М. Л. Швецов

О НИЖНЕДОНСКОЙ ГРУППЕ САЛТОВО-МАЯЦКИХ ПАМЯТНИКОВ

Донецк

Памятникам Нижнего Подонья хазарской эпохи посвящено много работ как обобщающего [1; 2; 3; 10; 12], так и информационного характера [5; 18; 19]. Разделивший салтово-маяцкую культуру на два варианта И. И. Ляпушкин отнес нижнедонской ее тип к южному виду [10]. В число болгарских памятников этой культуры включает Нижнее Подонье и С. А. Плетнева [12].

Увеличение числа исследованных за последнее десятилетие могильников дает возможность вновь вернуться к рассматриваемой теме. При анализе погребального обряда захоронений хазарской эпохи можно разделить имеющиеся памятники Нижнего Подонья на две группы по способу погребения: подкурганные и грунтовые могильники. В свою очередь подкурганные захоронения по конструкции могильного сооружения делятся на три типа: погребения в подбойных могилах (ранние — VI—VII вв., поздние — конец VII—IX вв.), погребения с ровиками и погребения в простых ямах и насыпи.

В нашей статье мы рассмотрим погребальный обряд грунтовых могильников, известных в Нижнем Подонье, включая и единичные захоронения. Первые погребения этого типа были обнаружены еще в конце XIX в. [13; 6]. В 1920—1930-х гг. М. И. Артамонов обследует могильник у станицы Багаевской в урочище Артуганово [1], в дальнейшем вошедший в число салтовских памятников Подонья [6; 12]. Однако из-за отсутствия четко выраженных элементов погребального обряда салтово-маяцкой культуры и отсутствия инвентаря в единственном исследованном погребении мы не можем включить данный могильник в наши статистические подсчеты. Большие работы

Волго-Донской экспедиции позволили открыть ряд новых и обследовать уже известные памятники в Подонье. Открыто было всего несколько захоронений. В могильнике Саркела были исследованы погребения хазарской эпохи со специфическим обрядом захоронения в круглых ямах и погребения городского населения.

Погребения в круглых (а точнее, в колоколовидных) ямах распространены по всей территории салтовской культуры и отображают, по-видимому, какой-то специфический обряд, не являясь чисто погребальными комплексами. Данные ямы находятся как в поселениях, так и в грунтовых и курганных могильниках. Кроме того, заполнение их в основном составляют кости жертвенных животных, керамика и иногда захоронения людей. Специфика этого обряда не совсем ясна. Погребения в насыпях у города Саркела отражают погребальный обряд христианизированного городского населения, находящегося под большим влиянием Крыма. На значительное сходство погребений в насыпях у Саркела и Северного Крыма указывает исследователь христианских погребений Крыма К. К. Коганошвили [8].

Только одно погребение, как указывает М. И. Артамонов, можно считать типично салтовским [2]. До 60-х гг. в Подонье было известно лишь небольшое число отдельных захоронений и неисследованных могильников. Среди них — Танаис, Кобяково. При описании могильников VIII—X вв., относимых к болгарам Поволжья, В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков попытались сгруппировать памятники низовьев Дона и Северного Приазовья в одну группу и даже определить их племенную принадлежность [6]. Более осторожно привлекались к исследованию памятники рассматриваемой территории С. А. Плетневой [12].

В 1960 г. при исследовании двух курганов бронзового века в зоне строительства автодороги Ростов—Цимлянск у станицы Багаевской С. Н. Братченко был открыт грунтовый могильник. В отличие от других известных могильников в нем рядом с захоронением людей находились захоронения чучел лошадей (череп и кости ног положены в анатомическом порядке). Другая отличительная черта — наличие у погребенных оружия и сбруи. В 1975 г. экспедицией Музея истории виноградарства и виноделия, возглавляемой Е. И. Савченко, было начато исследование большого грунтового могильника у хутора Крымского Усть-Донецкого района Ростовской области. Могильник — часть большого комплекса, состоящего из городища и ряда селищ

[14; 15; 16]. Все эти памятники составляют более 150 комплексов, дающих возможность провести как статистические, так и корреляционные подсчеты. Для статистической обработки было взято 120 погребений, принятых за 100%. Мы учитывали только комплексы, на которые составлена полная полевая документация.

Исчерпывающих данных по топографии могильников очень мало. Можно лишь отметить их расположение на возвышениях по краю мысов и на высоких берегах рек. Некоторые могильники и одиночные захоронения встречены в культурном слое более древних городищ или могильников.

В основе конструкции могильного сооружения лежит простая яма. Однако есть заплечики, подбои и ступеньки вдоль длинных сторон. Единичные захоронения имеют ниши — подбои для пищи, находящиеся у изголовья (простая яма — 60%, заплечики — 25%, ступеньки и подбои — 10% и ниша — 5%). Случаи зафиксированных остатков деревянных перекрытий или других деревянных конструкций составляют 17%.

Погребенный положен вытянуто, на спине. Иногда с поворотом на правый бок, лицом к югу. Интересно положение рук. Чаще всего они лежат вдоль тела и под тазом. Иногда одна из них вдоль, а другая на тазе. Очень редко на груди или на животе (руки вдоль тела — 65%, кисти на тазе или под ним — 36%, на груди или животе — 5%). Основной доминирующей ориентацией погребенных можно считать западную, но есть и другая (на север — 15%, восток — 10%, юг — 5%). Состав инвентаря в погребениях почти стабилен. Женщины захоронены с украшениями, мужчины — с предметами бытовой необходимости (ножи, кресала, точильные бруски, редко топор).

У каждого третьего в изголовье положена мясная пища (в основном баранина — 98%, а конина — 2%) и стоят 1, 2, реже 3 сосуда. Распределение типов сосудов: горшки — 35%, кувшины — 22% и кубышки — 14%.

Инвентарь могильника у станицы Багаевской хронологически относится ко второй половине IX—X вв. и является более поздним по отношению к другим могильникам Нижнего Подонья [5].

Материалы, представленные в других могильниках, по мнению их исследователей, относятся ко второй половине VIII — первой половине IX в. Намечается разность погребального обряда и разнотипность погребального инвентаря. Так, в раннем, по нашему представлению, этапе в погребениях преобладает лепная, более архаичная керамика, которая не представлена в погребениях второй половины IX—X вв. Сосуды, изготовленные

на круге на раннем этапе, имеют более округлое, шаровидное тулово и толстое тяжелое днище.

Характерной деталью Багаевского могильника является наличие рядом с умершим оружия, сбруи и чучела коня, что выделяет его из числа других могильников Нижнего Подонья. Захоронение коней известно и в других могильниках Подонья, но там они отражают совсем другие обряды. Лошади захоронены отдельно от человека в собственных ямах, взнузданы и оседланы (могильник Крымский). Можно предполагать, что это захоронения посвященных богу Солнца лошадей, культ которого очень хорошо известен у племен салтово-маяцкой культуры [12; 21], или же погребения боевых коней. Точно лишь то, что погребения лошадей в могильниках типа Крымский и Багаевский — явления совершенно разные и связаны с разными обрядами.

Появление в могилах рядом с умершим чучела коня может быть связано с социальными изменениями, происшедшими у рассматриваемых племен. Не исключено также возрождение обряда, характерного для населения этого же региона в более раннюю эпоху (VI—VII вв.) из-за изменения политической ситуации в степях Восточной Европы. Кроме того, появление чучела коня рядом с погребенным, по-видимому, может также являться отражением обряда, заимствованного у печенегов, и связано с их появлением в степях Подонья. Элементы этого же влияния усматривает В. К. Михеев при разборе погребений Балаклеевского могильника [11].

Различия в рассматриваемых комплексах, однако, не дают нам возможности говорить о неоднородности памятников Нижнего Подонья. Согласно приведенным выше подсчетам, мы считаем возможным выделить могильники Нижнего Подонья в локальную группу, отличающуюся от аналогичных памятников Крыма [4], Степного Поднепровья [20; 17], Северского Донца [7; 12; 9] и Поволжья [6].

Литература

1. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. — ИГАИМК, вып. 131, 1935.
2. Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа. — МИА. 1958. № 62.
3. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
4. Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму. Автореф. канд. дис. Киев, 1977.
5. Гадло А. В. Кочевье хазарского времени у станицы Заплавской на Нижнем Дону. — В кн.: Проблемы археологии, вып. 2. Л., 1978.
6. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.

7. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии. 1901 г. — Труды XII АС, т. 1, М., 1905.
8. Коганошвили К. К. К вопросу о средневековом населении Северного Крыма. — В кн.: Древности Степного Крыма. Симферополь, 1969.
9. Копыл А. Г., Татаринов С. И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце. — СА, 1979, № 1.
10. Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культур' в бассейне р. Дон. — МИА, 1958, № 62.
11. Михеев В. К., Кадеева Е. М. Работы на Балаклiївському могильнику. — АДУ 1969, вип. 4, Київ, 1972.
12. Плетнева С. А. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142.
13. Попов Х. И. Каталог Новочеркасского (Донского) музея. Новочеркасск, б. г.
14. Савченко Е. И., Крайсветный М. И. Могильник у хутора Крымский. — АО 1975. М., 1976.
15. Савченко Е. И. Средневековый могильник у хутора Крымского. — АО 1976. М., 1977.
16. Савченко Е. И. Средневековый могильник у хутора Крымского. — АО 1977. М. 1978.
17. Сміленко А. Т. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї. Київ, 1975.
18. Флеров В. С. Поселение VIII—IX вв. у станицы Богоявленской. — СА, 1971, № 2.
19. Флеров В. С. Четырехлистник в орнаментации салтово-маяцкой керамики. — СА, 1976, № 1.
20. Швецов М. Л. Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье.— В кн.: Древности среднего Поднепровья. Киев, 1981.
21. Николова Б. Свещник с изображения от села Овчарово Търговшуки окръг (IX в.). — Археология, 1978, № 4.

В. М. Косяненко

ПОГРЕБЕНИЕ У СЛОБОДЫ БОЛЬШАЯ ОРЛОВКА — РАННИЙ ПАМЯТНИК САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ростов-на-Дону

В 1972 г. в Ростовский областной музей краеведения поступила группа вещей, найденных в разрушенном кургане, располагавшемся невдалеке от села Большая Орловка Мартыновского района. Высота кургана до разрушения достигала 3,7 м. Все вещи в момент обнаружения лежали достаточно компактной грудой и, без сомнения, находились в одном погребении. Последнее не сохранилось, но может быть отнесено к памятникам салтово-маяцкой культуры.

В этом погребении было найдено: пятнадцать удил с псалиями S-видной формы. У четырех удил концы псалий оформле-

ны в виде лошадиных головок. Семь железных аркообразных стремян относятся к одной типологической группе и отличаются только размерами. Высота стремян различная: от 14,7 до 16,2 см. Ушко трапециевидное, прорезь для путлища прямоугольная, а место сочленения ушка с дужкой заужено. Подножка ленточная, укреплена снизу одним жгутом. 35 бронзовых бубенчиков грушевидной формы, спаянных из двух вертикальных штампованных половинок, с одной прорезью внизу и с «горошиной» внутри. Поясной набор, состоящий из бронзовой маленькой пряжки с подвижным язычком, золотых бляшек и серебряного позолоченного наконечника с обоймочкой. Сохранилось 45 бляшек. Выполнены они из тонкой медной или бронзовой основы и обложены золотой фольгой. Большинство бляшек квадратной формы с выпуклым четырехлепестковым орнаментом. Края бляшек скошены. Вторая разновидность бляшек—прямоугольные. Техника изготовления та же. На каждой бляшке отпечатан дважды один и тот же декор: соединенные перехватом два изогнутых стебля. Серебряный позолоченный наконечник прямоугольной формы с закругленным нижним краем и прямым верхним. На верхнем конце его по углам расположены две маленькие петельки для крепления. Верхняя пластина наконечника украшена растительным орнаментом, который состоит из изогнутых стеблей, соединенных перехватом по двое. Стебли заканчиваются листьями, а от места соединения стеблей отходит стилизованный цветок, состоящий из завитков. К поясному набору относится и позолоченная серебряная резная обоймочка, которая крепилась к ремню при помощи заклепок.

Кроме маленькой поясной пряжки обнаружены еще пять бронзовых прямоугольных пряжек и две железные: одна—большая пряжка прямоугольной формы, вторая—круглая с подвижным язычком. Железные пряжки, вероятнее всего, подпружные. Особо стоит упомянуть две бляшки. Одна—золотая, треугольной формы, углы ее закруглены, украшена выпуклым орнаментом. На бляшке имеется два отверстия, она нашивная. Вторая — круглая, бронзовая, диаметром 6 см, в центре украшена восьмилепестковой розеткой, вокруг которой орнамент из выпуклых точек и растительный орнамент из изогнутых, соединенных по двое стеблей. Еще одно украшение выполнено из золота в виде маленького колеса с шестью спицами-лучами [6]. Оно напоминает солнечные амулеты, широко представленные в салтово-маяцких древностях. Шестилучевая композиция часто использовалась в качестве гончарных клейм [6].

В комплекс находок входило и два металлических сосуда: бронзовый кувшин без ручки и бронзовое блюдо, покрытое свер-

ху белым сплавом. Блюдо полусферической формы, без поддона, дно круглое, край утолщен и загнут слегка внутрь. В центре в очерченном круге помещена вдавленная розетка из 8 округлых лепестков, аналогичная розетка есть на большой бронзовой бляшке.

Среди находок были такие, назначение которых определить не удалось. Это бронзовые позолоченные предметы, названные нами навершия. Пять наверший одинаковой формы. Каждое состоит из пологого шара диаметром 8,5 см и припаянной к нему трубочки длиной 7 см. Шестое — кубкообразное, но без дна.

Не ясно назначение и самых значительных и интересных находок этого памятника — двух разборных прямоугольных конструкций, каждая из которых состоит из четырех железных пластин с острым нижним краем. Лучше сохранилась меньшая. Ее размеры 63,5×76 см, при высоте пластин 11 см. Пластины соединяются при помощи разъемных петель и железных стержней, которые вставляются в эти петли. Стержни прикреплены цепочкой к соответствующей пластине. Некоторые из петель имеют следы починки — результат их долговременного использования. Размеры второй конструкции — 92×98 см при высоте пластин 14—15 см. Набор из меньших пластин симметрично входит в пространство, ограниченное большими пластинами, однако трудно решить, являются ли обе конструкции частями одного предмета или же они использовались каждая самостоятельно. Вероятнее последнее, так как у них нет соединительных приспособлений.

Кроме того, в кургане обнаружены штыри с подвижными кольцами, железная полая трубочка, бронзовая лента, соединенная в кольцо железной заклепкой, золотая лента, бронзовая позолоченная лента, железный треножник.

Вопрос о датировке погребения у слободы Большая Орловка в значительной мере решается благодаря находке золотого солида Тиберия III (695—705 гг.) [8]. В монете имеется отверстие для подвешивания. Монета, таким образом, использовалась в качестве украшения, но следует подчеркнуть, что следы сильной потертости на ней отсутствуют. На монете четкий оттиск штампа. Хорошо просматриваются детали лица императора, его одежды, изображение всадника на щите. Хорошая сохранность монеты свидетельствует о том, что она была выпущена незадолго до времени захоронения.

Таким образом, погребение можно датировать VIII в., вероятнее всего, его первой половиной. Это в основном подтверждают и другие находки. Двусоставные железные удила с S-видными псалиями распространены в степных районах с VII до на-

чала IX в. Встречаются подобные удила и псалии в аварских, аланских и тюркских древностях VII—IX вв. [3]. Аналогию псалиям со стилизованным изображением головы коня мы находим среди псалиев из Новопокровского могильника [4].

Железные стремена, аналогичные найденным, также были широко распространены в раннем средневековье в Восточной Европе. Найдены они и в Новопокровском могильнике. Находки подобных стремян особенно многочисленны в могильниках салтово-маяцкой культуры.

Принадлежность рассматриваемого погребения к памятникам салтово-маяцкой культуры подтверждается, кроме стремян и удил, бронзовыми бубенчиками. Бронзовая поясная пряжка имеет аналогию среди находок Дмитриевского могильника [6; 4]. Наконец, следует учитывать, что территориально погребение находилось в ареале салтово-маяцкой культуры.

В то же время в погребении присутствовали вещи иного происхождения. На поясе погребенного находилось 45 бляшек с растительным орнаментом, нехарактерным для салтовских наборов [6], но широко известным в Средней Азии [7]. То же можно сказать и о большой бронзовой бляхе [5]. Явно не салтовского происхождения и большое металлическое блюдо с розеткой в центре. И все же наличие этих вещей не определяет общий культурный облик погребения.

Курганных погребений салтово-маяцкой культуры на Нижнем Дону известно немного. Большеорловское является среди них наиболее богатым как по составу, так и количеству вещей. Обилие железных вещей прекрасной работы, множество бронзовых бляшек, покрытых золотой фольгой и прочее заставляет вспомнить находки в погребении VII—VIII вв. с трупосожжением у села Вознесенки, на Днепре [1]. Нет сомнений и в сходстве с уже упоминавшимся Новопокровским могильником. И, наконец, следует указать на определенное сходство в составе инвентаря с могильником на реке Дюрсо, под Новороссийском [2].

К сожалению, случайность находки определила плохую документацию комплекса. Это не позволяет с достаточной уверенностью судить о его этнической характеристике, хотя ясно, что оно принадлежало одной из групп населения, входивших в состав Хазарского каганата.

Литература

1. Грінченко В. А. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі. — Археологія, т. 3. Київ, 1950.

2. Дмитриев А. В. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо. — КСИА АН СССР, вып. 158, 1979.
3. Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв. — САИ, вып. Е1-36. М., 1973.
4. Кухаренко Ю. В. Новопокровский могильник и поселение. — Археологія, т. 6. Київ, 1952.
5. Маршак Б. И. Согдийское серебро. Л., 1971.
6. Плетнева С. А. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142.
7. Распопова В. Н. Поясной набор Согда в VII—VIII вв. — СА, 1965, № 4.
8. Wroth W. Catalogue of the imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908, v. 2, pl. XL, № 8.

А. И. Романчук

САЛТОВО-МАЯЦКИЕ ПАМЯТНИКИ В КРЫМУ

Свердловск

В письменных источниках крымской истории VII—IX вв. имеются сведения о хазарах: хазарский отряд пришел на помощь жителям Херсонеса, боровшимся против Юстиниана II [5], некоторое время в городе находился хазарский тудун, что М. И. Артамонов считал показателем зависимости Херсонеса от Хазарского каганата [1]. В то же время хазары, являясь ближайшими соседями города, совершали набеги на округу [6]. Наличие в Херсонесе этой сложной в этническом отношении группы нашло отражение и в памятниках материальной культуры, немногочисленных для самого Херсонеса [12], но более значительных для других районов Крыма.

Среди памятников салтово-маяцкой культуры С. А. Плетнева выделяет крымский вариант [7]. Продолживший изучение этого варианта И. А. Баранов пришел к выводу, что появившиеся в Крыму болгары, носители салтовской культуры в Крыму, заселили прежде всего те районы полуострова, где отсутствовало аборигенное население (опустошенный в предшествующий период восточный Крым), и поскольку они заняли разграбленные и опустевшие земли, пришельцы не восприняли местных традиций [2]. В юго-западном Крыму, более плотно заселенном в VII—VIII вв., число салтовских поселений было значительно меньше. Материалы раскопок экспедиции Уральского университета в юго-западном Крыму подтвердили, что в этом районе отдельные элементы салтово-маяцкой культуры встречаются во многих памятниках. И характерно то, что новое на-

:еление селилось не всегда на пустом месте, а по соседству с функционирующими поселениями, воспринимая от жителей этих поселений некоторые элементы их культуры. Показательными в данном отношении являются раскопки небольшого могильника и храма, расположенного в 500 м к югу от городища Бакла, заселенного с IV до XIII в. [9]. Могильник был открыт в 1970 г. О. А. Махневой, раскопавшей три могилы и один склеп. В 1974—1975 гг. Баклинский отряд экспедиции Уральского госуниверситета продолжил изучение могильника и расположенного здесь храма (руководитель отряда В. Е. Рудаков). В ходе раскопок было открыто еще четырнадцать могил, расположенных внутри храма и рядом с ним.

Ширина храма 5,4 м (по внутреннему обмеру), к востоку от западной стены, параллельно ей, на расстоянии 3,40 м расположена внутренняя стена. На территории между этими двумя стенами размещено наибольшее количество могил. Восточная часть храма разрушена в новое время. Стены храма были возведены без фундамента, плиты перекрытия могил служили вымосткой пола здания в период его функционирования. Храм имел двускатное черепичное перекрытие, после разрушения которого черепица упала на юго-запад и северо-запад.

В скоплении черепицы кровли храма сохранились фрагменты от 118—120 керамид (57,9% фрагментов от всего числа черепицы) и около 100 калиптеров.

Наибольший интерес представляют керамиды и калиптеры с метками. Метки, как правило, невысокого рельефа (0,4—0,5 см). Всего обнаружено 25 меток, из них керамидам принадлежат 9 меток. Наибольшим количеством представлена метка в виде буквы Е — 7 экземпляров, эта метка хорошо известна по раскопкам на городище Бакла [11] и других памятниках юго-западного Крыма [13]. Только на калиптерах встречены метки в виде тамгообразных знаков. Некоторые из них нигде, кроме Баклы, до сих пор не встречались [11].

Храм, покрытый черепицей с метками, характерен для сельских поселений юго-западного Крыма и ничего общего не имеет с носителями салтовской культуры. Но некоторые материалы, обнаруженные во время раскопок могил, хорошо известны по раскопкам С. А. Плетневой на Дону.

Все могилы были перекрыты известняковыми плитами, такими же плитами, но более небрежно отесанными, обложены могильные ямы. Глубина и размеры могильных ям близки между собой, исключение составили две могилы № 3 и № 12. Эти могилы были удлинены, одна из них разделена плитой и, вероятно, предназначалась для двух детских захоронений, но остат-

ки детского костяка сохранились только в вырытой позднее восточной части. В 12 могиле детский костяк помещен у ног женского скелета. На плитах обкладки некоторых могил сохранились следы обмазки.

Обряд захоронений, характерный для Баклинского могильника, близок к известному по материалам Подонья, но в то же время имеет и отличия. Прежде всего в салтовских могильниках, изученных С. А. Плетневой, не встречено могильных ям, облицованных плитами [7], для районов Подонья характерно наличие скорченных женских захоронений [7], которые отсутствуют в описываемом могильнике. Прослеживаются различия и в инвентаре, в целом очень немногочисленном. Если говорить об элементах, типичных для салтовских захоронений, то особый интерес представляет могила № 4. В ней открыто двойное (мужское и женское) захоронение. Мужской костяк был отодвинут к северной стенке во время совершения вторичного захоронения. Найдены: принадлежность поясного набора воина, так называемый самовачик [7], пряжка с остатками кожи, бронзовый бубенчик, остатки кожаной обуви, две золотые серьги в виде виноградной грозди, выполненной зернью (помещены на проволочном кольце). Найдены также костяная ручка ножа, в юго-западном углу могилы стоял небольшой двуручный кувшинчик, украшенный концентрическими окружностями — роспись белым ангобом [3]. Кроме того, в других могилах были обнаружены: серебряный перстень с вставкой из стеклянной пасты красного цвета, закрепленной четырьмя лапками [7], бронзовые бубенчики, бронзовый предмет пирамидальной формы [4]. Следует отметить находки бусин и костяного амулета в двойном женском и детском погребении.

На основании этих находок период функционирования храма и совершений захоронений следует отнести к концу VIII—IX вв.

Следует обратить внимание на то, что инвентарь погребений имеет как общие черты, так и отличия от единовременных салтовских комплексов Подонья, отличается также обряд захоронений, а самое главное — в качестве места для размещения могил используется территория храма. Все перечисленные отличия, вероятно, были вызваны влиянием местных традиций, поскольку пришедшее в район Баклы новое население осело не на пустом месте и не могло не вступить в контакты с земледельцами, обитавшими на этой территории раньше. Следует отметить, что и во время раскопок Баклинского городища встречаются сосуды, относимые к кругу салтово-маяцких памятников [10]. Если рассматривать и другие памятники Крыма, где име-

ются находки, характерные для салтово-маяцкой культуры [8], то также можно отметить, что процесс взаимодействия местного населения и пришедшего в Крым был обоюдным, именно это и привело к образованию ее крымского варианта.

Литература

1. Артамонов М. И. История захар. Л., 1962.
2. Баранов И. А. Ранние болгары в Крыму (локальный вариант салтово-маяцкой культуры). Автореф. канд. дис. Киев, 1977.
3. Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы). — СА, 1958, № 28.
4. Марти Ю. Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. — МИА, 1941, № 4.
5. Никифор. Хроника. — ВВ, 1950, № 3.
6. Памятники христианского Херсонеса, вып. 2. М., 1911.
7. Плетнева С. А. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142.
8. Романчук А. И., Омелькова Л. А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек. — В кн.: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.
9. Рудаков В. Е. Исследования Баклинского городища в 1971—1972 гг.— В кн.: Античная древность и средние века, вып. 11. Свердловск, 1975.
10. Рудаков В. Е. Элементы салтово-маяцкой культуры на посаде Баклинского городища. — В кн.: Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.
11. Талис Д. Л. Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища.— СА. 1968, № 2.
12. Тахтай А. К. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 г. — ХС, вып. 4. Симферополь, 1948.
13. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики. — МИА, 1970, № 168.

Е. И. Савченко

ХРОНОЛОГИЯ КРЫМСКОГО МОГИЛЬНИКА

Ростов-на-Дону

Наиболее исследованным районом распространения раннесредневековых памятников на территории Подонья являются верховья Северского Донца с его притоками и зона затопления Цимлянского водохранилища. Менее изучена территория от устья Северского Донца до Северного Приазовья.

За последние годы на Нижнем Дону обнаружен и исследован целый ряд раннесредневековых памятников, давший богатый и интересный материал: Семикаракорское городище, поселение у станицы Богоявленской, Крымский комплекс, могиль-

ники у станицы Багаевской и Заплавской, одиночные погребения у хуторов Алитуба, Недвиговки, у Броницкой переправы. Заметное место здесь занимает так называемый Крымский комплекс, состоящий из двух городищ, четырех синхронных ему селищ и ямного могильника.

Первое городище перекрыто современным хутором, культурный слой разрушен его постройками, но еще в 30-х гг. местные жители находили остатки фундаментов стен. Второе городище располагается западнее хутора Крымского, на одной из возвышенностей, образованной отрогами Крымской балки. С севера и востока оно ограничено широкими балками, с запада — оврагом, с юга — рвами шириной до 10 м. Селища раскинулись по холмам вокруг городища, их площадь до 10 тыс. м^2.

Могильник расположен между городищами на правом высоком берегу реки Сухого Донца в 500 м от береговых обрывов на северо-западном склоне большой балки, со всех сторон ограничен балками и оврагами. Поверхность ровная, никаких внешних признаков могил на ней не прослежено. Гумусный слой не превышал 0,4 м, ниже идет «казачий слой», под ним располагается светло-коричневая супесь, которая прорезана могилами. Выкидов из могильных ям на древней дневной поверхности не обнаружено. Вероятно, земля из выкопанной ямы плотно утрамбовывалась в нее после захоронения, и поверхность над могилой и вокруг тщательно выравнивалась. Могильные ямы располагались почти правильными рядами в направлении север — юг. Этот порядок ни разу не нарушался. Вероятно, имелись какие-то внешние сооружения, которые возвышались над погребениями.

Могильные ямы двух типов: подпрямоугольные со слегка закругленными углами (53%) и овальные или близкие к ним (41%). Размеры погребений зависели от размеров погребенных, т. е. в маленьких ямах хоронили детей, в больших — взрослых, глубина ям не зависела от возраста погребенных. Всего нами исследовано 145 погребений: мужских — 58, женских — 46, детских — 23, кенотафов — 3, неопределенных — 5, боевых лошадей — 10. За 100% принято 130 погребений.

В основе конструкции могильного сооружения лежит простая яма, однако есть и заплечики вдоль длинных сторон и подбои в коротких. Могилы с заплечиками перекрывались деревянными плахами, которые располагались поперек ямы. Перекрытия изредка встречались и в ямах с отвесными стенками, в этих случаях плахи вставлялись в распорку между длинными стенками. Подобный обряд наблюдается на Волге (могильники Больше-Тарханский, Китбельский) [3] и на Северном Кавка-

зе [6; 8]. Одно из погребений (№ 107) обложено по дну прямоугольными каменными блоками. Аналогичная конструкция встречена на могильнике у города Каменска-Шахтинского, вблизи Рыгинского городища [4], у станицы Багаевской [1], известен он и в Саркельском могильнике [2].

Положение погребенных во всех ямах однотипно: вытянуто на спине, с вытянутыми руками (60%), правая кисть на костях таза, левая вытянута (22%), левая кисть на костях таза, правая вытянута (13,3%); ноги вытянуты (31%), слегка согнуты в коленях (52%). У костяков с вытянутыми руками ноги всегда согнуты в коленях. Основная ориентация погребенных западная, западно-северо-западная, северо-западная — летние сезонные отклонения (угол отклонения не превышает 42°). Этот факт является одним из косвенных доказательств оседлости населения, оставившего могильник, и объединяет его с могильниками в Зливках и Саркеле [4]. Западная ориентировка преобладает в Больше-Тарханском могильнике [3], немногочисленные случаи отмечены и в Верхнечирюртовском могильнике [8]. Под взрослыми костяками часто прослеживается подстилка из камыша или чакана, в детских она не обнаружена. В некоторых погребениях на дне располагалась угольная подсыпка. Этот обряд, вероятно, связан с культом огня, признаки которого мы находим в Нови-Пазарском [7] и в Волоконовском [5] могильниках. Он же встречен у алан — соседей болгар.

Большинство погребений — безынвентарные (63%), остальные характеризуются скудностью вещевого инвентаря. Он ограничивается скромным набором бытовых предметов и украшений: ножи, кресала, точильные бруски, железные пряжки, поясные наборы, пряслица, игольники с железными иголочками, горлышки бурдюков, копоушки, печатки, подвески типа «самовачик», браслеты, перстни, бубенчики, амулеты, бусы. Женщины захоронены с украшениями, иногда кроме украшений положен нож; мужчины с предметами быта, изредка с оружием (топор, кинжал, наконечники стрел).

В изголовье — остатки мясной пищи (прослежена в 23 погребениях) — преимущественно баранина, конина положена только в одном погребении.

Сосуды встречены в 47 погребениях: в 30 могилах находилось по одному сосуду, в 16 — по два, в 1 — три. Располагались они, как правило, в головах покойника, слева — лощеная посуда, справа — кухонная. Керамический материал подразделяется на две основные группы: лощена (столовая, парадная) и кухонная (кружальная и лепная). Соотношение типов посуды: кувшины — 44%, кружки — 15%, горшки кружальные —

17%, лепные горшки — 24%. Кувшины покрыты простым лощением — прямыми вертикальными полосками, кружки — чаще всего без орнамента. На дне сосудов изредка встречаются клейма. Кружальные горшки покрыты линейным врезным орнаментом, на венчике орнамент в виде косой насечки. Лепная посуда не орнаментирована, изредка украшен венчик: пальцевые вдавления, косые насечки.

Большинство типов керамики находят многочисленные аналогии в древнеболгарских могильниках Волги (Больше-Тарханский), Болгарии (Нови-Пазар, Плиска), Кубани (Казазово) и Нижнего Дона (Багаевский). Однако довольно большой процент лепных горшков, наличие кружек, округлое шаровидное тулово, высокая петлевидная ручка, выступающая над венчиком и тяжелое днище некоторых кувшинов говорит об архаичности некоторых форм керамики, а следовательно, и об «архаизме» погребений. Инвентарь погребений имеет как общие черты, так и отличия от аналогичных древнеболгарских могильников. Заметна разность погребального обряда и разнотипность инвентаря Крымского могильника. Анализ погребального обряда, керамики и инвентаря дает нам возможность выделить две хронологические группы: ранняя (VIII—начало IX вв.) и поздняя (IX—начало X вв.), хронологического разрыва между этими группами не существовало. Наличие ранней хронологической группы погребений выделяет Крымский могильник среди раннеболгарских комплексов Подонья. На позднем этапе обряд погребений Крымского могильника и сопровождающий инвентарь полностью можно сопоставить с болгарскими памятниками Дуная, Дона, Среднего Поволжья и Прикубанья.

Важнейшей особенностью Крымского могильника являются погребения боевых лошадей (7% от общего числа погребений), совершенные в собственных подпрямоугольных или овальных ямах, на боку с подогнутыми ногами. Все лошади взнузданы, со стременами, некоторые оседланы, изредка рядом лежит вооружение — сабля. В известных древнеболгарских могильниках находили сбруи и чучела коня, но это абсолютно другой обряд, который связан с социальными изменениями в степях Подонья в IX—X вв. В нашем же случае интересно отметить связь некоторых мужских погребений с боевыми поясами с погребениями боевых лошадей. Здесь подтверждается вывод С. А. Плетневой о делении населения Подонья в VIII—IX вв. на два класса, один из которых составляли земледельцы, ремесленники и беднейшие кочевники, другой — всадники, имеющие право носить боевой пояс [5].

Выделение двух хронологических групп Крымского могильника позволяет более точно датировать древнеболгарские могильники Подонья и решить вопросы, связанные с хронологией болгарских памятников Северного Кавказа.

Литература

1. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. — ИГАИМК, вып. 131, 1935.
2. Артамонова О. А. Могильник Саркела — Белой Вежи. — МИА, 1963, № 109.
3. Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
4. Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.
5. Плетнева С. А., Николаенко А. Г. Волоконовский древнеболгарский могильник. — СА, 1976, № 3.
6. Сиротенко В. Т. Основные теории происхождения древних булгар и письменные источники IV—VII вв. — Уч. зап. Пермск. гос. ун-та, т. 20, вып. 4. Пермь, 1961.
7. Станичев С. Р. Новый памятник ранней болгарской культуры. — СА, 1957, № 27.
8. Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.

П. А. Ларенок

ХРОНОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО СЛОЯ ГОРОДИЩА САМБЕК

Ростов-на-Дону

В археологической литературе первые сведения о памятниках по правобережью устья реки Самбека, впадающей в Азовское море, были опубликованы донским краеведом М. А. Миллером в 1927 г. По его мнению, комплекс памятников к югу от села Вареновка состоял из поселений эпохи бронзы и раннего железа, двух средневековых городищ — с кольцевыми укреплениями у морского обрыва и с прямоугольными валами к северу в 300 м от 1 городища [4]. Он писал, что, возможно, 1 Самбекское городище представляет собой форт правительственной византийской постройки того же времени, что и Саркел [4].

А. А. Миллер, который в 1926 г. открыл Самбекский комплекс памятников, подводя итоги работ Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК 1926—1927 гг., более осторожно интерпретирует сделанные находки. Так, на втором городище он отмечает

некоторые неровности почвы, однако не берется утверждать, что едва приметные для глаза холмики являются остатками вала или иных древних сооружений [3]. О датировке памятников он писал, что подъемный материал представляет собой, почти без исключения небольшие фрагменты керамики, среди которых выделяются хорошо выраженные амфоры средневековой эпохи. Один фрагмент может быть отнесен и к более раннему времени, именно к первым в. н. э., но эта находка осталась единичной [3]. В 30-е гг. памятник обследовал М. И. Артамонов. Вслед за А. А. Миллером он связывал Самбек с Семикаракорским городищем. Подъемный материал был разделен на три периода: 1) эпоха бронзы; 2) салтовское время (типа поселений Золотой Косы); 3) время средневекового слоя Кобякова городища. К салтовскому времени М. И. Артамонов относил первое городище, но не считал его укреплением [1].

В 1961 г. городище осмотрела С. А. Плетнева, а И. С. Каменецкий заложил там шурф. 1 городище С. А. Плетнева отнесла к петровской эпохе (по керамике XVIII в., собранной на поверхности) [6]. Позднее, в списке памятников салтово-маяцкой культуры С. А. Плетнев у хутора Вареновки помещает кочевье [8]. В 60—70-е гг. памятники в устье реки Самбеи неоднократно осматривались донскими археологами (В. С. Флеров, В. В. Чалый, В. Я. Киянко, А. К. Гамаюнов). С 1975 г. экспедиция Ростовского областного отделения ВООПИиК и Ростовского областного музея краеведения ведет охранные раскопки в зоне разрушений морского обрыва на территории 1 городища.

Археологические памятники правобережья устья реки Самбека расположены в полуторакилометровом промежутке между южной окраиной села Вареновка Неклиновского района Ростовской области и северным берегом Таганрогского залива. Комплекс памятников складывается из поселения позднего бронзового века, занимающего площадь длиной 800 м с севера на юг, и шириной около 300 м, у южной окраины села Вареновки и средневекового поселения, покрывающего эту площадь и продолжающегося вплоть до берега моря. В южной части средневекового поселения расположено 1 Самбекское городище с кольцевыми укреплениями.

Следы 2 городища с прямоугольными валами не были выявлены ни одним исследователем после А. А. Миллера.

Укрепления 1 городища складываются из вала (диаметр по гребню 84 м, высота — 1 м), в северо-восточной части которого оставлен проход шириной 2 м. За валом расположен ров, который отделен от вала кольцевой площадкой шириной 9 м. Ширина рва 15,4 м, глубина — 1—1,4 м. Ров опоясывает «ци-

тадель» — площадку диаметром 28,6 м. Цитадель соединена с кольцевой земляной перемычкой, оставленной в северной части рва. Южная часть городища (около трети) уничтожена осыпями морского обрыва.

Исследования экспедиции велись в южной части городища и к северо-востоку от него вдоль берега реки Самбека. Исследована большая часть цитадели, участки вала, рва и кольцевой площадки — исследованная площадь 540 м². Площадь в 100 м² раскопана вдоль берега реки Самбека.

На участке вдоль берега реки Самбека зафиксировано 3 горизонта: XIX — начала XX в., средневекового времени и эпохи бронзового. Видимо, это второе поселение позднебронзового века. По данным шурфовки, между поселением у южной окраины хутора Вареновки и поселением у морского обрыва разрыв около 400 м. В южной части городища четко выделяются два горизонта, разделенные хорошо читающимся слоем погребенной почвы. Верхний горизонт состоит из переотложенного культурного слоя, перемещенного при сооружении рва и башни цитадели[1] и строительных остатков. По находкам керамики (бело- и красноглиняная поливная и расписная), нумизматическим (копейка 1757 г., две деньги 1743 г.) верхний горизонт, а значит, и кольцевые укрепления, известные как 1 городище, датируются серединой — второй половиной XVIII в. Данные, полученные в результате раскопок хорошо согласуются с картами второй половины XVIII в., хранящимися в Таганрогском городском краеведческом музее, где на правобережье устья реки Самбека изображен «Круглый редут», прикрывающий дорогу по морскому побережью из Троицкой крепости в крепость Дмитрия Ростовского.

Нижний горизонт представлен средневековыми остатками, среди которых встречено значительное количество переотложенных кремневых отщепов, пластин и орудий, верхнепалеолитического и энеолитического облика. Таким образом, Самбекское городище — многослойное поселение.

Средневековый слой на вскрытых участках невелик — 0,4—0,8 м. Исследованы остатки двух полуземлянок, пятидесяти хозяйственных ям и одно погребение в круглой яме.

Полуземлянки разрушены: южная часть первой — обвалом берега, вторая — частично срезана при строительстве башни. Судя по сохранившимся частям, они были подпрямоугольными в плане, заглубленными около 1 м в материковую глину. Вход

[1] Стены башни разобраны к XIX — началу XX вв. местными жителями. Прослежена лишь часть кладки у входа, выполненной на известковом растворе.

в виде прокопанного ступенчатого желоба находился в первой полуземлянке с севера, во второй — с востока. В полуземлянке первой обнаружен овальный очаг, впущенный под западную стенку на полметра ниже уровня пола.

Особенностью второй полуземлянки является уступ шириной 1—1,5 м, вырубленный в южной стенке. По краю уступа с севера врезаны два очага диаметром 0,3 м и глубиной 0,35—0,4 м. Эти очаги, возможно, функционально близки к печам стекольного производства, открытым у западной крепостной стены городища Плиска, в комплексе IX—X вв. [11]. В самой полуземлянке остатков производства не обнаружено, но в слое и в ряде хозяйственных ям найдено большое количество стекловидного шлака.

Третий очаг имел вид овального лепного блюда и был расположен в северо-восточной части второй полуземлянки. Под ним прослежена яма колоколовидной формы с зольным заполнением.

Конструктивные особенности полуземлянок находят аналоги в салтово-маяцкой культуре Нижнего Дона [2] и балкано-дунайской культуре [10]. Хозяйственные ямы представлены двумя видами: ямы с отвесными стенками (68%) и ямы колоколовидной формы (32%).

В трех ямах обнаружены погребения собак: в яме 43-1 захоронение собак и поросенка со сломанными хребтами, в яме 44-1 захоронение собак без головы и нижних частей лап, в яме 24-1 захоронение собаки на слое обожженного зерна.

В яме (8-1) округлой формы (диаметр — 1 м, глубина — 0,45 м) с обычным мусорным заполнением обнаружено погребение человека. Умерший был захоронен скорченно на спине, головой на юго—юго-запад.

Погребения людей в круглых ямах также находят аналоги в салтовских памятниках [8] и в памятниках балкано-дунайской культуры [9].

Подавляющее число находок, сделанных при раскопках, — это фрагменты керамики. Тарная керамика представлена двумя большими хронологическими группами амфор: IX—X вв. и XI—XIII вв. По характеру примесей в глине выделяют 4 вида: с примесью 1) шамота; 2) известковых включений; 3) мелкого песка и слюды и 4) черного дробленного сланца. Последний вид примеси характерен только для амфор второй хронологической группы.

Столовая лощеная керамика на памятнике немногочисленна (около 3%). Выделяются две группы: серо- и краснолощеная. Первая группа близка к салтовским древностям. Вторая

находит аналоги в столовой керамике Белой Вежи и Тмутаракани X—XIII вв. [7; 5] и азовской краснолощеной XIII—XIV вв. Кухонная гончарная керамика в основном представлена фрагментами горшков древнерусского типа. Незначительная часть фрагментов с линейно-волнистым орнаментом близка к салтовской посуде. Кухонная лепная керамика в подавляющем большинстве — лепные горшки и котлы с внутренними ушками салтовского облика.

Различные группы керамики залегают неравномерно. Выделяются три больших участка.

1. Восточный (раскоп «А» вдоль берега реки Самбека). Лепная керамика практически отсутствует. Фрагменты амфор составляют около 60% находок, преобладают амфоры второй хронологической группы. Гончарная керамика представлена горшками древнерусского облика и краснолощеной керамикой «азовского» типа.

2. Центральный (район цитадели, квадраты 1—8, 30—46). Фрагменты амфор обеих хронологических групп составляют около 50% находок. Гончарная (30%) и лепная (20%) керамика залегает вперемежку в одном слое, но в хозяйственных ямах, как правило, кухонная керамика либо представлена древнерусскими типами, либо салтовскими. Отметим, что под очагом 3 во второй полуземлянке были найдены фрагменты котлов с внутренними ушками, в то время как сама полуземлянка насыщена керамикой древнерусского облика.

3. Западный (западная часть кольцевой площадки и вала редута, квадраты 10—24). Фрагменты амфор составляют 45—50%, лепная керамика на 5% преобладает над гончарной. Около 20% гончарной керамики в основном салтовского облика.

Отметим также, что именно на центральном и восточном участках сконцентрированы почти все находки металлических изделий: фрагменты бронзовых зеркал, бронзовых пуговиц, бубенцов, железных ножей, серпа и замка с наварным орнаментом, суммарно датирующиеся X—XIII вв. Здесь же найдены почти все фрагменты стеклянных браслетов и бусин.

Сильная фрагментарность собранного материала, а также то, что большая часть исследованной площади повреждена сооружениями XVIII—XX вв., не позволяет пока более точно определить время.

Для уточнения хронологии Самбекского средневекового поселения могут послужить две гипотезы: на памятнике два средневековых слоя — салтовский и древнерусский; средневековый слой поселения оставлен смешанным населением, сохранившим

«салтовские» традиции и воспринявшим древнерусские. Тогда этот памятник аналогичен по своему характеру поселениям балкано-дунайской культуры.

Литература

1. Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. — ИГАИМК, вып. 131, 1935.
2. Белецкий В. Д. Жилища Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75.
3. Миллер А. А. Археологические работы Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1926 и 1927 гг. — СГАИМК, вып. 2, 1929.
4. Миллер М. А. Самбекское городище. — ЗСКОАИЭ, I (III), вып. 2, 1927.
5. Плетнева С. А. Керамика Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75.
6. Плетнева С. А. Отчет Северо-Донецкого отряда о работах летом 1961 г. Разведка в Таганрогском районе. — Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2242.
7. Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.
8. Плетнева С. А. От кочевий к городам. — МИА, 1967, № 142.
9. Хынку И. Г. Кэпрерия — памятник культуры X—XII вв. Кишинев, 1973.
10. Хынку И. Г. Жилища на территории Молдавии. — В кн.: Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
11. Дончева-Петкова Л., Златинова Ж. Стекларска работилница край западната крепостна стена в Плиска. — Археология, 1978, № 4.

В. А. Числова

ПОЛИВНАЯ КЕРАМИКА В КУРИЧАНСКОМ ПОСЕЛЕНИИ

Ростов-на-Дону

Поселение Куричи было открыто в 1978 г. экспедицией Ростовского областного музея краеведения на берегу Таганрогского залива в селе Приморке Неклиновского района Ростовской области. Памятник расположен на полуторакилометровой полосе обрыва между самим селом Приморка и его хутором (западная окраина) Куричи или Куричанская коса. Памятник интенсивно разрушается обвалами морского берега и в настоящее время сохранившаяся ширина поселения не превышает 30—40 м. Мощность культурного слоя — 0,8 м.

Экспедицией были проведены небольшие охранные раскопки (исследованная площадь — 25 м^2). Предварительная датировка памятника — XI—XII вв., т. е. он относится к такой

группе памятников, как поселения Самбек, Казачий Ерик, Потайновское, Саркел—Белая Вежа.

Среди находок Куричанского поселения особый интерес представляют фрагменты поливной керамики, обнаруженные в комплексах хозяйственных ям и жилища. Основная часть керамики представлена мелкими обломками, которые вообще невозможно отнести к какому-либо типу. Меньшая часть — фрагменты небольших по диаметру блюд или тарелок и сильнопрофилированных тонкостенных чаш.

Поливная керамика поселения представлена двумя группами: белоглиняная и красноглиняная посуда. Кроме того, на поселении обнаружено два фрагмента сероглиняной керамики: фрагмент стенки чаши с рисунком коричневого цвета по внутренней поверхности сосуда, рисунок сохранился частично, кроющая полива бесцветная, на внешней стороне хорошо видны следы формовки на гончарном круге, фрагмент покрыт бесцветной поливой. Тип описанных обломков сосудов установить не удалось.

Первая группа — белоглиняная поливная керамика, имеющая белый или розовый черепок, представлена шестнадцатью фрагментами. Морфология десяти из них неопределима.

Наибольший интерес представляют следующие фрагменты.

1. Дно небольшой чашечки с клеймом в виде двух концентрических окружностей, соединенных перемычкой. Полива не сохранилась.

2. Часть венчика чаши. Рисунок росписью расположен по внутренней и внешней стороне в виде пятен неправильной формы коричневого цвета. Кроющая полива желто-коричневая. По классификации Т. И. Макаровой, это безконтурная роспись брызгами [1]. Аналогичные фрагменты известны из раскопок в Керчи, Киеве, Саркеле—Белой Веже, из комплексов XII—XIII вв. [1].

3. Фрагмент тонкостенной чаши сложного профиля. Бесконтурная роспись по внешней стороне выполнена в зелено-коричневых тонах. Рисунок в виде пятен, окружностей, ломаных линий коричневого цвета полностью восстановить не удается. Пространство внутри окружностей заполнено зеленым цветом. Кроющая полива прозрачная, покрывает и внутреннюю часть чаши.

К этому типу относится еще 4 черепка. Аналогичная посуда обнаружена в Тмутаракани, Саркеле—Белой Веже, Вышгороде, селе Днепровском [1], в Симеизе и Херсонесе [2] в слоях IX—XIII вв. Исследователи единодушно определяют белоглиняную керамику как византийский импорт [1].

Вторая группа поливной посуды представлена красноглиняной керамикой.

1. Фрагмент дна небольшого толстостенного блюда. Орнамент прочерчен по белому ангобу в виде четырех концентрических окружностей. Пространство между внешним и следующим за ним внутренним кольцом заполнено волнистой линией. Кроющая полива светло-желтого цвета. Аналогии мы находим в Тмутаракани в слоях XII—XIII вв. [1]. На крымских памятниках этот тип наиболее распространен в XIV—XV вв. [2].

2. Фрагмент стенки сосуда с орнаментом, выполненным в выемчатой технике. Орнамент нанесен с внутренней стороны. Поверхность под рисунком покрыта белым ангобом. Кроющая полива бесцветная. Подобная керамика известна в слоях XII—XIII вв. Тмутаракани и Казачьего Ерика [1].

Относительно белоглиняной поливной керамики существует единое мнение исследователей о византийском происхождении. Более всего она была распространена в IX—XI вв. [1; 2].

Типы красноглиняной керамики, аналогичные описанным Т. И. Макаровой, также характеризовались как византийский импорт — XI—XIV вв. Однако последние исследования в Крыму вносят существенную поправку как в датировку, так и в определение места изготовления этой посуды. Красноглиняная поливная керамика рассматривается как местная, производство которой осуществлялось не только в Херсонесе, но и на поселениях побережья. Наибольшее ее распространение — в XIV—XV вв.

Находки поливной керамики на поселении Куричи обнаружены в комплексе с гончарной кухонной посудой древнерусского облика X—XII вв. Это фрагменты горшков, изготовленных на ручном гончарном круге. Венчик сильно отогнут, на нем нередко сделаны закраины для крышки. Орнамент в виде параллельных горизонтальных прочерченных линий, однорядных волн, цепочки перевернутых запятых покрывают плечики или весь сосуд. Ближайшие аналоги мы находим в Тмутаракани [4] и Саркеле—Белой Веже [3].

Керамическая тара на поселении Куричи представлена обломками амфор грушевидной формы с низким горлом и крутоизогнутыми ручками и амфор с низким невысоким горлом и вытянутыми вверх ручками, изгиб которых возвышается над венчиком. По характеру примесей в глине выделяются три группы: с примесью выгоревшей органики (рубленой травы), с примесью известковых включений и с примесью мелкого песка и слюды. Аналогии мы находим в слоях X—XII вв. Тмутаракани [4] и Саркела—Белой Вежи [3].

Характерная находка на поселении — фрагменты стеклянных браслетов различных форм: гладких и крученых, зеленого

и синего цветов, широко распространенных в слоях XI—XIII вв. Киевской Руси и Причерноморья.

Таким образом, поселение Куричи относится к памятникам славянской колонизации Северо-Восточного Приазовья и Тмутараканского княжества. Данные о хронологии распространения различных типов поливной керамики, кухонной и тарной позволяют существование Куричанского поселения отнести ко второй половине X — концу XIII, началу XIV вв.

Литература

1. Макарова Т. Н. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси. — САИ, вып. Е-1-38. М., 1967.
2. Паршина Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики. — В кн.: Феодальная Таврика. Киев, 1974.
3. Плетнева С. А. Керамика Саркела—Белой Вежи. — МИА, 1959, № 75.
4. Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АДУ — Археологічні дослідження на Україні. Київ.
АК — Археологическая комиссия.
АО — Археологические открытия. М.
АС — Археологический съезд.
АСГЭ — Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Л.
ВВ — Византийский временник. М.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.
ВССА — Вопросы скифо-сарматской археологии. М.
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества. Одесса.
ЗСКОАИЭ — Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории, и этнографии. Ростов-на-Дону.
ИА — Институт археологии АН СССР. М.
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии. Спб., П.
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Пг.—Л.
ИРОМК — Известия Ростовского-на-Дону областного музея краеведения.
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев.
КСИИМК АН СССР — Краткое содержание о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.
КЧНИИИЯЛ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Черкесск.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. Л.
МАД — Материалы по истории Дагестана. Махачкала.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
ОАК — Отчет Археологической комиссии. Спб.
РОМК — Ростовский-на-Дону музей краеведения.
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л.
СКНЦ ВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону.
ТИЭ — Труды института этнографии АН СССР. М.
ХС — Херсонский сборник. Симферополь.
RE — Pauly—Wissowa—Kroll. Realencyclopädie der Classischen Alertumswissenschaft.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Л. Я. Крижевская — Нижняя граница и хронология неолитических памятников Северо-Восточного Приазовья 5

Т. Д. Белановская — Ракушечноярская культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону 10

В. П. Третьяков — Неолит Верхнего Подонья 15

И. Ф. Ковалева — «Вытянутые» энеолитические погребения Днепровского ареала 21

З. П. Марина — Кавказские импорты Левобережного Поднепровья в памятниках эпохи бронзы 24

В. И. Мельник — Погребения Доно-Волжского междуречья с сочетанием ямных и катакомбных черт и их соотношение с полтавкинскими памятниками 27

Э. С. Шарафутдинова — Время появления раннесрубных памятников на Нижнем Дону 29

Л. С. Ильюков — Курган у села Новолакедемоновки 34

А. А. Нехаев — Памятники эпохи бронзы степного правобережья реки Кубани 40

И. Б. Брашинский — Периодизация и хронология греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону — Северо-Восточном Приазовье 44

В. Е. Максименко — Этническая история Подонья скифской эпохи 52

К. К. Марченко — Основные этапы истории Елизаветовского поселения на Дону 60

В. Г. Житников — Эволюция строительных комплексов Елизаветовского городища — 64

В. П. Копылов — Типы семьи у населения дельты Дона и их развитие в V—IV вв. до н. э. — 67

А. П. Медведев — Сарматские памятники лесостепного Подонья — 73

В. К. Гугуев — Новые подкурганные захоронения в Танаисе и их этническая принадлежность — 77

В. В. Чалый — Тризны западного участка курганного могильника Танаиса — 79

А. М. Ждановский — Появление алан в Прикубанье — 81

М. П. Черноцицкий — Непогребальные комплексы в курганах Нижнего Дона — 84

А. В. Дмитриев — Раннесредневековые фибулы из могильника Дюрсо — 90

В. А. Тарабанов — Этническая принадлежность ранней группы погребений Казазовского могильника — 93

А. И. Семенов — Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени — 98

В. С. Флеров — О хронологии салтово-маяцкой культуры — 103

М. Л. Швецов — О нижнедонской группе салтово-маяцких памятников — 109

В. М. Косяненко — Погребение у слободы Большая Орловка — ранний памятник салтово-маяцкой культуры — 113

А. И. Романчук — Салтово-маяцкие памятники в Крыму — 117

Е. И. Савченко — Хронология Крымского могильника — 120

П. А. Ларенок — Хронология средневекового слоя городища Самбек — 124

В. А. Числова — Поливная керамика в Куричанском поселении — 129

Список принятых сокращений — 133

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СТЕПНОЙ ЗОНЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

◆

Редактор *Н. Н. Арутюнянц*
Технический редактор *Н. П. Соловьева*
Корректор *Т. В. Краснолуцкая*
Обложка *Н. Н. Демидова*

◆

НБ № 635

Изд. № 23/1479. Сдано в набор 23.03.83. Подписано к печати 25.07.83. ПК 20124. Формат 60 x 84 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Физ. п. л. 8,5. Усл. п. л. 7,90. Уч.-изд. л. 8,9. Тираж 1000 экз. Заказ № 3398. Цена 1 р. 30 к.

Издательство Ростовского университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 160.

Типография издательства «Ворошиловградская правда», 348022, Ворошиловград, ул. Лермонтова, 1б.